

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 3 | № 1
Volume 3

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 3, №1. 2017

**СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 3, № 1. 2017

**ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL**
First published online: 2014
ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кисиленко А. В., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Хашаева С.В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Блазовевич М., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический институт имени К.Э. Циолковского», Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, зав. кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova E. M., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мchedlova M. M., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории администрации при президенте республики Беларусь, Беларусь.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kisilenko, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

Larissa Shmigirilova, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

Svetlana Hashaeva, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CONSULTING EDITORS:

Gulnara Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagozevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor, University of Niš, Serbia.

Jakob Fruchtmann, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Jacobs University Bremen, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Belarus.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Edward Patrik, Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

Svetlana Ryzanovaya, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Зинченко В.В. Трансформации перспектив эволюции менеджмента в практике организационных инноваций, эффективного развития и системе общественно-экономических процессов	3
Селюков М.В., Худякова Е.Н., Шалыгина Н.П. Роль конфликта на государственной службе	19
Симонова Е.В. Доверие органам местного самоуправления и участие граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования: характер взаимосвязи (На примере Тверской области)	26

Zinchenko V. V. Transformation of the prospects of the evolution of management practice, organizational innovation, effective development and the system of social-economic processes	3
Selyukov M. V., Khudyakova El. N., Shalygina N. P. The role of conflict in public service	19
Simonova E.V. Trust to local authorities and the participation of citizens in regional practices of initiative budgeting: the nature of the relationship (On the example of Tver region)	26

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Ельникова Г.А., Давитян М.Г., Никулина Н.Н. Особенности родительских стратегий современной студенческой молодежи	38
Жвирблис Л.В., Рудь Д.С., Герасименко А.В. Топография счастья: курьяново. От искусственно созданного сообщества к самоорганизованному	49

Elnikova G.A., Davitian M.G., Nikulina N.N. Features of parent strategies of modern young students	38
Zhvirblis L.V., Rud D.S., Gerasimenko A.V. Topography of happiness: kuryanovo community: created and transformed	49

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Бойченко М.И. Созидание и разрешение социальных проблем в обществе знаний	58
Поспелова С.В., Поспелова А.И. Локальная идентичность коряков в отдалённом районе Магаданской области	64

Boychenko M.I. Social problems creation and solving in a knowledge society	58
Pospelova S.V., Pospelova A.I. Local identity of koryak people in the remote district of Magadan region	64

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.324.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-3-18

Зинченко В.В.

**ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРСПЕКТИВ ЭВОЛЮЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА
В ПРАКТИКЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ,
ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ И СИСТЕМЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины,
ул. Бастионная, 9, Киев, 01014, Украина, zinchenko@kiev.com.ua

Аннотация. Анализируются трансформации обществ и экономик в условиях глобализационных изменений. Исследуются институциональные процессы интеграции и регионализации в современных индустриальных системах. Исследована специфика стратегий постиндустриального развития и комплексных трансформаций общественно-экономических структур разного уровня и моделей управления в условиях глобализации в современных индустриальных системах. В статье анализируется динамика и перспективы развития процессов самоорганизации в системах общества, управления, структура и алгоритм функционирования моделей прямого гражданского народовластия и самоуправления. При планировании общественного будущего акцент необходимо делать равномерно и на анализ ценностей, и на анализ социальных институтов, который позволит осознать реальные механизмы практического построения нового общества. То, что иногда имеет проявление в качестве поверхностных феноменов, на самом деле характеризует решительные тенденции, которые подсказывают не только другие перспективы изменений, но и такой переворот, который по глубине и ширине выходит за рамки ожиданий традиционной общественной теории. С точки зрения исторического прогресса каждый новую ступень развития человеческого общества отличается от прошлого тем, что создает новые предпосылки для материальной и духовной интеграции человечества как выражения основной тенденции этого общественно-исторического развития.

Также исследуются мировоззренческие, общественные, экономические тенденции и концепции субсидиарности и делиберативности, перспективы и формы их последующего развития.

Ключевые слова: глобализация; теории менеджмента; гуманизация труда; демократия; общественная трансформация; социальные институты; делиберативный менеджмент; коммуникация; самоуправление; самоорганизация.

V. V. Zinchenko

**TRANSFORMATION OF THE PROSPECTS OF THE EVOLUTION
OF MANAGEMENT PRACTICE, ORGANIZATIONAL INNOVATION,
EFFECTIVE DEVELOPMENT AND THE SYSTEM OF SOCIAL-
ECONOMIC PROCESSES**

Department of Internationalization of Higher Education, Institute of Higher Education, National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, 9 Bastionnaya St., Kyiv, 01014, Ukraine. zinchenko@kiev.com.ua

Abstract. The article analyzes the transformation of societies and economies in the conditions of globalizing changes. The author investigates the institutional processes of integration and regionalization in the modern industrial systems. Besides, the author investigates the specificity of post-industrial development strategies and comprehensive transformation of socio-economic structures of different levels and patterns of governance in the context of globalization in the modern industrial systems. The article analyzes the dynamics and prospects of the development of processes of self-organizing systems of society, governance, structure and functioning of the

algorithm model of direct democracy and civilian government. When planning the public future, the emphasis should be placed evenly on the analysis of the values, and on the analysis of social institutions that will realize the real mechanisms of the practical construction of a new society. The thing that is is sometimes manifested as surface phenomena, actually characterizes a determined trend, that provide not only a different outlook of changes, but also a revolution whose depth and width are beyond expectations of traditional public theory. From the point of view of historical progress every new stage of development of human society differs from the past, that creates new conditions for the material and spiritual integration of humanity as an expression of the basic trends of social and historical development.

Besides, the author investigates the ideological, social, economic trends and the concept of subsidiarity and deliberativity, the prospects and forms of their subsequent development.

Keywords: globalization; management theory; humanization of labor; democracy; public transformation; social institutions; deliberative management; communication; self-government; self-organization.

Современное глобальное общество, прежде всего его западная составляющая, хотя это относится и ко многим другим социумам, более похоже на общество в изображении Г. Зиммеля: социальные институты – нации, хозяйства, не являются столь важными, насколько важны первичные социальные связи, сети и матрицы этих связей [1, с. 205]. Происходит колоссальная фрагментация социально-экономического субъекта. И выражается это в совершенно явных формах бегства от институтов. Это процесс глобальный и в пределах западного мира он не связан с качеством самих институтов, он связан с изменениями, происходящими в сугубо человеческой, личностной сфере общественной деятельности. Важнейшее измерение в этих глобальных изменениях – *социально-антропологическое*. Наиболее общая их характеристика – *индивидуализация*. Причем наряду с индивидуализацией, отделением индивида от социальных групп, происходит обеднение самих этих социальных групп, формирование их не по принципу заданности социальным статусом, происхождению, а по принципу добровольности, ассоциативности [8, с. 57].

Для современной западной экономической, обществоведческой и управленческой теории интеграция развитых обществ в современной «*неокапиталистической*» (или по другой терминологии, «*неоиндустриальной*»), фазе их развития является объектом серьезных исследований (в частности, в исследованиях П. Кругмана, Д. Стиглица, Д. Нейсбита, Ю. Хабермаса, Р. Курца, Т. Майера, К. Оффе, О. Лафонтена, А. Турена и др.). Современные изменения в природе развитого индустриального общества привели к тому, что узкоспециализированный анализ рыночного механизма не может уже предоставить реального представления о структуре общественной системы: государство стало неотъемлемым

элементом функционирования экономики, и в определенном смысле все общество преобразовано в экономический аппарат и наоборот, наблюдаем масштабное явление государственно-политического интервенционизма в экономическую систему [14, с. 52]. Разные элементы общества пронизаны экономической и политической рациональностью. На смену классической рыночной экономике пришел не просто монополистический и олигополистический рынок, но сложная структура управляемых и взаимозависимых процессов.

В *индустриальном обществе* производственные отношения окончательно сбрасывают с себя груз внеэкономических форм, приобретая относительную самостоятельность от политики и вместе с тем получают такой способ регуляции экономических процессов, как **анонимный ценорегулируемый рынок**. Экономика и политика в глобальной системе становятся одновременно и взаимно интегрированными, и автономными (но опосредованно взаимообуславливающими) сферами общественного развития, получают возможность не подменивать друг друга, а лишь взаимно ограничивать [11, с. 14]. Капитализм уже на ранних стадиях своего развития, создавая общенациональный рынок продуктов материального производства объединяет на базе этого рынка ранее разрозненные и самобытные гражданские образования, подчиняет их единственной централизованной власти, вводя общеобязательные стандарты регуляции человеческой жизни (в основном с помощью экономических рычагов).

В ситуации перехода к «*неокапитализму*» («*посткапитализму*», «*новому индустриальному*», «*постиндустриальному*» обществу) стремление к стабилизации системы обнаруживает недостаточность только экономических рычагов, возникает потребность в

непосредственном влиянии на сознание масс, в создании общественного рынка товаров духовного производства как интегрирующей, объединительной общественной силы. Научно-технический процесс, превращение науки в непосредственно производственную силу, революция в сфере средств массовой коммуникации облегчают осуществление этого задания. Это стало новым историческим управленческим шагом на пути создания реальных предпосылок как для материальной, так и для духовной интеграции социальных систем. В условиях «неокапитализма» происходят изменения в экономике, которые ведут к устранению обнищания наемных работников, к ликвидации прежней противоположности между работниками физического и умственного труда, к значительному повышению квалификации рабочего класса в целом. В современных условиях «противоречия глобализма и империализма» не могут быть подведены под общие формулы, такие, как «универсальные противоречия между трудом и капиталом», и тем более не могут быть решены ими [17, с. 14].

Для современного общества существенным является и рост количества людей, которые не ожидают помощи от государства, экономической системы и политики в преодолении страха и беспокойства ни там, где экономическая власть достаточно часто превращается в политическую, ни там, где угнетается свободное выражение мыслей – как в капиталистическом государстве «всеобщего благоденствия», так и в государственно-бюрократических «социалистических» системах творческая жизненная активность подменяется разными формами отвлечения от плодотворной социально-экономической деятельности [23, с. 52]. Это в конечном итоге приводит к *массовому бегству из общественных структур*, которое, в свою очередь, порождает новые трудности, зависимости, человеческую пассивность, девальвацию личности как ответственного субъекта социально-исторического творчества.

Множественность теорий социального и производственного менеджмента, управления персоналом, нестандартность путей развития фирм вызвали к жизни ряд концепций, на которых базируется системное управленческое, стратегическое и внутрифирменное развитие. Каждая из них в приоритетном плане опирается на развитие как комплексного подхода, охватывающего все уровни менеджмента, так и определенного элемента систем управления [2]. В

других работах автора это исследуется довольно обширно¹.

В условиях «неокапитализма» (или по другой терминологии, «постиндустриальной» системы) происходят изменения в экономике, которые ведут к устранению обнищания наемных работников, к ликвидации прежней противоположности между работниками физического и умственного труда, к значительному повышению квалификации рабочего класса в целом. В современных условиях «противоречия глобализма и империализма» не могут быть подведены под общие формулы, такие, как «универсальные противоречия между трудом и капиталом», и тем более не могут быть решены ими [11, с. 19].

Хаотичность и неэффективность трансформаций авторитарно-бюрократических систем макро- и микроуровней на постсоветском пространстве, их нестабильность, вызывают необходимость поиска методов оздоровления общественных и государственных отношений, экономики, поиска путей перехода к управленческому механизму нового типа, который отвечает условиям функционирования мировой экономики, обеспечения сбалансированности, преодоления негативных процессов (инфляции, монополизма, безработицы, качественной ненасыщенности потребительского рынка, дефицита бюджета и проч.). В связи с этим перед экономической наукой и управленческой практикой возникают проблемы принципиально нового характера. Такими проблемами являются: разработка концептуальной модели и механизмов, которые

¹ См. в частности: Зинченко В.В. Менеджмент. Системы управління в умовах інституційної глобалізації. К.: Люксар, 2012. 864 с.; Зинченко В.В. Корпоративное партнерство и институциональное общественно-экономическое развитие в контексте делиберативной модели менеджмента // Новые тенденции в развитии модели корпоративного управления: в 3 кн. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон.ун-та, 2012. Кн.1. 190 с. С. 79-94; Zinchenko V. Global institutional transformation strategies of self-management systems // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Humanitas Zarządzanie «Management». 2015. (4). P. 169-176; Zinchenko V. Institutional Aspects of Globalization and Regionalization in the Context of the Transformation of Society // Journal of Social Sciences and Humanities. Vol. 1. №4, 2015. P. 415-421; Зинченко В.В. Глобальные трансформации современности. Т.1. Системные глобальные трансформации. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017. 248 с.

обеспечивают гармоничное сочетание сотрудничества и взаимодействия в общественных отношениях, рационального планирования и рыночной регуляции, производства и потребления в рыночных отношениях, наполнение потребительского рынка товарами и услугами, устранение диспропорции между товарной массой и количеством денежных знаков, которые находятся в обращении, ускорение окупаемости капитальных вложений, ориентация на прогрессивные технологии. При этом особенное место занимает проблема обеспечения стабильного роста качества и надежности новых изделий и услуг при снижении цен на новые виды продукции и ориентации на весомое сокращение численности производственных и управленческих работников для достижения преимуществ в конкурентной борьбе, закрепления на уже завоеванных и новых рынках.

Решение этих проблем требует глубокого теоретического анализа конъюнктурных аспектов народного хозяйства и поиска в зарубежной и отечественной практике инструментов его интенсификации. Результатом такой стратегии должно стать создание управленческих систем нового поколения, которые будут работать в режиме т.н. *конвейера нововведений*. В сущности, ставится задание объединить в рамках организационных и хозяйственных комплексов нового типа гибкость и способность к адаптации мелкосерийного производства услуг и продукции с низкими расходами и высокой производительностью труда, характерными для массового производства. Не только качественное удовлетворение существующих потребностей, но и заблаговременное прогнозирование форм их возникновения, анализ возможных последствий и постоянный поиск новых методов взаимодействия – является главным стратегическим и повседневным заданием функционирования любого общества, предприятия, учреждения и организации. Реализацию этих заданий обеспечивает качественное внедрение методов управления, которые основываются на мировом опыте прикладной деятельности и теоретических обобщениях в сфере эффективного менеджмента, самоуправления и управления человеческими и материальными ресурсами, применяясь на микро- и макроуровнях всех без исключения качественно функционирующих сегментов экономической и общественной жизни.

Все это диктует необходимость формирования новых подходов к управлению человеческими и производственными ресурсами,

поскольку традиционные методы управления – с их ориентацией на валовые показатели массового производства, которые не обеспечивают эффективного взаимодействия участников по горизонтали и не уделяют достаточного внимания конечному потребителю, – себя не оправдывают. Поэтому в настоящее время идет беспрецедентный слом существующих стереотипов управленческого мышления.

В теориях управления происходит эволюция к **«менеджменту человеческих ресурсов»**. Предыдущие «рациональные», «тейлористские» управленческие модели, которые предусматривают жесткие методы административного командного управления и вертикальную иерархическую структуру являются эффективными на отдельном участке производства или социума в случаях экстремальной потребности по концентрации совместных усилий. Конечно, современный менеджмент не отбрасывает полностью модель рационализма. Она остается методологической основой формирования организационных структур, планирования, проведения предпроектных исследований, экономических расчетов и проч. Элементы *жесткого командного управления* остаются подавляющими в определенных экстремальных условиях, которые требуют, например, быстрой концентрации усилий на каком-либо участке работ или при решении производственных заданий (например, выпуск массовой стандартной продукции). Однако по своей сути они стоят на пути налаживанию партнерских взаимоотношений, экспериментированию, сдерживая инициативность, что в конце концов приводит к снижению эффективности как производства, так и общественной мобильности. **Административность управления** служит консервированию антагонистических отношений, социально-политическим конфликтам вследствие обострения противоречий между взаимодействующими сторонами (работники, властная структура, управление). А там, где нужно экспериментировать, искать, в условиях повышенного хозяйственного риска, налаживать разнообразные рабочие связи между партнерами, административные рычаги становятся неэффективными – нужно новое, гибче и разнообразное или так называемое **органическое управление**.

Концепция «**организационного развития**», – получила распространение с 1970-х годов. Ее представители (В. Беннис, Г. Бекхард, В. Френч, Р. Лоуренс и проч.) в процесс организационного

развития включают совершенствование формальной структуры фирмы, улучшения координации в принятии решений, повышения знаний и опыта работников в межличных и межгрупповых отношениях, планирования их перемещений по служебной вертикали. Процесс внедрения организационных изменений проходит следующие этапы, характерные для большинства корпораций: диагностика системы управления, выявления проблем корпорации, выработки концепции реорганизации, разработка системы управления, которое принимается в результате реорганизации, планирования процесса реорганизации; реализация намеченных мероприятий, контроль. При осуществлении организационных изменений проводится уточнение разрешимой проблемы и диагноза, сбор дополнительной информации. При этом осуществляется последовательный переход в решении организационных задач от высших уровней управления к более низким.

Методы **организационных изменений** предусматривают прямое действие на поведение людей, групп, организаций в целом, охватывание как формальных, так и неформальных сторон организации.

Кроме **методов лабораторной подготовки** процесс организационного развития включает использование методов **«исследования действием»**, которые допускают определенную последовательность и периодичность в проведении исследований и налаживания обратной связи а системе управления как основного средства контроля и постоянной коррекции ситуации, которая сложилась. В результате установления обратной связи с подчиненными руководители получают информацию во-первых, о степени достижения цели реорганизации, которая проводится, соблюдения графика проведения отдельных мероприятий, о количестве потраченных ресурсов; во-вторых, о реальном использовании персоналом новых форм организации труда; в-третьих, о необходимости модификации внедренных новых форм и методов управления.

В сферу деятельности специалистов по организационному развитию включается осуществление технологических и структурных улучшений. *Организационно-управленческие изменения* могут быть направлены на разные объекты, то есть в зависимости от существа проблемы могут ориентироваться на методы работы с отдельными руководителями, группами руководителей или организацией в целом. Переподготовка и повышение квалификации

работников всех уровней также является обязательным элементом всех управленческих нововведений.

Успех организационных изменений во многом определяется степенью *участия всех сотрудников* в данном процессе. В связи с этим большое распространение в теории и практике совершенствования управления получила вторая концепция **«партисипативного управления»** или **«участия в управлении»**, которое основано на привлечении персонала к решению проблемы повышения эффективности функционирования системы, организации и фирмы. *Партисипативный подход* на практике реализуется в двух направлениях: во-первых, привлечение к принятию решений подчиненных в рамках отношений «начальник-подчиненный»; во-вторых, привлечение к принятию решений представителей разных групп работников корпораций. Формы привлечения персонала в управления весьма разнообразные (это – представительство трудящихся в совете директоров компании, создания кружков качества, автономных или самоуправленческих рабочих групп) и существенно различаются в зависимости от размера компании, вида производства, состояния деловой конъюнктуры, национальных особенностей [См.: 14; 20; 21; 31; 33].

В американских компаниях в основном получило развитие направление, связанное с совершенствованием межличных отношений между руководителем и подчиненным. Здесь разрабатываются и внедряются методы участия членов группы в принятии решений по руководству и организации труда данной группы. На основе таких подходов делаются попытки интеграции целей руководства и подчиненных, формальной и неформальной структур управления.

Одной из форм привлечения персонала до совершенствования организационно управленческой деятельности есть программы повышения **«качества трудовой жизни»**. Они осуществляются путем привлечения персонала в разработку долгосрочной стратегии компании, активизации их участия в процессе принятия решений в рабочих группах, в обсуждении вопросов рационализации производства, в предоставлении им большей свободы в организации своей собственной деятельности. Из практики американских фирм выходит, что

использование **партисипативного подхода** эффективно из тех случаях, когда не лимитировано время для проведения организационных перестроек, осуществляется обратная связь со всеми членами организации; необходимость изменений всеми признана и понятна; члены организации желают быть привлеченными в процесс изменений. Участие персонала всех уровней в решении внешних и внутренних проблем рассматривается как часть общей корпоративной стратегии по мобилизации ресурсов фирмы и как метод снижения сопротивления персонала организационным изменениям, которые происходят, что достигается активной учебной работой руководителей и сотрудников аппарата управления.

Расширение рамок процесса совершенствования управления в американских фирмах, включение у него методов рациональной организации труда привели к появлению концепции **«гуманизации труда»**, основанного на более полном использовании производительных резервов рабочей силы, особенно интеллектуальных и морально психологических. Доктрину характеризуют четыре основных принципа: **безопасность, справедливость, развитие лица, демократия** [25, с. 212].

Реорганизация труда в больших фирмах позволяет разнообразить используемые формы – обогащать индивидуальный труд путем предоставления большей самостоятельности индивиду, расширять круг трудовых операций, ротации работников, создавать небольшие самостоятельные группы (автономные, полуавтономные в зависимости от степени их самостоятельности) как на производстве, так и в управлении. Такие методы широко используются в таких американских корпорациях, как «АТТ», «Дженерал моторз», «ИБМ», «3М Ксерокс», «Техас инструментс» и проч. По результатам обследования 71 промышленной компании США из перечня журнала «Форчун» 46% фирм регулярно пользуются этими методами для внедрения организационно управленческих нововведений. Рассмотрим характерные черты американского внутрифирменного управления на примере корпорации – «Хьюлетт-паккард». Своя философия менеджмента сложилась в «Хьюлетт Паккард» (США), которая отметила в 2017 г. свой семидесятивосьмилетний юбилей. В списке «Форчун-500» в 2009 г. «Хьюлетт Паккард»

занимала 33-е место, объем продаж фирмы достигал 11,9 млрд. дол. Для сравнения: в 1980 г. корпорация находилась на 120-м месте с объемом продаж в 3,09 млрд. дол. По результатам проведенного в 2009 г. опроса менеджеров высшего уровня и финансовых аналитиков «Хьюлетт Паккард» входила в число 20 среди 305 ведущих компаний по сумме таких показателей, как: качественный уровень системы управления, качество продукции, способность к инновациям и оптимальному использованию ресурсов, финансовая гарантия охраны окружающего среды и поддержка общественной стабильности [3].

Стиль управления «Хьюлетт Паккард» характеризуется сочетанием умной централизации с широкой автономией подразделений, которая допускает их конкуренцию друг с другом, относительно небольшие размеры предприятий, максимальное использование локальных ресурсов. Такая система управления в течение значительного времени позволяет успешно выдерживать конкуренцию со стороны венчурных фирм. При этом руководство фирмы не придает очень большого значения потерям в результате конкуренции между подразделениями, и корпорация достаточно часто предлагала потребителям целый ряд взаимозаменяемых продуктов с разными условиями продажи (скидки и тому подобное). Однако в начале 1980-х годов корпорация столкнулась с необходимостью поиска новых форм специализации и соответствующей структурной реорганизации. Главным направлением реорганизации стала централизация производственной и сбытовой деятельности подразделений с целью усиления координации выпуска комплектующих узлов, совместимости отдельных компонентов. С 2002 г. на предприятиях «Хьюлетт Паккард» началось внедрение системы управления производством **«точно в срок»**, заимствованной у японских фирм. При использовании этой системы ускорения производственного процесса и снижения потерь достигается за счет выпуска изделий небольшими партиями и только при наличии гарантированного потребителя. И хотя эта система была разработана для крупномасштабного стандартизированного производства, опыт «Хьюлетт Паккард» может быть применен и для высокоспециализированного производства. Так, на предприятии по

сбору измерительной аппаратуры в Лейк-Стивенс (штат Вашингтон) из 7 тыс. компонентов собиралось вручную до 290 видов конечной продукции. При освоении системы **«точно в срок»** на предприятии было внедрено несколько сборочных линий, управляемых компьютерами, которые распределяют по производственным помещениям компоненты для сборника разных видов оборудования. Больше 80% компонентов собирается теперь автоматически (раньше соответствующий показатель составлял 45%). При этом производственный цикл сократился с 45 до 5 дней. На предприятии по производству мини-компьютеров в Купертино (Калифорния) норма нехватки снизилась на 90%, а производственные площади сократились наполовину, причем были ликвидированы складские помещения площадью в 75 тыс. кв. футов. На заводе в Форт-Коллинс (Колорадо), который выпускает автоматизированные рабочие места, отходы производства сократилась на 60%, площади – на 30% [2, с. 76].

Внедрение системы **«точно в срок»** привело и к существенным изменениям в отношениях с субпоставщиками. Так, компания «Туше менюфкчуринг», которая поставяет корпуса для компьютеров, вынуждена сократить число типов продукции, которая поставяется, с 100 до 25, и производственный цикл на предприятиях «Туше» уменьшился из 3 мес. до 4 недель. В «Мотороле», главном поставщике чипов, норма нехватки сократилась до 600 на 1 млн. кристаллов, поскольку менеджеры «Хьюлет-Паккард» усилили контроль качества. Корпорация «Хьюлет-Паккард» имеет ряд совместных предприятий с венчурными фирмами в США и 24 филиала в 13 европейских странах. В последние годы вместе с использованием технологии, разработанной в США, на европейских предприятиях активно ведутся собственные научные исследования. По мнению специалистов, готовность «Хьюлет-Паккард» к промышленному сотрудничеству принесет ей достаточно большие дивиденды в связи с образованием единственного рынка Европейского Союза. Если у самой «Хьюлет-Паккард» объемы продажи на американском и внешних рынках распределенные приблизительно в одинаковой пропорции, то у ее ведущих европейских конкурентов подавляющая часть продукции реализуется в Старом мире. Корпорация

«Хьюлет-Паккард» благодаря высокому уровню технологии и качества продукции, гибкой системе управления, разветвленной сбытовой сети, готовности к промышленному сотрудничеству являются весьма перспективным партнером для предприятий и организаций стран СНГ и на постсоветском пространстве в целом.

В классической традиционной системе управления выделялись следующие основные элементы прямых расходов: *материалы, труд и производственные накладные расходы*. При этом операции оценивались по прямым трудозатратам, которые составляли до 30% валовых расходов. В новой системе выделяются расходы на подготовку (расходы на покупку материалов, транспортировки, хранения, переработку, бухгалтерский учет) и ведение производства (расходы на сборочные и контрольные операции), а также дополнительные расходы (разработка технологии, управления производством, информационное обеспечение и проч.). Таким образом, при оценке производственных операций больший акцент был сделан на функционировании систем, не зависящих от деятельности отдельного индивида, который отображает увеличенное значение овеществленных факторов производства. Как следствие, частица прямых трудозатрат в расходах производства снизилась до 2%. Главным же преимуществом новой системы является унификация учета на всех стадиях производственного цикла. При этом новая классификация расходов в большей степени, чем прежняя, приближенная к технологическому процессу. Следовательно, основным направлением реорганизации системы управления стало определенное усиление централизации и унификация производственного режима подразделений. Что же касается принципов управления человеческими ресурсами, то демократизм стиля во многом облегчил восприятие сотрудниками новой системы управления производством, которое требует большего самоконтроля, улучшения квалификационных характеристик. Применение системы «точно в срок» требует от работников определенных знаний в математике и навыков работы на персональном компьютере.

Переход к компьютерной специализации, усиления внимания к стандартизированной продукции обусловили и определены изменения в

рыночной стратегии. Если раньше было характерным в основном специализировано производство, успех на рынке добивался главным образом за счет высокого научно-технического уровня и качества продукции, то с середины 1990-х годов руководство многих корпораций пришло к мысли о необходимости усиления внимания к рыночным факторам конкурентоспособности. Началось внедрение методики маркетинга, употребляемой в отраслях, для которых характерный пакетный метод продаж: создание «фокусных» групп, которые определяют основные тенденции развития спроса, пробное внедрение и количественные оценки перспектив сбыта новой продукции. Предприятие приступило к реализации программ переподготовки менеджеров (традиционно управленческий состав корпорации формировался в основном за счет технических специалистов, менее 40% менеджеров имеют экономическое образование). Было усилено внимание к функционированию сети сбыта: число дилеров выросло почти вдвое. Также были стандартизированы учебные программы для работников служб сбыта фирмы и из трех до шести дней увеличен срок, в течение которого они проходят курс повышения квалификации. За оценками специалистов, ключевым фактором поддержки конкурентоспособности продукции в будущем остается не столько активная рыночная стратегия, сколько технологические преимущества, которые в немалой степени реализовываются за счет промышленного сотрудничества с другими фирмами.

Повышенный интерес во всем мире вызывает японский опыт менеджмента. Его исследование требует принятия к сведению трех важнейших факторов, которые определяют и формируют методы управления фирмами.

Первый – **фундаментальные принципы управления.**

Второй – **механизмы, правила, с помощью которых эти принципы воплощаются в жизнь.**

Третий фактор – **социальная и культурная специфика страны, исторические традиции, состояние общественного сознания, национальный характер.**

Любой процесс реорганизации, преследуя даже полностью обоснованные цели, нарушает нормальное функционирование организации, утрудняет взаимодействие работников и

подразделений, делает статус многих лиц очень неопределенным и неустойчивым. Часто возникает ситуация, когда старые структуры, системы и методы уже не действуют, а новые еще не освоены. Для исключения возможности возникновения такой ситуации некоторые корпорации создают две **целевые группы** одна из которых занимается организацией работы по-новому, а другая обеспечивает бесперебойное выполнение работ той, что в рамках действующей организации. Поскольку любые нововведения, и в большей степени организационно управленческие, неминуемо допускают неопределенность их результата, то они могут вызывать сопротивление персонала корпораций, если превращению организационных структур и методов управления не предшествует продуманная работа по подготовке кадров.

Американский специалист Том Липтон разработал ряд мероприятий по минимизации возможного сопротивления и предлагает решать эти проблемы в двух направлениях: во-первых, путем уменьшения потенциальных отклонений от заданной программы в период проведения изменений, во-вторых, путем ускоренного достижения стабильной ситуации для эффективного функционирования. Поэтому при планировании изменений необходимо:

- разработать ряд альтернативных направлений осуществления изменений и определить предполагаемый объем времени для этого;

- выделить все подразделы, категории персонала, рабочие группы, на которые повлияет хоть бы непрямым чином осуществляемое изменение;

- предусмотреть возможную реакцию разных групп на тех, которые проводятся изменение.

Для того, чтобы облегчить и ускорить процесс осуществления изменений, руководители компаний должны создавать благоприятные условия для их проведения, а не навязывать их в принудительной форме, которая усиливает напряженность обеих сторон, вызывает у сотрудников разочарование и нежелание принимать участие в проведении изменений [32, p. 83].

Анализ практики внедрения организационно-управленческих нововведений в американских корпорациях показал, что наиболее эффективной (100%-й успех в 20% случаев) оказалась практика «привлечения», которое допускает

непосредственное участие в работах по внедрению изменений руководителей соответствующего уровня. Приблизительно такую же эффективность (76% успеху) обеспечивали действия, основанные на убеждении исполнителей в рациональности предлагаемых изменений (в этих случаях чаще всего используются консультанты) и на привлечении к процессу внедрения изменений всех заинтересованных сторон путем создания специальных комиссий. Тактика «убеждения» использовалась в 42% случаев, а «привлечение» всех заинтересованных сторон – в 17% случаев, причем наиболее экономической из расчета удельных расходов на внедрение была тактика «привлечения». Наименее эффективной оказалась «директивная» тактика внедрения изменений, основанная преимущественно на административной власти руководителя фирмы. Она приводила к успеху всего в 47% случаев ее использования. Если сопротивление изменениям значительный, то рекомендуется внедрять их в ограниченных масштабах, то есть использовать так называемый «экспериментальный проект», где обуславливается, что организационные изменения вводятся в порядке эксперимента с осуществлением постоянного контроля и анализа результатов. На ранних стадиях внедрения создаются максимально благоприятные условия и осуществляется своевременная коррекция проекта. После определенного периода времени изменения оцениваются, и в случае неэффективности от них отказываются. Такой подход позволяет создавать благоприятную обстановку на наиболее тяжелых ранних этапах внедрения изменений.

Организационные изменения могут осуществляться:

1) внутрифирменными подразделениями или специалистами, которые ведут работу по совершенствованию организационно управленческой деятельности на постоянной основе;

2) внешними организациями или консультантами, которые привлекаются при возникновении сложных проблем, или так называемой «третьей партией». Срок «третья партия» в контексте организационных изменений допускает индивида или группу, которые помогают в процессе диагностирования проблемы и внедрения решений, но не являются частью

организационной системы, непосредственно привлеченной в изменения. «Третьей партией» могут быть внешние коммерческие консультанты, ученые, специалисты.

Внутренними подразделениями корпораций являются отделы *организационного планирования, систем управления, организационного развития, управленческого обслуживания*, корпоративного развития. Обычно указанные службы выполняют следующие функции: периодическое проведение анализа существующей системы управления для проверки соответствия действующей системы управления системе, установленной решениями высших органов компании; создание условий для своевременного внесения изменений, улучшающих организацию управления в условиях деятельности компаний, которые изменяются; определение потребности компании в новых формах и методах управления, необходимых для эффективного выполнения заданий, поставленных руководством компании; разработка и внедрение схем организации управления разными подразделениями компании; определение функций и взаимоотношений между всеми отделами и руководителями; выпуск справочников и инструкций, в которых разъясняется организационная структура фирмы, права и обязанности подразделений и исполнителей.

При внедрении изменений широко используются методы, ориентированные на повышение восприимчивости персонала к организационно управленческим нововведениям, способствуя снижению сопротивления изменениям и направленные в основном на повышение образовательного уровня, участие работников в управлении, поддержку нововведений, скрытое и видимое принуждение, методы лабораторной подготовки.

В настоящее время в работе фирм используются три группы **методов лабораторной подготовки**:

- 1) «тренировка чувствительности» (Т-группа),
- 2) формирование команд,
- 3) инструментальная учеба (группы без ведущего).

Создание «Т-групп» направлено на улучшение качеств управленца как руководителя и как члена разных экспериментальных групп по выработке линий поведения в ходе учебы. С

помощью специальных занятий повышается восприимчивость членов этих групп к мотивам поведения, ценностным ориентациям, потребностям других работников компании.

Основная цель **метода формирования команд** – предоставление инструментария, с помощью которого члены группы могут анализировать собственное поведение и выработку линии поведения для достижения поставленной цели. Большое значение при использовании этого метода имеет оценка консультантом причин появления проблем.

При создании **«групп инструментальной учебы»** инструктор не принимает участие в заседаниях групп, а обратная связь для всех членов группы обеспечивается благодаря использованию разных опросников. Ответы обрабатываются инструктором и приходятся до участников. Члены группы сами предлагают и испытывают разные модели поведения.

На практике *методы лабораторной подготовки* оказались малоэффективными. Их слабость заключалась в отрыве от реальных проблем управления, в трудностях перенесения «аудиторных» знаний в конкретные организации. В связи с этим в последнее время в использовании методов организационного развития акценты стали делаться на учете реальных проблем управления. Местом учеба все более частая становится не аудитория школы бизнеса, а конкретное предприятие.

Первый принцип – уважение к личности. То ли сотрудник компании, клиент или поставщик – он должен быть уважаем как личность.

Второй принцип – обеспечение наилучшее в мире обслуживания клиентов. Он заключается не только в том, чтобы продавать изделия компании или быстро их ремонтировать, когда это необходимо, но и постоянно изучать потребности клиентов, поставлять им те изделия и услуги, которые удовлетворяют их потребности.

И третий – стремление к совершенству. Каждый служащий компании должен выполнять свою работу самым наилучшим чином. Небольшие группы сотрудников корпорации занимаются функциональными дисциплинами, например, маркетингом, обслуживанием, производством, научно-техническими разработками, вопросами кадров, финансов, связи и др. Задание этих групп заключается в том,

чтобы политика, которая проводится компанией, проводилась однообразно в ее филиалах.

Четыре значительных оперативных подразделения несут ответственность за продажу, обслуживание и производство продукции, причем каждое отвечает за определенный географический район. Эффективность каждого из оперативных подразделов определяется с учетом дохода, роста прибыли и объема рынков сбыта. Компания подразделяется на шесть групп, каждая из которых занимается разработкой конкретного изделия, например, большими электронно-вычислительными машинами, системами-накопителями информации, компьютерами со средней мощностью, персональными компьютерами и проч. Есть и седьмая группа, которая занимается вопросами банковского обеспечения, производством, организацией больниц, торговлей (оптовой, розничной). Эта группа объединяет все элементы корпорации одно целое, чтобы обеспечить наилучшее обслуживание потребителей продукцией компании. Каждая из шести групп подразделяется на более мелкие группы или отделы.

Ключевой установкой функционирования компании, ее успеха на рынке в условиях конкуренции является необходимость развиваться теми же темпами, что и ее конкуренты, а это значит также и то, что доход, прибыль, которую она получает, должна обеспечить наличие в компании необходимого капитала. Важным элементом деятельности *комитета по менеджменту* является тщательное изучение рынка по сегментам, что позволяет определить финансовые расходы, рассчитать возможность получения прибыли от реализации новой продукции. При ее наличии начинается разработка новых видов продукции, набирается штат конструкторов, специалистов по производству, техобслуживанию и ремонту, готовятся специалисты в области продажи, обеспечивается необходимое количество независимых каналов по распространению продукции.

Особенное внимание необходимо уделять соотношению между персоналом, занятым в производстве, и административно-управленческим персоналом, потому что очень большой удельный вес управленческого персонала снижает уровень производительности труда. И еще одним фактором роста

производительности труда является создание условий для заинтересованности людей. Для определения размера вознаграждения за работу (**позитивная мотивация**) необходима система измерителей трудового вклада, причем не только количественных (производственные задания), но и качественных (*компетентность, инициативность*). При оценке эффективности труда управленцев, которые занимаются техобслуживанием и ремонтом или разработкой новых изделий, на за основу берется такой критерий, как **удовлетворенность потребителей**. Для получения объективной шкалы оценок часто пользуются услугами независимых компаний. Они вступают в контакты с потребителями и выясняют насколько те довольные изделиями и техобслуживанием компании. Основной упор при этом делается на получение прибыли в **долгосрочной перспективе при минимальных расходах**, что достигается лишь за счет высокого качества товаров и услуг. Крепкие позиции в быстро переменном технологическом мире рядом с упомянутыми факторами основываются на трех основных подходах.

Во-первых, – это *честность и добросовестность*. Организации, которые врут друг другу, в конечном итоге оказываются в сложном положении, их обман раскрывается и расходы, какие они понесут, в результате того, что взорвали доверие к себе, будут отражаться в течение очень длинного периода времени. Этот период намного дольше, чем тот, в течение которого они добывали прибыль. Более того, организации, которые становятся на путь лжи и обману в конечном итоге обреченные на крах.

Во-вторых, необходимо направлять и контролировать изменения, связанные с самооценкой сотрудниками своего вклада, своего окружения. Эти изменения должны приносить реальные результаты. Например, при делегировании управленческих полномочий по вертикали необходимо сурово соблюдать принятый уровень решений с тем, чтобы лицо, которое получило новые функции, владело и большей свободой, и соответственно, большей ответственностью.

В-третьих, цель может быть достигнута лишь при наличии компетентного, творчески мыслящего руководства, которое беспокоится о потребностях и опасениях своих сотрудников. Это руководство должно иметь мужество

настаивать на своем, когда возникают сложности и препятствия, и в то же время владеть мудростью для того, чтобы изменить курс, когда внешние условия требуют того.

В теориях социального и производственного управления происходит эволюция к «менеджменту человеческих ресурсов». Предыдущие «рациональные» и «тейлористские» управленческие модели, которые предусматривают жесткие методы административного командного управления и вертикальную иерархическую структуру являются эффективными на отдельном участке производства или социума в случаях экстремальной потребности по концентрации совместных усилий. Конечно, современный менеджмент не отбрасывает полностью *модель рационализма*. Она остается методологической основой формирования организационных структур, планирования, проведения предпроектных исследований, экономических расчетов и проч. Элементы жесткого командного управления остаются подавляющими в определенных экстремальных условиях, которые требуют, например, быстрой концентрации усилий на каком-либо участке работ или при решении производственных заданий (например, выпуск массовой стандартной продукции). Однако по своей сути они стоят на пути налаживанию партнерских взаимоотношений, экспериментированию, сдерживая инициативность, что в конце концов приводит к снижению эффективности как производства, так и общественной мобильности. Административность управления служит консервированию антагонистических отношений, социально-политическим конфликтам вследствие обострения противоречий между взаимодействующими сторонами (работники, властная структура, управление) [13, с. 59]. А там, где нужно экспериментировать, искать, в условиях повышенного хозяйственного риска, налаживать разнообразные рабочие связи между партнерами, административные рычаги становятся неэффективными – нужно новое, гибче и разнообразное или так называемое *органическое управление*. Поэтому в концепциях управления является необходимым формирование новой стратегии, началом чего является слом традиционных стереотипов в управленческом мышлении.

Созданный тип индустриального общества разрушает межличностную коммуникацию ее первичную неформальную форму, бюрократизуется, изолируя человека, игнорируя мир человеческих эмоций. Создается разрыв между технологически-экономическим развитием общества и его морально-этическим уровнем. Негативным последствием этого является развитие *«социального невежества»* общества, которое подавляет потребности и стремления личности. Это приводит к вспышкам агрессии и невротизму [10]. На предприятии это ведет к его разрушению (забастовки, «текучка» кадров, производственная апатия и тому подобное); в обществе проявлением этого являются революции, межклассовые столкновения, войны, девальвация социально-этических ценностей.

Необходимо учитывать, что *«акционированные» экономико-социальные модели*, не позволяющие достичь преодоления отчуждения между участниками общественных и производственных отношений. «Акционированные» модели предусматривают наделение участника взаимоотношений возможностью получения частицы общественной или производственной прибыли. Однако, предоставляя возможность владения, они не предоставляют возможность участия в системе управления и контроля. В этом случае работник на производстве или гражданин в обществе в лучшем случае превращается в фиктивного «владельца-акционера», который подчиняется предписывающей власти управленцев. Построение *«общества потребления»* и установление формально-юридического равенства не способствует преодолению отчуждения от власти и не предоставляет реальные шансы на получение доступа к системе управления. Нерегулярное «участие» в формотворчестве решений в виде эпизодического участия в выборах или выполнении принятых управленческой верхушкой решений, при отсутствии навыков управления, оставляет человека пассивным участником социальных и производственных процессов, сформированных господствующей идеологией. Следствием этого является развитие у человека созерцательной и сугубо исполнительской позиции.

Антагонистично-эксплуатационные отношения между людьми и прежде всего, в сфере непосредственной коммуникации являются

основным отчуждающим фактором, поскольку в них человек проявляется не в качестве уникальной личности, а как определенный *фетишизированный эталон* господствующих экономических и политических идеологией [14, с. 27]. *«Менеджмент человеческих ресурсов»* способствует улучшению ситуации. Поскольку в нем человек, в частности работник, уже не является объектом-исполнителем, а от него требуется активная позиция, стимулируется творческий подход, формируется личная ответственность за результаты собственного труда и деятельности. И действует он ради общих целей (предприятия, социума). Развитие личной инициативы в данном случае стимулируется системой мотивационной поддержки (карьерное продвижение, финансовая стимуляция). «Теория У» Д. Мак-Грегора указывает, что система санкций и административного побуждения не является достаточно эффективной. Необходимо учитывать, что при определенных условиях человек не только является способным к ответственности, но и стремится к ней [24, с. 45]. Человек способен себя контролировать и действовать общественно-солидарно в случае стремления к целям, достижение которых будет способствовать удовлетворению его индивидуальных интересов.

Следующим шагом является современная модель *«делиберативного коммуникативного менеджмента»* (в частности, в исследованиях П. Кругмана, Д. Стиглица, Д. Нейсбита, Ю. Хабермаса, Р. Курца, Т. Майера, К. Оффе, О. Лафонтена, А. Турена и др.). Делиберативный менеджмент выступает за привлечение к повседневной управленческой экономико-политической деятельности большинства населения, охватывания его сферой экономического и политического просвещения. Идея делиберативного самоуправленческого уклада является противоположностью как командно-административному типу управления, так и тотально-дерегулированным системам [30, с. 71]. Демократическое самоуправление должно быть достаточно гибким, то есть массы и индивид должны иметь возможность свободно выбирать из числа разнообразных альтернативных проектов [21, с. 203]. Речь идет об *изменении сущности общества* – дополнении к имеющимся социальным завоеваниям расширенной системы отношений самоуправления (в общественной,

производственной и политико-государственной сферах), уменьшения пространства отношений администрирования, наемничества и эксплуатации [34, с. 419].

Значительное количество исследователей «*нового индустриального*», «*постиндустриального*», «*информационного*» общества (Д. Гелбрейт, Д. Нейсбит, Й. Масуда, В. Феркис и другие) обращают внимание на этапное уменьшение любых жестких социальных, образовательных, политических дифференциаций, как условия возникновения стабильного эволюционирующего гражданского общества нового типа – *полицентрированного* и *синергетического* [См.: 27; 28].

Унаследованная качественно определенная разноплановость и разнообразие хозяйственных структур медленно, но неуклонно отживается на более высоком уровне научно-технических производственных сил, который позволит ассоциируемым индивидам быть реально свободными управленческом, в общественно-политическом, экономическом, и в духовном отношениях. Это станет возможным тогда, когда абсолютно преобладающая часть общественной и производственной системы будет охвачена непосредственно общественным контролем. Это и будет означать реальную победу *делиберативного подхода* в базисе социума, так как разнообразные продукты коллективной деятельности ассоциируемых членов перестанут противостоять друг другу.

В перспективе – общество и производство в перспективе должны стать *самоуправляемыми* [26, с. 73]. На смену системе «*человек-вещь-человек*», должна прийти система «*человек-человек*», где отношения будут непосредственно межличностно-общественными, разумными. Но такие отношения требуют и определенных людей – всеобщие развитых, способных ориентироваться во всех общественно-экономических отношениях. *Самоуправление* осуществляется внутри общественных систем благодаря включению населения в управление и собственность, расширению прав и свобод, роста социальной защищенности, гуманизации общественной жизни. Новое общество, производство, таким образом – это сознательно регулируемая и самоуправляемая система.

Демократия во всех формах *делиберативной* демократии и *делиберативной*

коммуникативности прежде всего – это *коммуникация*, которая в процессе самого широкого обсуждения рационально формирует волю ее участников. То есть, необходимо исходить не из заранее определенных взглядов и решений, а из процессов их формирования в общественном коммуникативном дискурсе. Развитие нового общества должно осуществляться как свободное дело освобожденных индивидов.

Субсидиарная делиберативная концепция (термин т.н. «Субсидиарной школы», которая охватывает исследования таких экономистов, социологов, политологов, правоведов, как, в частности, Р. Шольц и Н. Тренкле, Э. Лохоф и А. Белгарт и Ф. Шандл, Р. Курц и Г. Райхельт, О. Лафонтен и Т. Майер, Г. Вайссер и С. Миллер и проч.), рассматривает нынешнее состояние общества как *временное, переходное и этапное*, нуждающееся в перманентных комплексных экономико-политических, общественно-управленческих и государственно-правовых изменениях. Завоевания экономической и политико-правовой демократии привели к закреплению в развитых государствах гражданско-политических свобод, формально-юридическому равенству всех граждан, широкой системы социальной защиты [32, с. 65]. Это состояние является удобной основой для постепенного формирования последующего, более эффективного общественного развития.

В общественной, политической и экономико-производственной сферах *субсидиарная* демократия и *делиберативная* модель, исходя из своих идейных принципов, практического опыта и поставленной цели тотального преодоления эксплуатации и отчуждения, не могут позволить себе концентрироваться исключительно на сугубо акционированных и парламентских формах экономико-политической деятельности. Целью становится достижение демократического консенсуса в принятии решений. На уровне общества и предприятия нормы и решения формируются в результате компромисса и согласия (консенсуса) между всеми заинтересованными участниками, которые имеют равные права в равном доступе к управленческой власти [18, с. 61]. В то же время исключается избыточное давление со стороны одной из сторон, не предоставляется никому привилегированного властно-управленческого положения. Консенсус достигается благодаря процедуре общего коммуникативного формирования решений, которые основываясь на

равных интересах каждого, находят обоснованное одобрение всех. Целью делиберативной модели управления является постоянное уменьшение наемническо-эксплуататорских отношений; расширение системы самоуправления (как общественного, так и на уровне предприятий). В таком случае субъект общественных и трудовых отношений является также субъектом (а не объектом) системы управления, распределения и контроля. Идея **делиберативного самоуправления** является противоположностью как командно-административному типу управления, так и тотально-дерегулированным системам. Демократическое самоуправление должно быть достаточно гибким, то есть массы и индивид должны иметь возможность свободно выбирать из числа разнообразных альтернативных проектов.

Для такой системы базовым является **принцип общественной ответственности**. Способность к ответственности означает подчинение ее требованиям: «*быть могущим*» связано с «*быть обязанным*». «Ответственность является составляющей свободы действующего субъекта: я отвечаю за свои действия, невзирая на то, существует ли объект ответственности, который – рано или поздно – привлечет меня к ней» [7, с. 32]. Этим обуславливается ответственность и зависимость состояния каждого за аналогичное состояние другого. Равный для всех уровень свободы и справедливости является возможным при наличии солидарности: каждый член сообщества должен отвечать за свои действия, заручаясь аналогичной ответственностью по отношению к себе со стороны других членов. *Происходит сочетание самой ответственности и совместной ответственности (соответственности)*. Вместе с принципом ответственности, каждый при такой системе также получает частицу общественного или предпринимательского дохода и управленческих возможностей пропорционально индивидуальному взносу в общее дело. Это становится стимулом и мотивацией к творческому, инициативному саморазвитию каждого участника общественных и производственных процессов.

В идеях Р. Курца, Г. Райхельта, Ю. Хабермаса, О. Лафонтена, М. Хаммера, А. Негри обращается внимание на взаимосвязь общественно-коллективных действий, interpersonalного взаимодействия творческих

лиц с типом экономико-политической идеологии социума. Представляется существенным и обоснованным утверждение, что эффективные гражданские ассоциации любого уровня и типа осуществляется не на основе решений большинства и даже не на основе консенсуса, а на почве «внутренней согласованности общественных ориентиров и ценностных стремлений» [19, с.122].

Структура, практика и логика современной глобальной экономики, основанной на новейших информационных и телекоммуникационных технологиях, привела к новому международного разделению труда, которое не только способствует изменению баланса экономической власти между ведущими промышленно развитыми странами, но и к развитию тенденции по созданию экономической многополярности [4; 8; 16].

Происходит изменение системы взглядов на научно-технический прогресс как разумно контролируемое средство достижения необходимых материальных предпосылок реализации морально-ценностных ориентиров. Прогресс науки и техники прежде понимался как улучшение условий человеческой жизни и тем самым он отождествлялся с общественным прогрессом, утверждением гражданского общества. «В конечном итоге люди должны были понять, что в ходе истории еще нигде план разума не был очевидным, наоборот все большим становилось явным преобладание неразумности. В связи с катастрофами нашего времени поставлен вопрос о несовпадении научно-технического прогресса с социальным» [9, с. 107]. Было допущено отождествление разумности человеческого бытия как культурно-исторического явления с материально-производственной рациональностью.

Понимание человека как существа незапрограммированного, свободного, но в то же время требующего в течение всей своей жизни обучающего развития требует отказа от статического понимания свободы и прогресса.

Список литературы

1. Зіммель Г. Філософія грошей. К.: ПРОМІНЬ, 2010. 504 с.
2. Ру Д., Сульє Д. Управління. К.: Основи, 2015. 442 с.
3. An anatomy of so-called «deglobalisation» // The Economist. Feb 19th 2009.

4. Bello W. The Virtues of Deglobalization. Washington, DC: Foreign Policy In Focus, September 3, 2009. Pp. 3-7.
5. Bello W. U.S. Foreign Policy? // Foreign Policy In Focus, January 6, 2016. URL: <http://fpif.org/ultimate-blowback-u-s-foreign-policy-donald-trump/> (дата обращения: 18.12.2017)
6. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 2009. 223 p.
7. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 p.
8. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 p.
9. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. – Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2013. 227 p.
10. Gawel J.E. Herzberg's Theory of Motivation and Maslow's Hierarchy of Needs // Practical Assessment, Research & Evaluation. 1997. 5(11). URL: <http://pareonline.net/getvn.asp?v=5&n=11>. (дата обращения: 18.12.2017)
11. Habermas J. Legitimations probleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 p.
12. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Zurich: Pendo Verlag, 1993. 158 p.
13. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? // Harvard Business Review. 46(1). 1968. Pp. 53-62.
14. Kockshott P.W., Kotrell A. Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie. Köln: PapyRossa Verlag, 2015. 267 p.
15. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W.W. Norton; First Edition, 2009. 224 p.
16. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 p.
17. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. München: Ullstein, 2011. 456 p.
18. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 p.
19. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle. Berlin/Bonn: J.H.W. Dietz Verlag, 2009. 352 p.
20. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 2002. 267 p.
21. Mandel E. Arbeiterkontrolle, Arbeiterräte, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 2011. 466 p.
22. Marcuse H. Kritik der reinen Toleranz. Fr. a.M.: Suhrkamp Verlag, 1993. 127 p.
23. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Fr. a.M.: Suhrkamp, 1989. 133 p.
24. McGregor D. Human Side Of Enterprise // Management Review. 1957. №11. Pp. 41-49.
25. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin/Bonn: J.H.W.Dietz Verlag, 2008. 246 p.
26. Meyer Th. Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie. Hannover: Fackelträger Vlg., 2006. 287 p.
27. Naisbitt J. Global Paradox. Avon Books, 2006. 392 p.
28. Naisbitt J. Mind Set!: Eleven Ways to Change the Way You See – and Create – the Future. New York: Harper Paperbacks, 2008. 304 p.
29. Sintschenko V.V. Gesellschaft und Ethik im Kontext Wissenwirtschaft: über den Umgang mit ernsten Soziale Fragen // Soziale Wirtschaft. №3. 6 (H.112). Suhrkamp Publishers & Sozialforschung, 2016. Pp. 54-63.
30. Sintschenko V. Welches Wirtschaft Wissen? Welche Soziale Gesellschaft? // WISSENSGESELLSCHAFT. Textbeitrag «Gut zu Wissen». 2016. №11. Pp. 67-78.
31. Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot: Gower, 1985. 194 p.
32. Touraine A. Thinking Differently. Cambridge, Malden: Polity, 2009. 236 p.
33. Zinchenko V. Global institutional transformation strategies of self-management systems // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Humanitas Zarządzanie «Management». 2015. (4). Pp. 169-176.
34. Zinchenko V. Institutional Aspects of Globalization and Regionalization in the Context of the Transformation of Society // Journal of Social Sciences and Humanities. Vol. 1, No. 4, 2015. Pp. 415-421.

References

1. Simmel G. Philosophy of Money. Kyiv: BEAM, 2010. 504 p. Ukrainian.
2. Ru D., Sulie D. Management. Kyiv: Osnovy, 2015. 442 p. Ukrainian.
3. An anatomy of so-called «deglobalisation». *The Economist*. Feb 19th 2009.
4. Bello W. The Virtues of Deglobalization. Washington, DC: Foreign Policy In Focus, September 3, 2009. Pp. 3-7.
5. Bello W. U.S. Foreign Policy? *Foreign Policy In Focus*, January 6, 2016. URL: <http://fpif.org/ultimate-blowback-u-s-foreign-policy-donald-trump/>. (date of access: 18.12.2017)
6. Christoph K. Solidarität. Baden-Baden: Nomos, 2009. 223 p.
7. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung. Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 p.
8. Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus. Wien: Ueberreuter, 2008. 223 p.
9. Fuchs A. Solidarität der Sozialpolitik. Bonn: Taschenbuch-Verlag, 2013. 227 p.
10. Gawel J.E. Herzberg's Theory of Motivation and Maslow's Hierarchy of Needs. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. 1997. 5(11). URL: <http://pareonline.net/getvn.asp?v=5&n=11> (date of access: 18.12.2017)
11. Habermas J. Legitimations probleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. 195 p.

12. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft. Zurich: Pendo Verlag, 1993. 158 p.
13. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? *Harvard Business Review*. 1968. 46(1). Pp. 53-62.
14. Kockshott P.W., Kotrell A. Alternativen aus dem Rechner. Für sozialistische Planung und direkte Demokratie.-Köln:PapyRossa Verlag, 2015. 267 p.
15. Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis. New York: W.W. Norton; First Edition, 2009. 224 p.
16. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie. Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. 288 p.
17. Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. München: Ullstein, 2011. 456 p.
18. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. Bonn: Reinbek Verlag, 2008. 228 p.
19. Lafontaine O. Keine Angst vor der Globalisierung: Wohlstand und Arbeit für alle. Berlin/Bonn: J.H.W. Dietz Verlag, 2009. 352 p.
20. Mallet S. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied/Berlin: Luchterhand, 2002. 267 p.
21. Mandel E. Arbeiterkontrolle, Arbeiterräte, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 2011. 466 p.
22. Marcuse H. Kritik der reinen Toleranz. Fr. a.M.: Suhrkamp Verlag, 1993. 127 p.
23. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. Fr. a.M.: Suhrkamp, 1989. 133 p.
24. McGregor D. Human Side of Enterprise. *Management Review*. 1957. №11. Pp. 41-49.
25. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus. Berlin/Bonn: J.H.W.Dietz Verlag, 2008. 246 p.
26. Meyer Th. Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie. Hannover: Fackelträger Vlg., 2006. 287 p.
27. Naisbitt J. Global Paradox. Avon Books, 2006. 392 p.
28. Naisbitt J. Mind Set!: Eleven Ways to Change the Way You See – and Create – the Future. New York: Harper Paperbacks, 2008. 304 p.
29. Sintschenko V.V. Gesellschaft und Ethik im Kontext Wissenwirtschaft: über den Umgang mit ersten Soziale Fragen. *Soziale Wirtschaft*. №3. 6 (H.112). Suhrkamp Publishers & Sozialforschung, 2016. Pp. 54-63.
30. Sintschenko V. Welches Wirtschaft Wissen? Welche Soziale Gesellschaft? WISSENSGESELLSCHAFT. Textbeitrag «Gut zu Wissen». 2016. №11. Pp. 67-78.
31. Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot: Gower, 1985. 194 p.
32. Touraine A. Thinking Differently. Cambridge, Malden: Polity, 2009. 236 p.
33. Zinchenko V. Global institutional transformation strategies of self-management systems. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Humanitas Zarządzanie «Management»*. 2015. (4). Pp. 169-176.
34. Zinchenko V. Institutional Aspects of Globalization and Regionalization in the Context of the Transformation of Society. *Journal of Social Sciences and Humanities*. Vol. 1, №4, 2015. Pp. 415-421.

Зинченко Виктор Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Украинского гуманитарного института, главный научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины.

Zinchenko Viktor V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Management of the Ukrainian Institute of Arts and Sciences, Principal Research Scientist of the Department of Internationalization of Higher Education of the Institute of Higher Education of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine.

УДК 316.48

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-19-25

Selyukov M. V.,
Khudyakova El. N.,
Shalygina N. P.

THE ROLE OF CONFLICT IN PUBLIC SERVICE

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. *selyukov@bsu.edu.ru*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia *Khudyakova.elena@gmail.com*
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. *shalygina@bsu.edu.ru*

Abstract. The article studies the theoretical aspects of the concepts according to various authors, such as conflict, social conflict, conflict of interest in the public service, the nature of the conflict. The article considers a number of possible situations which can be a result of personal interest, which in turn could lead to a conflict of interests.

The article includes definitions, such as the subject of the conflict, the object of the conflict, the conflict incident, relationship conflict, situations of conflict and it determines their importance in sociological conflicts. There is also a description of the subjective and objective causes of conflicts, as well as their relationship in the public service.

Special attention is paid to the reasons causing conflicts in the public service, management techniques for resolving conflicts in the public service, such as intra-personal, structural and interpersonal, as well as possible solutions to them.

The article considers compliance with the requirements for official behavior and resolving all conflicts of interests: their composition, requirements, operating procedure, the existing difficulties when implementing one's functions.

An important role in this article is attached to a control algorithm of actions, which is important for conflict resolution in the public service.

Keywords: conflict; conflict situation; conflict of interest; public service; managing conflict of interest.

Selyukov M. V.,
Khudyakova El. N.,
Shalygina N. P.

РОЛЬ КОНФЛИКТА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85,
г. Белгород, 308015, Россия, *selyukov@bsu.edu.ru*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85,
г. Белгород, 308015, Россия, *Khudyakova.elena@gmail.com*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85,
г. Белгород, 308015, Россия, *shalygina@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье раскрываются теоретические аспекты, по мнению различных авторов, таких понятий как конфликт, социальный конфликт, конфликт интересов на государственной службе, сущность конфликта, приводится ряд вероятных ситуаций возникновения личной заинтересованности, которая в свою очередь может привести к конфликту интересов.

Раскрываются определения, такие как субъект конфликта, предмет конфликта, инцидент конфликта, отношения конфликта, ситуации конфликта, и определяется их значимость в социологических конфликтах. Так же описаны субъективные и объективные причины возникновения конфликтов, а также их взаимосвязь на государственной службе.

Особое внимание уделено причинам вызывающих конфликты на государственной службе. Так же раскрыты методы управления конфликтами на государственной службе, таких как внутриличностные, структурные, и межличностные, а также их решению. Рассмотрено соблюдение требований к служебному поведению и урегулированию конфликтов

интересов: их составу, требованиям, порядку работы и существующим трудностям в осуществлении своих функций.

Важную роль в данной статье, занимает алгоритм действий для управления, а в итоге, для разрешения конфликтов на государственной службе.

Ключевые слова: конфликт; конфликтная ситуация; конфликт интересов; государственная служба; управление конфликтом интересов.

Introduction

The current state of society's development increasingly requires the ability to manage a variety of social processes taking place in it. Social technologies are a key to the management of social interaction, one of the manifestations of which is social conflicts.

A socialized person with a mature legal awareness and legal culture is the main subject in the developed, institutionalized civil society. In this situation, conflict resolution should become not only a means of control, but rather a means of self-regulation.

Conflictology, studying the methods and processes used for facilitating the resolution of interpersonal and group conflicts, can be quite useful for managing conflicts at present.

But there appear several problems in this sphere:

1) «A Public servant has the right to waive benefits».

2) Disqualification or self-disqualifications of a civil servant.

The main part.

This topic has been elaborated by such authors as T.M. Makoseychuk, E.A. Tsymbal, S.V. Kachushkin [1],[2],[3]. After studying the works by the above authors, we can conclude that a conflict is always an interaction between two or more parties. The conflict can only take place in the interaction between the subject and the object and it always implies the existence of relations.

So, the conflict is a complex phenomenon, thus there are many definitions of it.

– a situation in which two or more people show some disagreement on a controversial issue, while there is an emotional antagonism between them. (G. Hunt, R. Osborn) [4];

– a conflict is a disagreement between two or more parties, where each party tries to make sure that its views or goals are taken into account and prevent the other party from doing the same (M. Mescon, M. Albert, F. Khedouri) [5].

So, summarizing the aforesaid about the conflict and considering its widespread understanding as a collision of parties, opinions and forces, we can define the conflict in the following way: a conflict is

a manifestation of social connections and relationships between people, who communicate with one another; a way to interact when incompatible views, positions and interests clash a confrontation of the interrelated two or more parties pursuing their own goals.

According to A.S. Doronin «a social conflict is a state of society which is characterized by the clash of interests of different social groups. Consequently, the key category of a social conflict is «interest».

In a society in which the interests of all social groups are a clear match, if such a society might exist, the very concept of «social conflict» would be meaningless. However, such a society does not exist, which is why the basis of society's life and its development is made up not only by interests, but by different opposing interests.

Conflict management includes activities to ensure development of conflictual interaction. So, conflict management means to provide it with a maximum opportunity for self-regulation and the encourage the transition of the crisis in the next phase.

Conflict management as a complex process includes the following activities:

- forecasting conflicts and assessment of their functional orientation;
- prevention or promotion of conflict;
- conflict regulation;
- conflict resolution.

The essence of conflict management is in accordance with their dynamics.

Currently, experts distinguish a number of conflict management techniques, which can be combined in groups, each of which has its own application area:

- intrapersonal,
- structural,
- interpersonal.

To manage interpersonal conflicts within customs bodies it is necessary to recognize the differences of opinions and to be ready to learn other points of view in order to understand the causes of the conflict and to find a course of actions acceptable to all parties.

Negotiations represent a wide range of communication, covering many areas of activity of an individual. As a method of conflict resolution, negotiations are a set of tactics aimed at finding a mutually acceptable solution to the all parties of the conflict.

Problems are best to be solved by means of positive forms of conflict resolution. The latter include a compromise as an agreement on the basis of mutual concessions.

There are different compromises: forced (determined by the prevailing circumstances) and voluntary (based on an agreement on certain issues). If the parties to the conflict have failed to reach a compromise, they can try to reach a consensus (a form of agreement with the arguments of the opponents in a dispute).

Conflict prevention, which is the creation of objective conditions and subjective prerequisites that contribute to the resolution of pre-conflict situations in non-conflict ways, is equally important.

Conflict management success largely depends on the accuracy of the description of a conflict structure:

- subjects,
- object,
- incident,
- relations,
- situations.

The subject of the conflict includes participants of the conflict interaction, who may be individuals, group of individuals, or social organizations.

The object of the conflict is the specific interests and values, due to the difference in which a conflict interaction takes place (i.e. due to which a conflict appears).

The incident (informational) is an event that helped at least one of the (directly or indirectly) interacting subjects realize the difference (total or partial) of his/her interests and values from the interests and values of other participants in the interaction.

The incident (actional) is a cause to announce some confrontational actions over different interests and value orientations.

Conflict relations are a form and content of the interaction between the subjects and their actions for solving the conflict.

The conflict situation is the development of the conflict over a specific period of time.

It is worth mentioning that the main influence on the choice of behavior in the conflict is made by an individual, with his/her own needs, interests, values, attitudes, habits, ways of thinking, behaviors, past

experience of dealing with problems and behavior in conflicts.

The concept of conflictness of the person means a state of readiness of the person to conflict, the degree of his/her involvement in the development of conflicts.

The public service is dominated by realistic conflicts of different forces, interests or values. Elements of unrealistic conflicts that may appear in this battle are random and play a complementary role at best.

The causes of conflicts are as various as conflicts themselves.

There are two opposite points of view on the causes of conflicts in customs bodies.

1) a conflict is a feature of human nature, a desire of supremacy, domination, conflict behavior – these are all subjective reasons.

2) a conflict that does not depend on the individual – this is an objective reason.

The emergence and development of public service conflicts is due to the action of four groups of factors and reasons: objective, organizational and administrative, social-psychological and personal.

The objective causes of conflicts in the public service are the conditions of social interaction, which have led to a collision of interests, opinions, and attitudes.

Objective reasons lead to the creation of a pre-conflict situation, which is an objective component of the pre-conflict situation.

Subjective causes of conflicts in the public service are individual psychological characteristics of each employee in the customs. These are the reasons which result in a conflict, rather than some other solution.

When considering the nature of relationships between objective and subjective causes of conflicts, it is necessary to remember the following:

- first, there can be hardly strict division between objective and subjective reasons of conflicts, especially their opposition;
- second, all conflicts caused by both subjective and objective reasons.

Organizational and managerial causes of conflicts in the public service are the circumstances that relate to the creation, development and operation of the customs service as a whole. There are four types of such reasons:

- structural-organizational,
- functional-organizational,
- personal-functional,
- situational-managerial.

Socio-psychological causes of conflicts in the public service are caused by direct interaction of people, and by the factor of their involvement in social groups.

There are three aspects of the management control. Standard-setting is the exact definition of the goal.

These goals should be achieved in the designated period of time. It is based on plans developed during the planning process.

The second aspect represents the measurement of what was actually achieved during a certain period and a comparison with the expected results.

If both stages are done correctly, the management not only knows that there is a problem but also knows the source of this problem. This knowledge is necessary for successful implementation of the third aspect.

This is the stage at which action is being taken to correct the serious deviations from the original plan if it's necessary. One of the possible actions is revision of goals in order to make them more realistic and consistent with the situation.

Conflict resolution is an activity of the subject of governance associated with the end of the conflict. Conflict resolution can be complete and incomplete.

Complete resolution of the conflict is achieved by eliminating the causes of the conflict, the subject of conflict and conflict situations.

Incomplete resolution of the conflict occurs when it is impossible to eliminate all the reasons or

conflict situations. In that case, incomplete solution to a conflict can be a step towards its complete resolution.

In the practice of conflict management, it is important to consider prerequisites, forms and ways of resolving conflicts.

The prerequisites for conflict resolution include sufficient maturity of the conflict, the need of all conflict subjects for resolving it; availability of the necessary means and resources to resolve the conflict.

The conflict can be resolved in the following ways:

- elimination or total subordination of one party;
- adjustment of interests and positions of the conflicting parties on a new basis;
- mutual accommodation of the conflicting parties;
- transferring the conflict in the right direction of cooperation to overcome the contradictions.

Resolution methods are divided into administrative (discharge, transfer to another job) and pedagogical (discussion, persuasion, explanation). The algorithm of actions in Fig.1 helps to resolve the conflict, as well.

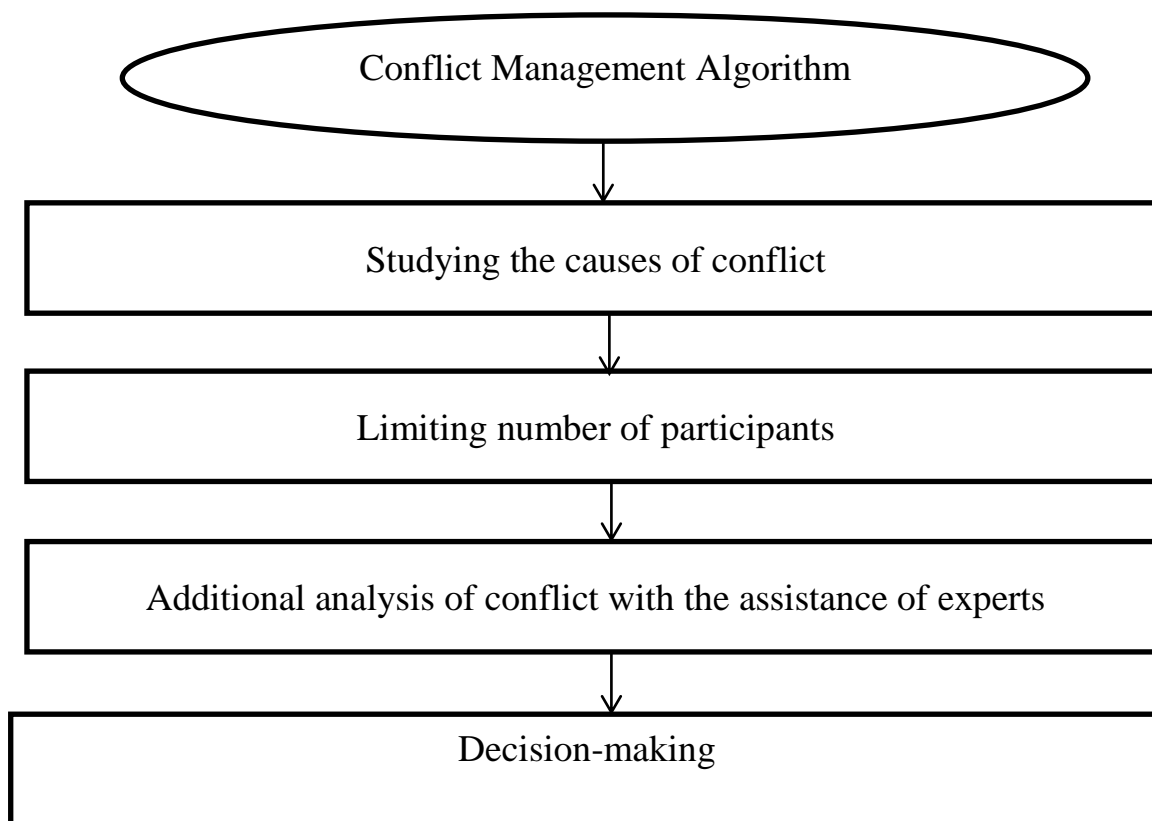

Fig. 1. Conflict management algorithm

The Purpose of the article

In this paper, a lot of attention is paid to solving conflicts, which arise in the public service, as well as to the resolution of the conflict of interests, which is no less important to discuss the current topic.

Situations in which personal interests of state public servants affect or can affect objective performance of their duties, and when there appears a conflict between personal interests of a public servant and the legitimate interests of other people, which may do harm to such legitimate interests.

A personal interest means that the civil servants can obtain income in cash or in kind while performing their official duties. They can also receive incomes in the form of material benefits for themselves or for close relations; for individuals or organizations with which the public servant is connected through financial or other obligations.

Results of the study and their discussion

According to L.N. Timofeeva, Doctor of Political Sciences, in response to the question: «In what ways have most often conflicts between public servants and citizens been resolved?», 44,72 % of respondents said «in view of interests of the state and citizens»; 8,49 % – interests of citizens have been considerably harmed; 22,94% – «failed to come to any result»; 23,85% did not express an opinion.

As a result, we obtain the so-called pending conflict, which is the basis for increasing conflicts in the public service [6].

We will also examine the results of a study conducted by A.M. Sosnovskaya: «What methods of conflict management between officials and citizens do you think are the most effective?» [7].

The top method is personal negotiations (– 34,90%), which proves the existence of the traditional Russian society, for which it is common: to come to an agreement, without washing linen in public.

But the methods chosen as the second, third and fourth most frequent ones show new trends in Russia: first of all, there is a tendency to use public forms of resolving conflicts, which is characteristic of Western forms of conduct.

Secondly, the tendency is to use legal ways to resolve conflicts, which is characteristic of law-based states. 23,13% of respondents appeal to the Prosecutor's Office or to the Court, 19,96% of respondents would turn for help to social media and non-governmental organizations, which may indicate an increasing in authority of the public society structures; 15,56% would turn to a third party for help in conflict resolution

One of the most important and relevant types of conflicts in the public service is a conflict of interest.

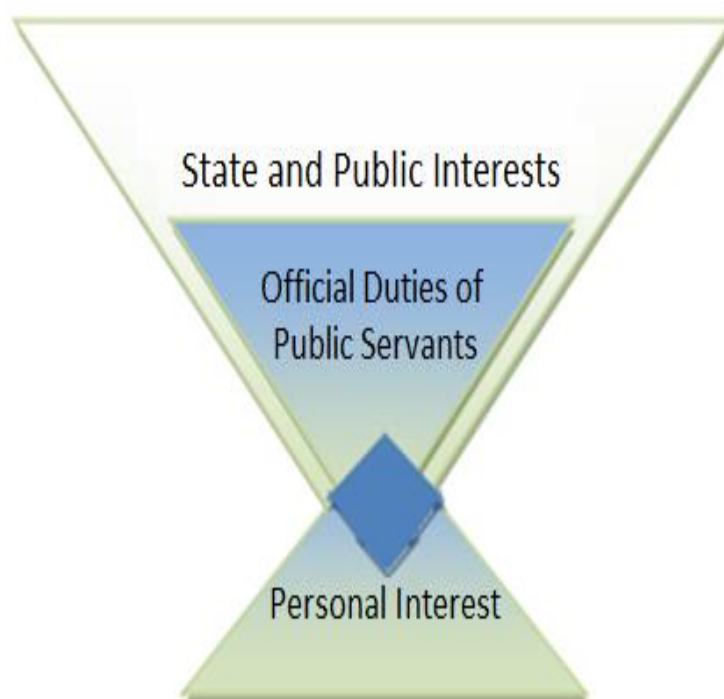

Fig. 2. Conflict of interest in public service

Figure 2 presents how job responsibilities and personal interests affect a conflict of interest.

According to Article 11 of the Federal Law № 273 «On Preventing Corruption», there are two subjects of prevention and settlement of conflict of interest: the public servant and the representative of the employer [8].

With regard to public servants, legislation establishes two main responsibilities:

- to take measures to prevent any possibility of a conflict of interest,
- to notify a superior that a conflict of interest may arise or a conflict of interest has already emerged as soon as he becomes aware of it.

A conflict of interest in public service as an objective reality of the contemporary social relations is a complex problem. A low degree of effectiveness of a mechanism for forestalling and resolving conflicts of interest is due to the following unsolved problems:

- lack of clear understanding of the causes and conditions leading to a conflict of interest;
- deficit of best practices for resolving the typical situations
- framework representation of a mechanism to prevent and regulate conflicts of interest;
- absence of the criteria to evaluate the effectiveness of resolving the conflict in order to avoid its recurrence;
- gaps in the system of training public servants, particularly poorly developed educational materials on behavior in situations of the conflict of interest.

Besides the above-mentioned problems, it is, very important to balance the fundamental values, among which are the equality of all citizens before the law, government transparency, the revival of spiritual values, and the formation of a civil control system.

Preventing or resolving conflicts of interest in public service is done in the following ways:

1) by changing the official or employment status of the public servant, who is a party to a conflict of interest, up to the point of suspension from performing his/her official duties.

2) Public servant's refusal of benefits, which are the cause of a conflict of interest, refusal of which can be done through the public servant ceasing preparations for the act or the termination of the act, directly aimed at unjust enrichment if the civil servant realized the possibility of accomplishing a socially dangerous action.

The servant's refusal of the benefit, which caused a conflict of interest, as a way to prevent and resolve conflicts of interest is possible only if this benefit is of one-time character. Otherwise, it is impossible to be sure that the conflict of interest is

resolved. This method also implies that it can be used only with the consent of the public servant. In addition, if the benefit has already been received, its return may not always be possible.

3) Disqualification or self-disqualification of the public servant. The application of this method is related to the participation of the public servant in various collective bodies – commissions, especially those which are in charge of distributing material and financial resources, making decisions in HR, providing government's guarantees, etc.

In addition, the implementation of the following measures can contribute to the resolution of conflicts of interest in the public service:

- a) monitoring the performance of official duties by public servants, holding posts, filling which is associated with the risk of corruption, and eliminating such risks;
- b) implementing HR technologies, aimed at improving the system of selecting public servants to fill public service positions exposed to corruption risks;
- c) forming a reward system and promoting compliance of public servants with the anti-corruption standards of conduct.

Conclusion

Thus, the procedure for resolving conflicts of interest in the public service has certain characteristics, which are based on the priority of the rights and freedoms of man and citizen, and the public nature of power relations. This order cannot be static and should consist of legal tools used depending on the structure and characteristics of a conflict, its intensity and spheres of occurrence and other criteria.

The use of any mechanisms to regulate the conflict in the public service depends on how ready both parties to the conflict are. Ultimately, the main subject to a conflict is always a real person who interacts in the conflict, acting as a member of a social community – a party of the conflict.

Therefore, a person able to recreate her/his behaviour is an essential condition for a positive resolution of the conflict in the public service. This, in turn, presupposes that the person aims at lawful behavior, a high level of moral and legal socialization, and mature sense of justice.

On the whole, conflict management in the public service is a conscious activity in relation to it, carried out at all the stages of its appearance, development and completion by the parties to the conflict or a third party. It is important not to block the development of the contradiction in the public service, but to strive to resolve it in unconflictive ways.

Therefore, we can conclude that the conflict in the public service is not only of a destructive character. Sometimes, with the help of the conflict it is possible to find out the reasons for failure and the cause of tense relations, and sometimes a conflict may result in subsequent improvement.

Determining a type, causes and stages of a conflict helps, conflict management.

References

1. Kachushkin S.V. Correlation of the State Civil Service and Other Types of Public Service. *Sociology of Power*. 2009. №2. Pp. 121-128. Russian.
2. Kozlov A.V. About the Institute of the Settlement of Conflict Interest in Public and Community Service. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2010. №16. Pp. 17-22. Russian.
3. Korepina A.V. Organizational and Legal Measures of Preventing Conflicts of Interest in Public Service. *Topical Problems of the Russian Law*. 2008. №3. Pp. 102-108. Russian.
4. Kudashkin A.V. The Conflict of Interest in Public and Municipal Services: Object, Subject, Parties. *Topical Problems of Economics and Law*. 2010. №3. Pp. 156-163. Russian.
5. Makoseichuk T.M. The State Civil Service as a Subsystem (type) of the State Service of the Russian

Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2008. №8(108). Pp. 100-104. Russian.

6. Mescon M., Albert M., Khedouri F. *Management Basics*. Moscow, 1997. Russian.

7. Timofeeva L.N. Conflicts in Public Service. *Sociology of Power*. 2006. №6. Pp. 64-74. Russian.

8. Tsymbal E.A. State Civil Service as Part of a Unified System of Public Service of the Russian Federation. *Modern Law*. 2008. №2-1. Pp. 110-115. Russian.

9. Hunt G., Osborn R. *Organizational Behavior*. M., Saint-Petersburg, 2006.

10. Chaukin I.S. Conflict of Interest in Public Service. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2010. №2. Pp. 206-210. Russian.

Селюков Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий.

Худякова Елена Николаевна, аспирант.

Шалыгина Наталья Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий.

Selyukov Maxim V., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Social Technologies.

Khudyakova Elena N., Graduate Student.

Shalygina Natalya P., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Social Technologies.

УДК 316.61

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-26-37

Симонова Е. В.

ДОВЕРИЕ ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ: ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Тверской государственный технический университет,
Наб. Аф. Никитина, д. 22, Тверь, 170026, Россия
Simonova-E-V@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи доверия органам местного самоуправления и участия граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования. Дан обзор теоретических позиций, связанных с трактовкой сущности и типов доверия в социологической науке. Доверие рассматривается как ключевой фактор, влияющий на функционирование общества, самоуправляющихся местных сообществ, на социально-политическую активность граждан. Практика инициативного бюджетирования трактуется как один из эффективных видов самоуправленческих практик. Представлена подробная характеристика Программы поддержки местных инициатив. Раскрывается ее сущность, условия финансирования, этапы реализации. Исследуется динамика основных параметров Программы за годы ее реализации в Тверском регионе (2013–2016). Рассмотрены позитивные эффекты Программы, одним из которых является рост доверия населения муниципалитетов органам местного самоуправления. Представлены результаты социологических исследований, проведенных в Тверском регионе в течение 2009–2016 гг. (формализованное интервьюирование населения, глубинное интервьюирование экспертов). Показан рост доверия населения региона органам местной власти, начиная с 2013 г. (начало реализации Программы в регионе). Установлен позитивный характер взаимосвязи участия граждан в проектах инициативного бюджетирования и доверия органам местного самоуправления, а также вовлеченности населения в другие самоуправленческие практики (участие в выборах и др.).

Ключевые слова: доверие; местное сообщество; органы местного самоуправления; инициативное бюджетирование; Программа поддержки местных инициатив; участие граждан в самоуправлении; формы участия; социальная динамика.

E. V. Simonova

TRUST TO LOCAL AUTHORITIES AND THE PARTICIPATION OF CITIZENS IN REGIONAL PRACTICES OF INITIATIVE BUDGETING: THE NATURE OF THE RELATIONSHIP (ON THE EXAMPLE OF TVER REGION)

Tver State Technical University, 22 Af. Nikitin Emb., Tver, 170026, Russia. *Simonova-E-V@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship of trust to local self-government bodies and citizens' participation in regional practices of initiative budgeting. The author gives a review of theoretical positions related to the interpretation of the concept and types of trust in sociological science. Trust is seen as a key factor affecting the functioning of society, self-governing local communities, and the socio-political activity of citizens. The practice of initiative budgeting is interpreted as one of the most effective types of self-management practices. The article presents a detailed description of the Programme of support for local initiatives. The essence, terms of financing, stages of realization of the Programme are revealed. The dynamics of the main parameters of the Programme in Tver region is studied (2013–2016). The positive effects of the Programme are considered. The growth of the trust of the population of municipalities to local self-government bodies is one of these effects. The results of Tver sociological monitoring

of the population (2009-2016), as well as the data of the expert survey (2015) are presented. The growth of the trust of the population of the region to local authorities has been noted starting from 2013 (the launch of the Programme in the region). The positive nature of the relationship between citizens' participation in projects of proactive budgeting and trust to local self-government bodies, as well as the involvement of the population in other self-government practices (participation in elections, etc.) was established.

Keywords: trust; local community; local self-government bodies; initiative budgeting; Programme of support for local initiatives; citizens' participation in local self-government; forms of participation; social dynamics.

В настоящее время в условиях политической и экономической нестабильности актуализируется проблема поиска дополнительных ресурсов (экономических, социально-культурных и др.) развития современного российского общества. Так, введение санкционного режима, частые кадровые перестановки в Правительстве РФ, в региональных и муниципальных властных структурах, снижение способности органов государственной власти и местного самоуправления (МСУ) к преодолению различных местных проблем, падение уровня жизни населения и многие другие вопросы требуют для их решения применения не только традиционных подходов, но и поиска инновационных управленческих инструментов. Одним из важнейших источников дополнительных ресурсов решения проблем современных обществ признаются самоуправляющиеся местные сообщества.

Действительно, именно местное сообщество как некоторая объединенная территорией постоянного (или преимущественного) проживания общность социально активных граждан способно к самоорганизации для отстаивания коллективных интересов и решения местных проблем, а как открытая социальная система – к самосохранению, самоуправлению и саморазвитию. Формирование местных сообществ (территориальных, соседских и т.д.) и активизация их членов, вовлечение рядовых граждан в деятельность по решению вопросов местного значения рассматривается сегодня как важнейший инструмент борьбы с бедностью, преодоления социальных неравенств, снижения степени атомизации и эксклюзии индивидов, их пассивного отношения к участию в общественной жизни. Развитое местное сообщество представляет собой субъект управления, способный мобилизовать внутренние ресурсы (в том числе тех категорий граждан, которые обычно воспринимаются сообществом и

системой социального управления в качестве «бремени», – подростков, людей преклонного возраста, лиц с физическими или умственными недостатками, безработных, представителей национальных меньшинств и др.) [14, с. 20-27; 15, с. 101-102].

Формирование, функционирование и развитие местных сообществ, интенсивность участия граждан в решении местных проблем находятся под влиянием различных факторов, в качестве одного из которых может рассматриваться доверие населения муниципальных образований органам власти и МСУ. Ученые вполне справедливо отмечают, что доверие населения к институтам политической системы является необходимым условием не только легитимности существующей в обществе власти, но и важнейшим фактором гражданской самоорганизации, включения человека в деятельность общественных организаций.

Доверие как значимый социокультурный феномен рассматривалось исследователями (начиная от представителей классической социологии) как фундамент любых социальных отношений, без которого не только невозможны какие-либо экономические операции, но и «не могут существовать даже сами общества» [1; 8; 18]. Еще в конце XIX в. Ф. Тённисом отмечалась возможность (при определенных социальных условиях) трансформации доверия из личностного, психологического качества в самостоятельный общественный фактор, оказывающий существенное влияние на функционирование и развитие общества. Подобная позиция была характерна и для Э. Дюркгейма, который акцентировал внимание на характеристике взаимосвязи между феноменами доверия и социальной солидарности [10]. А в современном мире, по мнению Н. Лумана, доверие становится необходимым условием общественного развития в силу возрастания неуверенности людей в будущем, которое связано с увеличением сложности и непрозрачности

современных обществ [16, с. 11]. Высокая активность населения, взаимодействие граждан и власти, эффективное решение местных проблем в настоящее время становятся возможными только при условии, что в местном (территориальном и др.) сообществе существует «хотя бы минимальная степень доверия людей к власти, ее представителям в лице депутатов и чиновников» [13, с. 107].

Б. Барбер определяет доверие как совокупность «социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении других людей, организаций, учреждений и естественных, моральных и социальных порядков, которые составляют фундаментальное содержание жизни» [8, с. 176]. Ф. Фукуяма демонстрирует представление о «радиусах доверия» (от близких межличностных взаимодействий к более абстрактным ориентациям по отношению к социальным объектам) [20, с. 57]. Большинство современных исследователей предлагает выделять два типа доверия – межличностное и обобщенное (безличное, символическое). Некоторые ученые рассматривают институциональное (общественное) доверие в качестве отдельного вида, понимая под ним доверие индивидов институционализированным связям, социальным институтам и их представителям [1]. Э. Гидденс дифференцирует доверие, выделяя два основных его типа (доверие персонам и доверие абстрактной системе). Однако исследователь подчеркивает особенности доверия к власти и обращает внимание на то, что безличные властные институты на практике ассоциируются с конкретными лицами (представителями власти) [6, с. 101-122]. Поэтому утрата доверия к определенным властным институтам вполне может являться следствием бездействия, аморальности или коррупционности их руководителей (и/или представителей).

Следует отметить, что, с одной стороны, доверие является важнейшим фактором, оказывающим влияние на уровень социально-политической активности жителей муниципальных образований, на участие граждан в делах местных сообществ. Однако, с другой стороны, вовлечение населения в различные самоуправленческие практики, предполагающие эффективность, результативность деятельности, становится, в свою очередь, условием, способствующим росту доверия населения власти и органам МСУ. Одной из подобных социальных

практик является практика инициативного (партиципаторного) бюджетирования, впервые появившаяся в 1989 г. в бразильском городе Порту-Алегри как форма непосредственной демократии, предполагающая участие граждан в бюджетном процессе [4, с. 42]. Сегодня различные варианты подобной практики получили распространение во многих странах мира, в том числе и в России. Сам термин «инициативное бюджетирование» можно трактовать как механизм, позволяющий оперативно выявлять и эффективно решать наиболее острые с точки зрения населения социальные проблемы местного уровня при активном участии самих жителей муниципалитетов на всех этапах реализации проектов [22].

В настоящее время на территории России наиболее масштабной и технологически проработанной практикой инициативного бюджетирования является Программа поддержки местных инициатив (ППМИ). Ее основной целью считается повышение эффективности решения местных проблем (связанных, прежде всего, с развитием общественной инфраструктуры) за счет широкого вовлечения местных сообществ (населения, бизнеса, органов МСУ) в их разрешение, а также мобилизации и повышения эффективности использования финансовых средств, доступных на местном уровне [21].

К 2016 г. практики инициативного бюджетирования получили распространение в 16 субъектах Российской Федерации (в Кировской, Нижегородской, Вологодской, Ярославской, Тверской, Тульской, Ульяновской областях, в Ставропольском и Хабаровском крае, в Республиках Башкортостан, Северная Осетия-Алания, Саха-Якутия, Коми, Карелия и др.). В текущем году к ним присоединяются ещё 19 регионов. Эксперты отмечают, что общий объём финансирования (бюджетного, спонсорского, гражданского) проектов, инициированных местными сообществами, составит в 2017 г. около 4,5 млрд. рублей.

Тверская область по занимаемой ею территории в 82,2 тыс. км² является самой крупной в Центральном федеральном округе (ЦФО). Численность постоянного населения региона на 1 января 2014 г. составила 1325,3 тысячи человек (7 место среди 18 субъектов ЦФО) [19], что в совокупности с большой территорией предопределяет довольно низкую плотность населения, сказывающуюся на

развитии муниципальных образований. Регион включает 351 муниципальное образование (на 01.04.2016 г.), из них: 35 муниципальных районов, 6 городских округов, 2 закрытых административно-территориальных образования (ЗАТО), 43 городских поселения и 265 сельских поселений.

С 2013 г. в Тверском регионе под эгидой регионального Министерства финансов и при активном участии Ассоциации «Совет муниципальных образований Тверской области» успешно реализуется Программа поддержки местных инициатив. ППМИ здесь рассматривается как эффективный инструмент решения проблем муниципалитетов и стимулирования самоуправления потенциала местных сообществ. Как отмечает И.И. Егоров, в Тверском регионе финансирование ППМИ осуществляется в рамках системы межбюджетных отношений с муниципальными образованиями и не требует дополнительных расходов для регионального бюджета. В частности, средства привлекаются за счет дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и на сбалансированность местных бюджетов (например, в 2013 г. дотация составила 25%, в 2015 г. – уже 65%) [5].

В целом, финансирование проектов ППМИ осуществляется из нескольких основных источников: регионального бюджета, бюджета муниципалитета, средств, выделяемых субъектами местного бизнеса, обязательного вклада населения. Региональный бюджет выделяет субсидию на финансирование ППМИ, которая передается в муниципальные бюджеты. Финансовые ресурсы из всех других источников, включая софинансирование, обеспечиваемое местными предприятиями и населением, оформляются как целевые добровольные пожертвования [5, с. 95]. При этом, именно вклад населения в софинансирование микропроектов является одним из основных принципов ППМИ. В зависимости от конкретных задач, он может варьироваться в пределах от 0 до 5 и более процентов от объема запрашиваемой для микропроекта субсидии. Помимо денежного, вклад населения (как и вклады других местных участников микропроекта) может быть внесен и в неденежной форме (подготовка объекта к началу работ, подготовка помещений, очистка стен, окон, дверей, земляные работы, снятие старого пола, уборка мусора, озеленение территории и

посадка деревьев, охрана объекта и др.) [21, с. 14].

Весь цикл реализации ППМИ в конкретном поселении охватывает период, не превышающий одного года (это требование проекта). Такой подход очень важен, так как участники оказываются более мотивированными к эффективной и интенсивной деятельности, а завершение работ осуществляется в рамках одного строительного сезона (что позволяет избежать удорожания проекта). Общая схема реализации проектов в рамках ППМИ включает в себя несколько этапов:

1. Образовательная компонента проекта («Школа ППМИ»). С участниками Программы проводятся обучающие семинары, которые, как правило, начинаются в октябре, перед очередным запуском проекта. Участники обучаются тому, как провести собрание жителей поселения, как заполнить конкурсную заявку и оформить конкурсную документацию, как работать с электронной системой, как формировать бюджет и позднее с ним работать.

2. Проведение общего собрания жителей поселения, на котором определяется приоритетный для граждан проект (например, ремонт водопровода, сельского дома культуры, поселковой дороги и т.д.). Кроме того, в ходе собрания жители определяют сумму, которую готовы сами вложить в софинансирование реализации проекта, свои возможности по неденежному вкладу (субботник, предоставление материалов или техники), а также выбирают из своей среды инициативную группу, которая занимается сбором средств и контролем реализации проекта [9; 12].

3. Оформление конкурсной заявки администрацией поселения. Заявка должна содержать описание проекта, протокол общего собрания, подтверждающий согласованный объем денежного и неденежного вклада местных жителей, проектно-сметную документацию и иные материалы.

4. Проведение конкурса поданных заявок. При этом, критерии конкурсного отбора являются максимально прозрачными и открытыми, они направлены на стимулирование поселений, наиболее активно вовлекающих жителей в решение вопросов местного значения, поддержку наиболее приоритетных для поселений проектов.

5. Получение победителями конкурсного отбора права на субсидию из областного бюджета.

8. Реализация проектов поселениями в рамках законодательства РФ: отбор подрядных организаций, контроль их деятельности и принятие выполненных работ. При этом, контроль и приемка работ происходят при непосредственном участии инициативной группы и местных жителей.

7. Торжественное открытие готового объекта [12].

Следует отметить, что в течение всех лет реализации ППМИ в Тверской области происходит ежегодный рост числа муниципальных образований – участников ППМИ, увеличивается количество подаваемых на конкурс заявок и выигравших проектов, допущенных к реализации. Очень важна следующая тенденция, свидетельствующая о значительном экономическом эффекте практик

ППМИ. Увеличение количества реализуемых проектов требует и увеличения финансовых средств на их реализацию. Однако в структуре финансового обеспечения проектов уменьшается (хотя и незначительно) доля региональной субсидии и возрастает доля местного софинансирования. При этом, вклад средств из муниципальных бюджетов (в процентном соотношении) практически не изменяется на протяжении ряда лет (он составляет около 30%), рост местного софинансирования происходит за счет увеличения вклада населения (с 2013 г. по 2016 г. он возрос практически в 2 раза). Таким образом, в период с 2013 г. по 2016 г. в Тверской области для решения вопросов местного значения было привлечено 94,5 млн. руб., из них 75,0 млн. руб. – это средства самого населения муниципальных образований (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей ППМИ в Тверской области

Table 1

Dynamics of indicators of the Programme of Support to Local Initiatives

Показатели	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год (прогноз)
Общее количество участников программы (муниципалитеты)	72 сельс. и город. посел.	151 сельс. и город. посел.	175 сельс. и город. посел.	182 сельс. и город. посел. и 1 город. округ (г. Тверь)	Нет данных (этап подачи заявок на конкурс до 20.03.2017 г.)
Доля участников в общем количестве муниципальных образований области	21%	44%	53%	57%	Нет данных
Общее количество заявок	72	151	222	250	Нет данных
Количество реализованных проектов (победители конкурса)	53	93	168	211	263 (в т.ч. от сельс. и город. посел. – 200, от городов – 60, доходогенерирующих – 3)
Региональная субсидия (млн. руб.)	25,0 (56,5%)	56,6 (54,3%)	95,9 (55,1%)	115,7 (53%)	135,5
Софинансирование (млн. руб.), в т.ч.:	19,0 (43,5%)	47,6 (45,7%)	79,1 (44,9%)	104,1 (47%)	Нет данных
местный бюджет (млн. руб.)	13,3 (30%)	30 (28,8%)	45,1 (25,9%)	66,3 (30,7%)	Нет данных
вклад населения и спонсоров (млн. руб.)	4,2 (9,6%)	13,5 (13%)	26,1 (15%)	31,2 (14%)	50,0 (17%)
иные источники (млн. руб.)	2,0 (3,9%)	4,0 (4%)	6,9 (4%)	6,6 (2,9%)	Нет данных
Общая стоимость проектов (млн. руб.)	44,0	104,3	174,1	220,1	290,0

При составлении сводной таблицы были использованы данные Министерства финансов Тверской области, брошюра о ППМИ Всемирного банка, брошюры о ППМИ в Тверской области [2; 3; 7; 11].

В итоге, в период с 2013 по 2016 гг. в Тверской области было отремонтировано или вновь создано 525 социально значимых объекта общественной инфраструктуры – это водопроводы, дороги,

детские и спортивные площадки, дома культуры, места массового отдыха, мемориалы, места захоронения и др. (рис. 1).

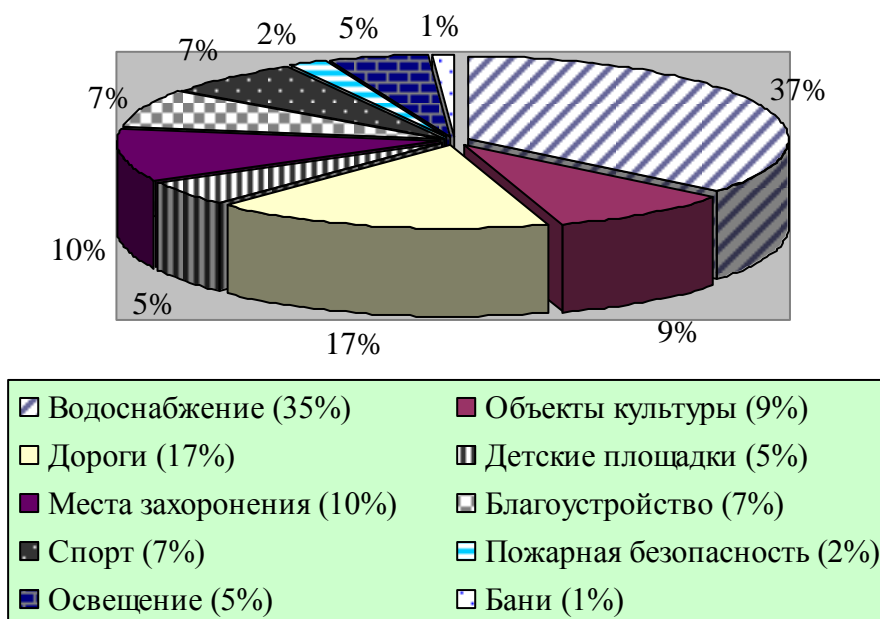

Рис. 1. Типология проектов ППМИ по данным Министерства финансов Тверской области (2016 г., %) / Fig. 1. Typology of projects of the Programme of Support to Local Initiatives, according to the Ministry of Finance of Tver region (2016, %)

При этом, если рассматривать динамику типов проектов ППМИ с 2013 г. по 2016 г., то следует отметить, что происходит постепенная переориентация с проектов благоустройства (хотя они продолжают и будут продолжать фигурировать среди проектов-победителей) на проекты по ремонту и строительству важных инфраструктурных объектов, обеспечивающих жизнедеятельность муниципальных образований (водоснабжение, дороги, освещение и т.д.).

ППМИ продолжает развиваться и совершенствоваться. С 2017 г. в конкурсе участвуют все городские округа Тверской области (всего 6 городских округов по 4 млн. руб. субсидий из областного бюджета). Кроме того, кураторы проекта в регионе в настоящее время стимулируют реализацию комплексных программ стратегического развития сельских поселений Тверской области, сформированных при участии локальных сообществ в рамках Программы поддержки местных инициатив (доходогенерирующие проекты, например, организация молокоприемных пунктов для местных фермеров, приобретение трактора и т.д.) [17].

В целом, как отмечают исследователи, практики инициативного бюджетирования обладают целым комплексом социальных, экономических и институциональных

позитивных эффектов (фиксируемых как в зарубежных странах, так и в России). Среди них: повышение прозрачности использования бюджетных ресурсов, выявление и решение наиболее приоритетных для населения проблем, действенный общественный контроль, повышение качества жизни населения, снижение иждивенческих настроений, вовлечение населения в решение своих проблем и в развитие сообщества в целом и др. [22]. В качестве одного из важнейших социальных эффектов отмечается повышение уровня взаимного доверия населения и власти. Показательны в этом отношении результаты социологических исследований, проводимых сотрудниками кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета.

Изучение взаимосвязи степени доверия граждан властным структурам и уровня их социально-политической активности (в том числе и участия в практиках ППМИ) осуществлялось в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Потенциал развития и перспективы модернизации региональной системы местного самоуправления: институциональный анализ». Массив материалов эмпирических исследований формировался с использованием ряда следующих методических процедур: 1) проведение

социологического мониторинга, в ходе которого осуществлялся анализ динамики представлений жителей Тверской области о МСУ и выявлялся самоуправленческий потенциал населения различных типов муниципальных образований. Метод сбора эмпирических данных – формализованное интервьюирование. Объем выборочной совокупности: 2009-2011 гг. – по 400 чел.; 2012 г. – 624 чел.; 2013 г. – 628 чел.; 2014 г. – 633 чел.; 2015 г. – 739 чел. (статистическая погрешность – 4%); 2016 г. – 1043 чел. (статистическая погрешность – 5%); 2) глубинное интервьюирование экспертов (апрель-август 2015 г.). Объем выборочной совокупности – 45 человек.

Анализ результатов исследования показал, что у населения фиксируется довольно низкий уровень институционального типа доверия органам МСУ (не доверяют им в той или иной степени от 67,6% опрошенных граждан в 2012 г. до 68,5% – в 2016 г.). Более высокий уровень недоверия к органам и должностным лицам МСУ демонстрируют респонденты с высоким уровнем материального положения, люди среднего возраста, жители городов и поселков городского типа (ПГТ). Однако, с 2013 г. нами зафиксирован

рост доверия граждан органам МСУ (в настоящее время им в той или иной степени доверяет около ¼ респондентов).

Если сравнивать уровень доверия населения структурам МСУ с показателями доверия органам и должностным лицам государственной власти (регионального и федерального уровней), то получается следующая картина. Наибольшим доверием респондентов пользуется Президент РФ (от 27% в 2009 г. до 30,9% в 2016 г.), а наименьшим – представительные властные структуры регионального уровня (табл. 2). Кроме того, около 1/5 респондентов либо отметили, что не доверяют никаким властным структурам вообще, либо затруднились ответить на предложенный вопрос.

Анализируя показатели доверия органам власти и МСУ в динамике, наблюдаем, прежде всего, рост доверия институту президентской власти. Однако определенная положительная динамика фиксируется и по отношению к органам и должностным лицам МСУ (табл. 2). Рост доверия муниципальным органам власти мы связываем в том числе и с распространением в регионе практик инициативного бюджетирования.

Таблица 2

Доверие жителей Тверской области к деятельности должностных лиц и органов государственной власти и МСУ (в % от общего количества ответов)

Table 2

Trust of the population of Tver region to the work of officials, local authorities, and self-government bodies (% of total answers)

Каким из перечисленных органов власти и должностных лиц Вы доверяете в большей степени?	Жители г. Твери			Жители Тверской области				
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Президент РФ	27,0	27,6	19,6	28,0	28,6	15,0	30,2	30,9
Правительство РФ	20,2	17,5	16,5	9,4	8,9	8,2	8,0	11,5
ГД РФ	-	-	-	3,1	4,2	3,4	3,0	5,1
Губернатор Тверской области	7,6	10,3	9,9	6,4	12,5	3,8	5,0	6,0
Администрация Тверской области	2,9	4,7	6,2	2,7	4,8	3,2	3,0	4,9
Законодательное собрание Тверской области	3,0	3,0	1,8	0,8	1,5	2,3	1,0	1,2
Глава муниципального образования	6,1	10,9	8,3	5,0	8,2	17,5	9,3	5,8
Администрация поселения	5,0	7,5	11,3	3,1	4,9	15,0	7,3	6,3
Глава администрации муниципального образования	3,7	6,1	6,5	-	-	4,7	6,7	4,7
Представительный орган поселения	4,7	2,9	5,9	1,1	2,2	8,2	8,2	7,1

Примечание. Сумма ответов может быть не равна 100%, так как в таблице не представлены другие варианты ответов.

Наше исследование, демонстрирует более высокий уровень доверия органам МСУ, характерный для граждан, принимающих участие в

ППМИ (по сравнению с «не участвующими» категориями населения) (рис. 2). Эти респонденты рассматривают отношения с местной властью

(главой МСУ, администрацией муниципального образования и др.) как партнерские и считают, что муниципальная власть их защищает и способна

отстоять их интересы на разных уровнях управленческой вертикали.

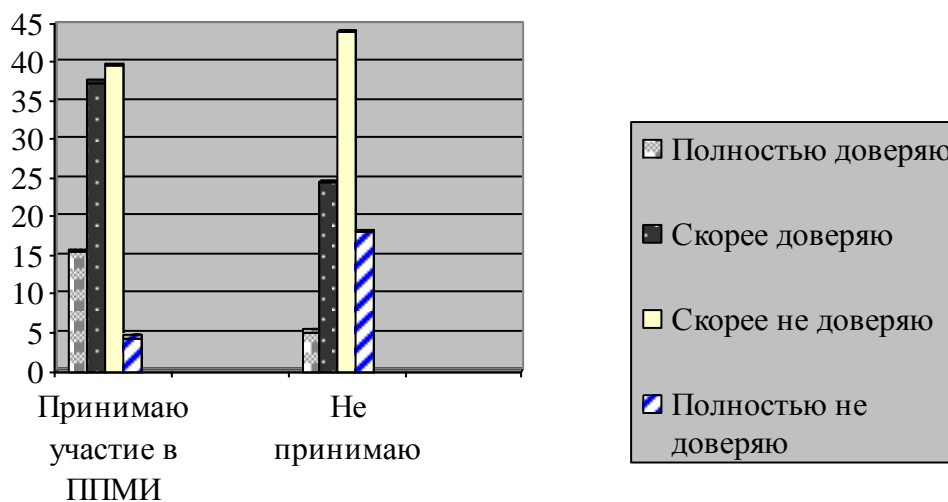

Рис. 2. Зависимость доверия граждан органам МСУ от их участия в практиках ППМИ (2016 г., %) / Fig. 2. Dependence of citizens' trust to local self-government bodies on their involvement into the practices of the Programme of Support to Local Initiatives

Уровень доверия респондентов, участвующих в ППМИ, например, главе администрации муниципального образования и администрации (Правительству) Тверской

области (т.е. структурам, реализующим проекты ППМИ) в два раза выше, чем у «не участвующих» граждан (табл. 3).

Таблица 3

Каким из перечисленных органов власти и должностных лиц Вы доверяете в большей степени? (% от количества ответов)

Table 3

Which authorities and officials below do you trust more? (% of total answers)

	Не принимаю	Принимал/принимаю
Затрудняюсь ответить	2,2%	1,6%
Представительный орган поселения	6,3%	8,7%
Глава МО	5,4%	7,6%
Администрация поселения	6,1%	9,2%
Глава администрации поселения	4,0%	10,3%
Губернатор области	6,1%	4,3%
Администрация Тверской области	4,2%	7,6%
Законодательное собрание Тверской области	1,3%	0,1%
Правительство РФ	11,6%	14,7%
Государственная Дума РФ	5,0%	7,1%
Президент	32,0%	24,5%
Никаким	15,8%	4,3%

Примечание. Сумма ответов может быть не равна 100%, так как в таблице не представлены другие варианты ответов.

Более высокий уровень доверия органам МСУ, характерный для граждан, участвующих в практиках ППМИ, отражается на характере и интенсивности их гражданской активности. Так, категория граждан, участвующих в ППМИ, демонстрирует активистские установки, выражает готовность помогать в решении проблем своего поселения, используя свои личные ресурсы. Эти респонденты в значительно

большей степени, нежели «не участвующие» граждане, склонны применять свои знания, умения и навыки, а также творческие способности, использовать свое личное время и собственные финансовые средства в ходе решения общих проблем поселения (рис. 3).

Кроме того, респонденты, участвующие в ППМИ, проявляют большую активность в выборах местного уровня, чем граждане, не

принимающие участия в проектах инициативного бюджетирования (29% и 18,2% соответственно). В рейтинге причин участия в муниципальных выборах тех категорий респондентов, которые вовлечены в практики инициативного бюджетирования, лидируют, прежде всего, «долг», «традиция ходить на выборы», «интерес к выборам», «важность выборов для страны».

Показательно, что, в отличие от группы «не участвующих» граждан, у респондентов, принимающих участие в ППМИ, среди причин отказа от реализации своего пассивного избирательного права («отсутствие времени», «недостаточная информированность») не фигурирует такой причины как «недоверие к выборам».

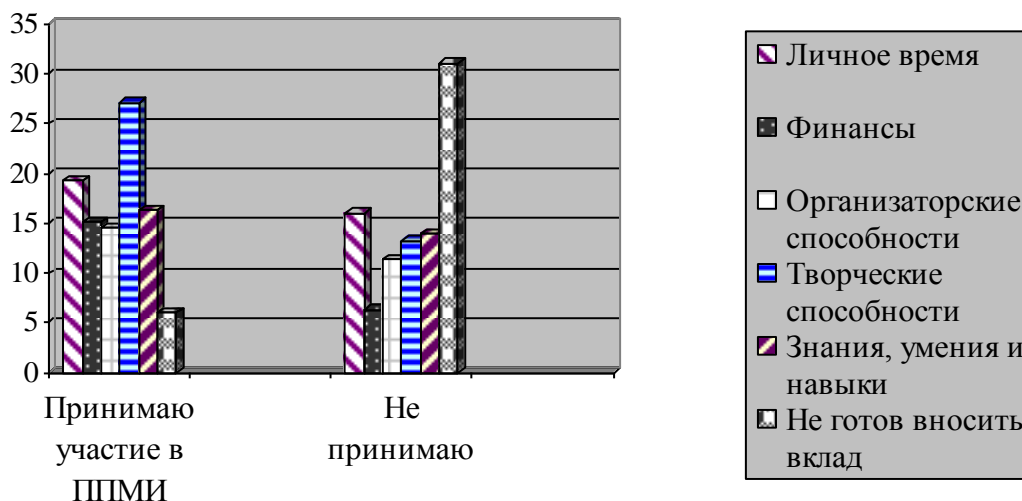

Рис. 3. Зависимость готовности граждан вносить личный вклад в решение проблем муниципального образования от участия в практиках ППМИ (2016 г., %)

Fig. 3. Dependence of citizens' readiness to contribute to the solution of the municipality problems on the participation in the practices of the Programme of Support to Local Initiatives

Категории граждан, вовлеченных в практики ППМИ, также демонстрируют большую готовность к реализации активного избирательного права по сравнению с группами «не участвующих» респондентов (табл. 4).

Оценка жителями Тверского региона,

участвующими в реализации проектов ППМИ, степени влияния рядового гражданина на деятельность власти, решение местных проблем также оказывается более высокой по сравнению с той, которую дают «не участвующие» граждане (табл. 5).

Таблица 4

Зависимость степени готовности граждан избираться в органы местного самоуправления в качестве депутата от их вовлеченности в практики ППМИ (% от числа респондентов)

Table 4

Dependence of citizens' readiness to be elected into the bodies of local self-government as a deputy on their involvement into the practices of the Programme of Support to Local Initiatives

Участие в ППМИ / Готовность быть избранным в органы МСУ	Затрудняюсь ответить	Да	Нет
Не принимаю	11,4	7,4	81,2
Принимаю	9,7	26,9	63,4

Таблица 5

Зависимость оценок жителями региона степени влияния рядового гражданина на деятельность органов власти от их вовлеченности в практики ППМИ (% от числа респондентов)

Table 5

Dependence of people's assessment of the influence of a regular citizen on the work of authorities and its dependence on their involvement into the practices of the Programme of Support to Local Initiatives

Участие в ППМИ / Оценка степени влияния гражданина на власть	Затрудняюсь ответить	Очень высокая	Высокая	Средняя	Низкая	Никакого влияния	Всего
Не принимаю участие	5,0	2,1	3,7	23,4	30,7	35,1	100
Принимаю участие	0,0	4,4	6,7	24,4	38,9	25,6	100

Различаются у данных категорий населения региона и взгляды на причины пассивности граждан в решении вопросов местного значения. Так, «участвующие» респонденты видят в качестве главных причин низкой гражданской активности населения нежелание брать на себя ответственность и отсутствие финансовых возможностей для осуществления общественной деятельности. В то время как «не участвующие» граждане обращают внимание, прежде всего, на такие причины социальной пассивности как невозможность повлиять на что-либо, а также представление о том, что решением всех проблем должна заниматься муниципальная власть, демонстрируя, тем самым, свои иждивенческие позиции.

Тверскими экспертами (представителями государственных и муниципальных структур) также отмечалась взаимосвязь развития практик ППМИ и изменения характера взаимодействия власти и населения. В процессе реализации Программы происходит рост доверия граждан к местной власти, возрастает их уверенность в свои возможности оказывать влияние на решение проблем: «...люди как-то поверили, что что-то можно сделать...сейчас собираются деньги, активно идут...» (глава администрации сельского поселения Лихославльского района). ППМИ активизирует местное население, вовлекает граждан в решение вопросов местного значения, снижает иждивенческие настроения: «...просто люди начинают понимать, что, для того, чтобы отремонтировать Дом культуры, есть два пути: правильный – это собраться и поучаствовать, а неправильный – написать письмо и ждать, когда кто-нибудь придет и все сделает...» (сотрудник Министерства финансов Тверской области). ППМИ способствует консолидации членов местного сообщества: «...она объединяет инициативу населения, органов МСУ и бизнеса...сплавляет людей...» (глава администрации городского поселения г. Белый). В ходе реализации проектов ППМИ формируются партнерские взаимоотношения местной власти и населения муниципальных образований: «...ППМИ помогает наладить диалог власти с жителями, завязать...отношения, основанные...на гражданской активности людей...» (глава сельского поселения Оленинского района).

Таким образом, наше исследование демонстрирует наличие взаимосвязи и взаимовлияния феноменов доверия граждан власти и органам МСУ и участия населения в самоуправленческих практиках, в частности в

проектах ППМИ. Доверие является условием участия населения в подготовке и реализации проектов ППМИ. В свою очередь, распространение практик ППМИ и активизация участия населения в реализации проектов инициативного бюджетирования имеет в качестве одного из позитивных социальных эффектов рост доверия населения органам МСУ. В целом опыт Тверского региона показывает эффективность использования в решении местных проблем и повышении гражданской активности населения этого инновационного инструмента. ППМИ ориентирована не только на получение прямого экономического эффекта, но также способствует возникновению позитивных социальных изменений, формированию новых активистских ментальных и поведенческих установок населения муниципальных образований.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта № 114111140129.

Список литературы

1. Андрущенко А.Н. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) // Социологические исследования. 2013. №8. С. 126-135.
2. Брошюра «Программа поддержки местных инициатив в Тверской области». Тверь: Правительство Тверской области, 2015. 42 с.
3. Брошюра «Программа поддержки местных инициатив в Тверской области 2015: Итоги, прогресс, развитие». Тверь: Правительство Тверской области, 2016. 47 с.
4. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности муниципальных органов власти // Власть. 2015. №12. С. 42-47.
5. Вагин В.В., Шаповалова Н.А., Гаврилова Н.В. Анализ и систематизация лучшей российской и зарубежной практики вовлечения граждан в бюджетные инициативы // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Материалы Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. Выпуск 1. М.: НИФИ, 2015. С. 38-153.
6. Гидденс Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 448-462.
7. Гридин С., Сухова А. Брошюра «Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования». М.: Всемирный банк, 2015. 42 с.
8. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества: Коллективная монография / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

9. Дрогов Е. Опыт проведения собраний жителей в городах. Презентация на Всероссийском семинаре-совещании «Инициативное бюджетирование на территории городских округов» [Электронный ресурс] / Е. Дрогов. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/ParticipateUrban>. (дата обращения: 18.02.2017).

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Директ-Медиа, 2011. 567 с.

11. Егоров И.И. Инициативное бюджетирование: региональный опыт. Программа поддержки местных инициатив в Тверской области. Презентация [Электронный ресурс]. URL: http://association-cfo.ru/files/materials/KS_budjetnalog/prezent/ks01112016_2.pdf. (дата обращения: 18.02.2017).

12. Егоров И.И. ППМИ в Тверской области: цели, эффекты и перспективы развития [Электронный ресурс] // Бюджет. Финансово-экономический журнал. 2015. №4(149). URL: <http://bujet.ru/article/274474.php>. (дата обращения: 18.02.2017).

13. Зинченко Г.П. Сельская власть 20 лет спустя // Социологические исследования. 2013. №7. С. 104-109.

14. Кокарев И. Соседские сообщества: путь к будущему России. М.: Прометей, 2001. 248 с.

15. Лыска А.Г. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. №7. С. 99-103.

16. Осадчая Г.И. Доверие как основа социальной сплоченности населения: региональный аспект // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №8. С. 10-19.

17. Программа поддержки местных инициатив. Тверская область. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/About>. (дата обращения: 18.02.2017).

18. Сасаки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. №3. С. 60-73.

19. Тверская область: справочник по административно-территориальному устройству. Тверь: ИП Ушакова М.С., 2014. 224 с.

20. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко и др. М.: АСТ, Ермак, 2004. 736 с.

21. Хачатрян Г. и др. Операционное руководство практики инициативного бюджетирования: пример Программы поддержки местных инициатив / Г. Хачатрян, И. Шульга, С. Гридин, А. Сухова. М.: «Алекс», 2016. 88 с.

22. Хачатрян Г.Н. Проекты инициативного бюджетирования в городах: международный опыт и его применимость в российских условиях. Презентация на Всероссийском семинаре-совещании «Инициативное бюджетирование на территории городских округов» [Электронный ресурс] / Г.Н. Хачатрян. URL:

<http://ppmi.tverfin.ru/Home/ParticipateUrban>. (дата обращения: 18.02.2017).

References

1. Andruschenko A.N. Analysis and systematization of scientific approaches to the formation of the typology of trust (experience of bibliographic analysis). *Sociological research*. 2013. No. 8. Pp. 126-135. Russian.

2. Brochure «Programme of supporting of local initiatives in the Tver region». Tver: The Government of the Tver region, 2015. 42 p. Russian.

3. Brochure «Programme of supporting of local initiatives in the Tver region 2015: Results, progress, development». Tver: Government of the Tver region, 2016. 47 p. Russian.

4. Vagin V.V., Gavrilova N.V., Shapovalova N.A. Practices of initiative budgeting in the activities of municipal authorities. *Power*. 2015. No. 12. Pp. 42-47. Russian.

5. Vagin V.V., Shapovalova N.A., Gavrilova N.V. Analysis and systematization of the best Russian and foreign practice of involving citizens in budget initiatives. *Initiative Budgeting in the Russian Federation. Materials of the All-Russian Conference on Initiative Budgeting*. Issue 1. Moscow: NIFI, 2015. Pp. 38-153. Russian.

6. Giddens E. Consequences of Modernity. *A New Post-Industrial Wave in the West. Anthology*. Ed. V.L. Inozemtseva. Moscow: Academy, 1999. Pp. 448-462. Russian.

7. Gridin S., Sukhova A. Brochure «Programme of supporting of local initiatives: improving local self-government and developing proactive budgeting». Moscow: The World Bank, 2015. 42 p. Russian.

8. Trust and mistrust in the conditions of civil society development: Collective monograph. Moscow: Izd. House HSE, 2013. 564 p. Russian.

9. Drogov E. Experience of holding meetings of residents in cities. Presentation at the All-Russian seminar-meeting «Initiative Budgeting in the Territory of Urban Districts» [Electronic resource]. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/ParticipateUrban> (date of access: 18.02.2017). Russian.

10. Durkheim E. On the division of social labor. Moscow: Direct-Media, 2011. 567 p. Russian.

11. Egorov I.I. Initiative budgeting: regional experience. *Programme to support local initiatives in the Tver region. Presentation* [Electronic resource]. URL: http://association-cfo.ru/files/materials/KS_budjetnalog/prezent/ks01112016_2.pdf. (date of access: 18.02.2017). Russian.

12. Egorov I.I. PSII in the Tver area: the purposes, effects and prospects of development [Electron resource]. *The budget. Financial and Economic Journal*. 2015. No. 4(149). URL: <http://bujet.ru/article/274474.php>. (date of access: 18.02.2017). Russian.

13. Zinchenko, G.P. Rural government 20 years later. *Sociological research*. 2013. No. 7. Pp. 104-109. Russian.

14. Kokarev I. Neighbor communities: the path to the future of Russia. Moscow: Prometheus, 2001. 248 p. Russian.

15. Lyska A.G. The concept of building a local community in the works of foreign scientists. *Sociological research*. 2013. No. 7. Pp. 99-103. Russian.

16. Osadchaya G.I. Trust as the basis of social cohesion of the population: a regional aspect. *Scientific notes of the Russian State Social University*. 2011. No. 8. Pp. 10-19. Russian.

17. Programme of supporting of local initiatives. Tver region. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/About>. (date of access: 18.02.2017). Russian.

18. Sasaki M., Davydenko V.A., Romashkina G.F., Voronov, V.V. Comparative analysis of trust in various countries. *Sociological research*. 2013. No. 3. Pp. 60-73. Russian.

19. Tver region: a guide to the administrative and territorial structure. Tver: IP Ushakova MS, 2014. 224 p. Russian.

20. Fukuyama, F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Moscow: AST, Ermak, 2004. 736 p. Russian.

21. Khachatryan G., Shulga I., Gridin S., Sukhova A. Operational guidance of the practice of initiative budgeting: an example of the Programme off Support of Local Initiatives. Moscow: «Alex», 2016. 88 p. Russian.

22. Khachatryan G.N. Projects of initiative budgeting in cities: international experience and its applicability in Russian conditions. *Presentation at the All-Russia seminar-meeting «Initiative Budgeting in the Territory of Urban Districts»* [Electronic resource]. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/ParticipateUrban>. (date of access: 18.02.2017). Russian.

Симонова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий.

Simonova Elena V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.663.5

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-38-48

Ельникова Г.А.,
Давитян М.Г.,
Никулина Н.Н.

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Белгородский университет кооперации, экономики и права, ул. Садовая, 116а, г. Белгород, 308000, Россия
elnikova.galina@gmail.com

Белгородский аграрный университет им. В.Я. Горина, ул. Вавилова, 1, пос. Майский Белгородского района
Белгородской области, 308503, Россия. *79611729056@yandex.ru*

Белгородский аграрный университет им. В.Я. Горина, ул. Вавилова, 1, пос. Майский Белгородского района
Белгородской области, 308503, Россия. *nikulina_n@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности родительских стратегий современной студенческой молодежи. Актуальность проблемы обусловлена, во-первых, задачей укрепления стабильности семьи и создания в ней условий для самореализации женщин и мужчин в качестве родителей и профессионалов; во-вторых, остротой демографической проблемы в России, связанной с процессом депопуляции; в-третьих, кардинальными изменениями в сфере родительства, происходящими в современной реальности и вызывающими к жизни новые формы родительского поведения.

Ключевые слова: родительские стратегии; материнские стратегии; отцовские стратегии; родительство; материнство; отцовство.

G.A. Elnikova
M. G. Davityan
N. N. Nikulina

FEATURES OF PARENT STRATEGIES OF MODERN YOUNG STUDENTS

Belgorod University of Cooperation and Law, 116 a Sadovaya St., Belgorod, 308000, Russia
elnikova.galina@gmail.com

Belgorod Agrarian University named after V. Gorin, 1 Vavilov St., Mayskiy, Belgorod District, Belgorod region,
308503, Russia. *79611729056@yandex.ru*

Belgorod Agrarian University named after V. Gorin, 1 Vavilov St., Mayskiy, Belgorod District, Belgorod region,
308503, Russia. *nikulina_n@bsu.edu.ru*

Abstract. The article discusses the features of the parental strategies of contemporary students. The problem urgency is caused, first, by the task of strengthening family stability and creating conditions for self-realization of women and men as parents and professionals; secondly, by acute demographic problem in Russia related to the process of depopulation; thirdly, by radical changes in the sphere of parenthood, happening in contemporary reality and generating new forms of parental behavior.

Key words: parenting strategies; maternal strategies; paternal strategies; parenting; motherhood; fatherhood.

Молодежь определяет завтрашний день общества, одновременно проектируя и создавая свое личное будущее. Ею выстраиваются жизненные стратегии, охватывающие все сферы человеческой деятельности [2]. И в них в качестве важнейшего элемента входят родительские

стратегии, имеющие высокую ценность как для самих молодых людей, так и для социума в целом. Родительские стратегии молодежи закладывают основы жизни последующих поколений, определяют перспективы развития целых народов.

С точки зрения формирования родительских стратегий, особое место занимает молодежь в возрасте 18-25 лет, которая, во-первых, только вступает в детородный период; во-вторых, уже может вполне осознанно планировать рождение детей и подходить к их воспитанию и заботе о них; в-третьих, принадлежит к самому малочисленному поколению в России, родившемуся в 90-е годы XX века [3]. К этой возрастной группе относится и современная студенческая молодежь, которая имеет в ее составе наиболее высокий удельный вес. Кроме того, студенческая молодежь – самая образованная и профессионально подготовленная часть молодежи, способная обеспечить поступательное развитие общества, что определяет особую значимость изучения ее жизненных стратегий в целом и таких их составляющих, как родительские стратегии, в частности.

Родительские стратегии, представляющие собой ориентированные на реализацию родительства в качестве ценности-цели модели родительского поведения и состоящие из набора родительских практик, сложившихся в представлении человека и репрезентируемые им как идентичность «Я-мать» или «Я-отец», включают в себя репродуктивные, материнские и отцовские стратегии.

В условиях нестабильности и риска, характеризующих современное общество, исследование родительских стратегий актуализируется необходимостью решения задач укрепления стабильности семьи, улучшения психологического климата в ней и снижения напряженности, возникающей при выполнении традиционно гендерно асимметричных родительских функций. Анализ родительских стратегий студенческой молодежи позволяет также определить степень возможности самореализации молодых людей как родителей и как профессионалов в условиях совмещения этих ролей. Кроме того, изучение репродуктивных стратегий, в которых отражается потенциальное стремление молодежи иметь определенное количество детей (или оставаться бездетными), диктуется актуальностью решения основных задач в рамках демографической проблемы. В целом, изучение родительских стратегий студенческой молодежи определяется необходимостью использования всех имеющихся в обществе ресурсов для укрепления его стабильности и поступательного развития.

Еще одной стороной исследуемой проблемы, повышающей ее важность, являются коренные изменения в сфере родительства, которые происходят в современной реальности и носят как позитивный, так и негативный характер. К ним можно отнести: 1) формирование нового типа родительства («ответственного родительства»); 2) широкое распространение осознанного материнства и отцовства; 3) рост незарегистрированных браков и рождения детей в них; 4) увеличение числа однодетных семей с индивидуалистически ориентированными партнерами; 5) вариативность форм родительского поведения; 6) появление сознательного отказа от родительства ради достижения индивидуальных целей («чайлдфри») и ряд других.

Исследование родительства как социологической категории начинается с конца XX века. До этого родительство, не эксплицируясь в качестве самостоятельной категории, рассматривалось как неперенный элемент более широкого понятия «семья», и основы его научного анализа закладывались в социологических работах, посвященных семье [6].

В социологии исследование семьи строится, прежде всего, на ее рассмотрении в качестве социального института, малой социальной группы и социального конструкта, что транслируется и на изучение родительства. Семья представляет собой систему устойчивых социальных действий и взаимодействий её членов, существующую благодаря их взаимосвязанному и взаимно ориентированному ролевому поведению. Ее основой являются: коммуникация, создающая условия для взаимодействия членов семьи, и социальные практики, обеспечивающие воспроизводство семьи [8].

Традиции рассмотрения семьи как фундаментального социального института, выполняющего важнейшие для общества функции и имеющего конкретно исторический характер, были заложены классиками социологии О. Конттом, Э. Дюркгеймом, К. Марксом и Ф. Энгельсом. При этом родительство определяется ими как входящий в институт семьи частный социальный институт с основными функциями выращивания и социализации подрастающего поколения.

Начало изучению семьи как малой социальной группы положили М. Вебер и Т. Парсонс, а также представители символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мид), акцентировавшие внимание на

взаимодействиях индивидов и характере этих взаимодействий, которые определяют отношения в семье. Изучение взаимодействий и отношений в семье ведет к презентации родительских ролей и связанных с ними ожиданий.

Семья как социальный конструкт исследуется исходя из теоретических подходов, разрабатываемых в рамках социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман). Рассмотрение семьи как социального конструкта позволяет концентрировать внимание не на ее социальных характеристиках, а на представлениях о ней, сложившихся в конкретном обществе, и дает возможность анализировать наиболее общепринятые модели семьи и родительства.

Сложившиеся в социологии основные подходы к исследованию семьи и родительства находят свое применение и в работах отечественных социологов (А.И. Антонова, А.В. Верещагиной, С.А. Голод, Т.А. Гурко, С.В. Дармодехина, П.Ф. Каптерева, И.С. Кона, М.С. Мацковского, А.В. Носковой, М.М. Рубинштейна, Т.В. Свадьбиной, П.А. Сорокина, В.М. Хвостова, А.Г. Харчева, Ж.В. Черновой и др.), позволяя им не только анализировать эти социальные феномены, но определить особенности их функционирования в российской социокультурной реальности.

Многогранность и глубина изучения семьи и родительства как неразрывно связанных категорий обеспечивается рядом феминистских исследований, в которых нашел отражение широкий спектр взглядов на семью, материнство и отцовство (Дж. Митчелл, Б. Фридан, С. Файерстоун). Возникший в рамках феминистских методологий гендерный подход позволяет исследовать семью и родительство через систему гендерных отношений. Работы отечественных исследователей, использующих гендерный подход (С.Г. Айвазова, Т.А. Гурко, Н.Ю. Егорова, О.М. Здравомыслова, Е.А. Здравомыслова, И.С. Клецина, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева, А. Роткирх, И.Л. Сизова, А.А. Темкина, Ж.В. Чернова и другие), поднимают и освещают значимые для исследуемой проблемы вопросы лидерства в семье, воспитания детей, домашнего труда, материнства и отцовства, взаимоотношений супругов и родителей между собой.

Исходя из того, что родительство является еще достаточно новой социологической категорией, для исследования поставленной

проблемы важны работы, в которых трактуется само понятие «родительство», рассматриваемое как чрезвычайно многогранное социально-психологическое явление. К ним, прежде всего, относятся труды А.И. Антонова, А.П. Багировой, О.В. Глазденевой, Т.А. Гурко, И.С. Кона, Р.В. Овчаровой.

В зарубежной и отечественной литературе изучение института родительства предпринимается с выделением в нем социальных институтов материнства и отцовства (Н.В. Богачева, Т.А. Гурко, И.С. Кон, Л.Г. Сологуб, Д. Стивенсон, А.Н. Шрайбер).

При исследовании института родительства особое внимание уделяется такой его функции как воспроизводство населения, выражающееся в репродуктивной деятельности (Л. Анри, А.И. Антонов, А.П. Багирова, Г. Беккер, Дж. Блейк, Дж. Богаартс, В.А. Борисов, А. Д. Вишневский, Дж. Граунт, К. Дэвис, А.М. Ильшев, Э. Коул, А. Б. Синельников Дж. Трасселл и др.), что позволяет в рамках родительских стратегий молодежи выделить репродуктивные стратегии и провести их всесторонний анализ.

Материнство в научной литературе представлено в двух ипостасях: как биологический (М. Мид, З. Фрейд, Э. Фромм и др.) и как социальный феномен (Э. Бадинтер, С. де Бовуар, А. Рич, Н. Чодороу и др.). Имеется значительное количество работ, посвященных репрезентации материнства и как социокультурного феномена (В.А. Рамих, Т. Г. Ростовская, О.В. Рябов, Е.В. Шамарина). Широко представлены исследования различных групп матерей: малолетнее материнство (Е.Л. Круглова (Путинцева), Н.А. Нартова, С.В. Скутнева); одинокое материнство (С.С. Данилова, Т.Н. Каменева, З.Х. Каримова), девиантное материнство (Т.Н. Никитина, Т.М. Петинова). Литература, посвященная материнству, позволяет определить основные модели материнских практик и стратегий и установить их содержательные компоненты.

Исследование проблем отцовства в социологии начинается с работ Т. Парсонса и достаточно активно продолжается как в зарубежной (К. Гиллиган, Р. Коннелл, Ft. LaRossa, J.H. Pleck и др.), так и отечественной литературе. В современной российской социологической науке отцовство исследуется как социальный институт (Т.А. Гурко, И.С. Кон, И.В. Рыбалко); социальные практики

(О.Н. Безрукова, Т.А. Гурко, А.Е. Звонарева, Е.Ю. Рождественская, И.А. Фридрих); ценностный выбор (О.Н. Безрукова, Т.К. Ростовская). В целом, уровень исследования отцовства позволяет выделить основные модели отцовских практик и, соответственно, отцовских стратегий.

Родительские стратегии студенческой молодежи – элемент ее жизненного проектирования, который в научной литературе рассматривается преимущественно через категорию «жизненные стратегии» и перманентно находится в центре внимания отечественных исследователей. В работах К.А. Абульхановой-Славской, Ш.И. Алиева, Г.А. Ельниковой, Н.И. Легостаевой, А.Л. Маршака, Э.А. Панфиловой, Т.Е. Резник, Ю.М. Резника, Л.В. Рожковой, О.В. Рудаковой, Е.А. Смирнова, Д.Ю. Чеботаревой дается определение жизненных стратегий, раскрывается их структура и определяются основные жизненные приоритеты молодежи. Указанные работы позволяют сформулировать авторское определение родительских стратегий и производных от них и определить их место в системе жизненных стратегий.

При изучении родительских стратегий студенческой молодежи важно проанализировать факторы, воздействующие на их формирование. В имеющейся социологической литературе (работы А.И. Антонова, А.Г. Вишневого, Т.А. Гурко, Я.М. Рощиной) получили освещение различные детерминанты, влияющие на родительское поведение: 1) зависимость родительского поведения от трансформационных процессов в обществе; 2) связь репродуктивных установок молодежи с общим кризисом семьи; 3) связь типа воспроизводства населения с социально-экономическим развитием общества и демографическими революциями; 4) экономическая обусловленность фертильного поведения женщин.

В работах социологов и демографов рассматриваются отдельные аспекты влияния родительской семьи на материнское и отцовское поведение детей. Преимущественно это вопросы, связанные с репродуктивной деятельностью (А. Бут, Е. Вовк, О.В. Гришина, Х. Ки, О. Синявская, А. Тындик) [9].

Государственная семейная политика, как воздействующая на сам выбор родительских стратегий, их моделей и типов, так и создающая условия для их реализации, рассматривается в

работах Ю.Ю. Антроповой, С.В. Дармодехина, Ф.А. Ильдархановой, Г.И. Климантовой, А.Б. Синельникова, Ж.В. Черновой.

Воздействие средств массовой коммуникации на формирование родительских стратегий молодежи является малоизученной темой в социологической науке. Однако в работах отечественных социологов достаточно широко представлено их влияние на процесс социализации современной молодежи, в рамках которого и формируются основные жизненные приоритеты (А.И. Епифанова, Ю.А. Зубок, А.И. Ковалева, С.В. Кузина, А.П. Лепин, А.В. Попов, А.В. Сафарян, В.И. Филоненко, В.И. Чупров, И.В. Юдин). Также имеются работы, анализирующие влияние средств массовой коммуникации на семейные ценности молодежи (И.А. Василенко, В.А. Мищенко и др.), в которых частично затрагиваются и проблемы родительства.

Таким образом, признавая актуальность темы и оценивая степень ее научной разработанности, проблему исследования можно определить через противоречие между необходимостью изучения родительских стратегий студенческой молодежи как одного из условий решения демографической проблемы, стабильного развития семьи, самореализации личности и существующим дефицитом исследований, посвященных родительским стратегиям молодежи в целом и студенческой молодежи в частности.

Теоретико-методологические основы исследования родительских стратегий современной студенческой молодежи составляют:

– системный подход (Л. Берталанфи, В.Н. Волкова, А.А. Денисов, А.А. Давыдов, Дж. О'Коннор, Н. Луман, И. Макдермотт, М.Р. Шагиахметов и др.), который дает возможность рассмотреть родительство, с одной стороны, как часть более общей системы – системы «семья», с другой стороны, как самостоятельную систему, в которую в качестве элементов входят репродуктивная деятельность, материнство и отцовство. Системный подход также позволяет проанализировать место родительских стратегий в системе жизненных стратегий студенческой молодежи;

– институциональный подход (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.), в рамках которого анализируются основные функции родительства как института и их отражение в родительских стратегиях студенческой молодежи;

– социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), в контексте которого родительские стратегии студенческой молодежи рассматриваются как отражение идеальных моделей родительства, господствующих в обществе;

– гендерный подход (Б. Фридан, Дж. Митчелл, С. Файерстоун, С.Г. Айвазова, Т.А. Гурко, О.М. Здравомыслова, Е.А. Здравомыслова, И.С. Клецина, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева, А. Роткирх, А.А. Темкина, Ж.В. Чернова и др.), на основе которого можно определить различия родительских ролей мужчин и женщин;

– теории социальных практик, представленные в концепциях П. Бурдьё, Э. Гидденса.

При проведении исследования использовались общие и частные методы: системный и сравнительный анализы, анкетирование, письменное эссе, анализ документальных источников.

Концептуализация понятия «родительские стратегии» проводится на широкой теоретико-методологической основе, включающей в себя системный, институциональный, конкретно-исторический и гендерный подходы, концепцию социального конструирования и теории социальных практик. Данная теоретико-методологическая база позволяет исследовать всю группу родственных концептов: «семья», «родительство», «материнство», «отцовство», являющихся своеобразными «кирпичиками» для выстраивания понятия «родительские стратегии», и рассмотреть их как социальные институты и социальные практики, которые существуют в конкретно исторических условиях и меняются вместе с ними; а также выделить репродуктивное поведение как специфический и самодостаточный элемент родительства, несводимый лишь к репродуктивной функции.

Специфика методологических подходов к изучению родительства, материнства и отцовства предполагает обращение к биологической (эссенциалистской) или социальной парадигмам. В рамках первой парадигмы используется преимущественно полоролевой подход, исходящий из биологических особенностей женщин и мужчин и придерживающийся традиционного гендерного разделения труда; в рамках второй – исследуемые феномены предстают как социальные конструкты;

демонстрируется их динамичность и корреляция с социокультурными, экономическими и политическими условиями.

Анализ родительства, материнства, отцовства и репродуктивного поведения как содержательной части родительских стратегий, а стратегичности как проявления одной из существенных черт молодежи – трансгрессивности, стремления «заглянуть вперед», позволяет сформулировать свое понимание родительских стратегий молодежи, которые представляют собой, с одной стороны, элементы жизненного проектирования молодежи, а, с другой стороны, модели поведения в рамках реализации представлений о родительстве и ориентации на него как на ценность-цель.

В системе жизненного проектирования родительские стратегии являются частью общих семейных стратегий; при этом сами они состоят из материнских, отцовских и репродуктивных стратегий как составных элементов (рис. 1).

Анализ каждого из элементов родительских стратегий позволил определить различные их типы и дать им характеристику.

Изученная литература позволяет говорить о существовании значительного числа разнообразных типов репродуктивных стратегий. По количеству детей репродуктивные стратегии могут быть однодетные, малодетные, среднететные и многодетные; по срокам – ранние, поздние; «отложенные». Репродуктивные стратегии иногда включают в себя и указания на определенные условия. Как правило, к таким условиям относится состояние в официальном браке – брачные и внебрачные репродуктивные стратегии.

Специфика репродуктивных стратегий заключается в том, что они, с одной стороны, входят в состав материнских и отцовских стратегий; но, с другой стороны, имеют самостоятельную значимость, позволяющую рассматривать их как отдельные, самодостаточные стратегии. Репродуктивные стратегии различаются, главным образом, по количеству детей (по детности), исходя из чего, выделяются однодетные, двухдетные и многодетные типы репродуктивных стратегий [5]. Кроме того, репродуктивные стратегии характеризуются сроками начала репродуктивной деятельности, маркирующими их типы как ранние, поздние и отложенные.

Рис. 1. Структура жизненных стратегий
Fig. 1. The structure of life strategies

Материнские и отцовские стратегии в современных условиях имеют трансформирующийся и многовариантный характер. На основе различных критериев дается классификация их типов; при этом также отмечается, что с определенной долей условности, всё их многообразие можно редуцировать к двум основным большим группам: традиционным и современным материнским и отцовским стратегиям. Выделение данных групп идет по линии готовности или неготовности придерживаться сложившихся традиционных гендерных ролей. Традиционные материнские и отцовские стратегии основываются на представлениях о ролях жены как домохозяйки и воспитательницы детей, мужа как добытчика и кормильца; современные – допускают самый широкий репертуар ролей женщин и мужчин в семье. В свою очередь, в рамках этих групп в результате ценностного выбора между семьей и карьерой происходит разделение материнских и отцовских стратегий на семейно-ориентированные, карьерно-ориентированные и интегрированные стратегии. Для семейно-ориентированных материнских и отцовских стратегий характерно подчинение жизни интересам семьи; в карьерно-ориентированных стратегиях приоритет отдается профессиональной деятельности, и акцентируются личные интересы женщины или мужчины; в интегрированных стратегиях семейная и профессиональная сферы признаются

равноценными, и эксплицируется желание достичь наиболее полной самореализации.

Родительские стратегии фундируются на признании родительства как неременной составляющей жизни. И проведенные исследования позволяют констатировать, что современное студенчество в подавляющем большинстве (89%) видит в родителе важнейшую жизненную ценность. Мнение средств массовой информации и отдельных исследователей о широком распространении движения чайлдфри («свободные от детей») не получило подтверждения.

Первым элементом родительских стратегий являются репродуктивные стратегии. Выбор студенческой молодежью конкретного типа репродуктивных стратегий позволяет судить о ее возможном вкладе в решение проблемы депопуляции населения, остро стоящей в России. Большинство современных студентов (59,3%) отдает предпочтение двухдетной семье и придерживается двухдетного типа репродуктивных стратегий, позволяющего обеспечить только простое воспроизводство населения, которое становится возможным при наличии в семье не менее 2 детей (таблица 2). Элементом репродуктивных стратегий является и выбор сроков их реализации. Эти сроки студенты связывают преимущественно не с возрастом, а с достижением определенных условий, таких как: получение образования, осуществление карьеры,

решение «квартирного вопроса» и т.п. Но, в работе отмечается, что их осуществление ведет к повышению возраста рождения первого ребенка и «отложенным» репродуктивным стратегиям.

Таблица 2

Ответы на вопрос «Какое количество детей в семье Вы считаете оптимальным?» в %

Table 2

Answers to the question «How many children in the family do you consider the best?», %

Количество детей	Всего	Женщины	Мужчины
1 ребенок	15,2	9,1	6,1
2 ребенка	59,3	31,2	28,1
3 ребенка	17,2	7,5	9,7
Больше 3 детей	6,3	2,4	3,9
Ни одного	2,0	0,5	1,5

Бесплодие по медицинским показаниям имеет определенную связь с возрастом человека. Чем старше человек, тем больше у него вероятность приобретения заболеваний, которые могут сказаться на репродуктивной деятельности. Поэтому в рамках исследования родительских стратегий важно было определить, какой возраст молодые люди считают лучшим для рождения детей (и особенно важно – первого ребенка). Подразумевается, что сами респонденты будут стремиться к рождению первого ребенка именно в этом возрасте.

Материнские стратегии рассматриваются в качестве моделей поведения женщин, направленных на достижение идентичности «Я-мать» как цели и содержащих набор материнских практик, отражающих представления женщин о материнстве. Выявлено, что материнские стратегии 92% студенток относятся к современным материнским стратегиям, то есть к таким, в которых женщины демонстрируют нежелание ограничиваться ролью домохозяйки и неработающей матери и выполнять только экспрессивную функцию. Такой высокий уровень выбора современных материнских стратегий объясняется не только общей тенденцией расширения пределов самостоятельности женщины в новом индустриальном обществе, но и тем, что субъекты рассматриваемых стратегий имеют высокие профессиональные амбиции, подкрепленные вложением значительных ресурсов в получение профессионального образования

Этим же в значительной мере объясняется и очевидное предпочтение, которое студентки отдают интегрированным материнским

стратегиям (80%), предусматривающим одновременную реализацию материнских и профессиональных ролей как равнозначных. Они в наибольшей степени соответствуют и основному гендерному контракту «работница-мать», преобладающему в российском обществе. Однако реализация интегрированных материнских стратегий часто порождает разного уровня конфликты, главным из которых является внутрисемейный. Он возникает из-за сложности соблюдения баланса между семьей и работой и порождает у женщины постоянное чувство вины вследствие несовпадения ее собственного поведения с ее же представлениями о «хорошей матери» и «хорошей работнице».

Удельный вес семейно-ориентированных материнских стратегий, предусматривающих безусловную приоритетность материнской роли над ролью работника-профессионала, среди студенческой молодежи ниже, чем среди других групп женщин. Их выбирают только 16% студенток, так как в целом этой социальной группе присущи высокие жизненные притязания, реализация которых предполагает самореализацию и в профессиональной сфере.

Карьерно-ориентированные материнские стратегии, осуществляя которые женщина стремится свести к минимуму время, потраченное ею на уход за ребенком и его воспитание, и полностью реализоваться как профессионал, выбирают незначительное число студенток (4%). Низкий удельный вес карьерно-ориентированных материнских стратегий объясняется, прежде всего, сохраняющейся у современных студенток высокой ценностью семьи и родительства.

Отцовские стратегии трактуются как модели поведения мужчин, направленные на реализацию идентичности «Я-отец» и содержащих набор отцовских практик, отражающих представления мужчин об отцовстве. В условиях трансформирующегося общества они претерпевают наиболее значительные изменения. Однако доля студентов, выбирающих традиционные отцовские стратегии с определяющей ролью отца как добытчика и кормильца, по-прежнему составляет более половины (58%). Современные отцовские стратегии, характеризующиеся признанием активной роли отца в воспитании и уходе за ребенком и реализующие, так называемое, «новое, ответственное отцовство», типичны для 42% студентов [4].

Среди студенческой молодежи получили распространение два типа отцовских стратегий: карьерно-ориентированный и интегрированный. При этом доминирующим является карьерно-ориентированный тип (73%), предполагающий превалирование установки на профессиональную деятельность и самореализацию через карьерный рост. Этот тип отцовских стратегий наиболее созвучен общей нацеленности жизненных стратегий студентов, которые, признавая ценность семьи, ориентированы в большей степени на профессиональную самореализацию.

Интегрированных отцовских стратегий, в рамках которых как равнозначные для мужчины признаются роли профессионала и отца и совмещаются два образа – образ кормильца и добытчика и образ любящего и заботливого мужа и отца, придерживаются лишь 27% студентов. Этот тип отцовских стратегий еще не получил широкого распространения, являясь пока достаточно новым. Однако именно этот тип создает возможности для наиболее полной самореализации молодого человека и как профессионала, и как родителя.

Высокие профессиональные амбиции студентов и необходимость приобретать профессиональный опыт и зарабатывать трудовой стаж детерминируют их отказ от выбора семейно-ориентированных отцовских стратегий.

По-нашему мнению, зафиксированное различие доминирующих типов материнских (интегрированный тип) и отцовских (карьерно-ориентированный тип) стратегий несет в себе риск для стабильности семьи, так как сочетание внутри одной семьи таких разнонаправленных родительских стратегий, как правило, приводит к напряженности и семейным конфликтам и нарушает ее устойчивость. Мы считаем, что наиболее оптимальным в современных условиях является совмещение в одной семье интегрированных материнских и отцовских стратегий.

Нужно отметить, что в целом в родительских стратегиях студенческой молодежи слабо эксплицируется региональная специфика; в стратегиях белгородских студентов она была выявлена только: во-первых, в зафиксированном внимании респондентов к православным семейным ценностям; во-вторых, в установленной зависимости их выбора от общественного мнения; в-третьих, в соизмерении родительских стратегий с возможностями регионального рынка труда.

При анализе факторов, влияющих на формирование родительских стратегий студенческой молодежи мы провели анализ внешних факторов, оказывающих наиболее значительное воздействие на родительские стратегии студенческой молодежи и определили факторы, а также их способность содействовать генерированию таких родительских стратегий, которые в перспективе могут дать возможность: во-первых, преодолеть тенденцию к депопуляции населения в России, во-вторых, укрепить семью, в-третьих, реализоваться современным студентам как родителям и как профессионалам.

К основным факторам, действующим на микроуровне, отнесены родительская семья и группа друзей; на макроуровне – государственная семейная политика и средства массовой коммуникации.

Наибольшее влияние на формирование родительских стратегий оказывают микрофакторы: родительская семья и группа друзей, вырабатывающие у молодых людей установки в области родительства в ходе непосредственного и постоянного воздействия на них.

Влияние родительской семьи осуществляется как на родительские стратегии в целом, так и на все их элементы: репродуктивные, материнские и отцовские стратегии и реализуется преимущественно через семейные ценности, родительский эталон репродуктивного поведения и тип семьи. Семейные ценности родительской семьи определяют само возникновение родительских стратегий у молодежи и формируют отношение к детям как к смыслу жизни. Эталон репродуктивного поведения родительской семьи проявляется, главным образом, в детности и оказывает воздействие на планируемое количество детей. Количество планируемых детей и набор родительских практик в родительских стратегиях студенческой молодежи определенным образом коррелируются с типом родительской семьи. В исследовании респонденты поставили семью на первое место, среди факторов, влияющих на родительские стратегии (рис. 2).

К микрофакторам, существенным образом влияющим на формирование родительских стратегий студенческой молодежи, относится и группа друзей. Она оказывает влияние на выработку родительских стратегий студентов в условиях непосредственного общения: при совместном обсуждении вопросов, связанных с

родительством, и при наблюдении образцов родительского поведения, демонстрируемых

друзьями, уже имеющими детей.

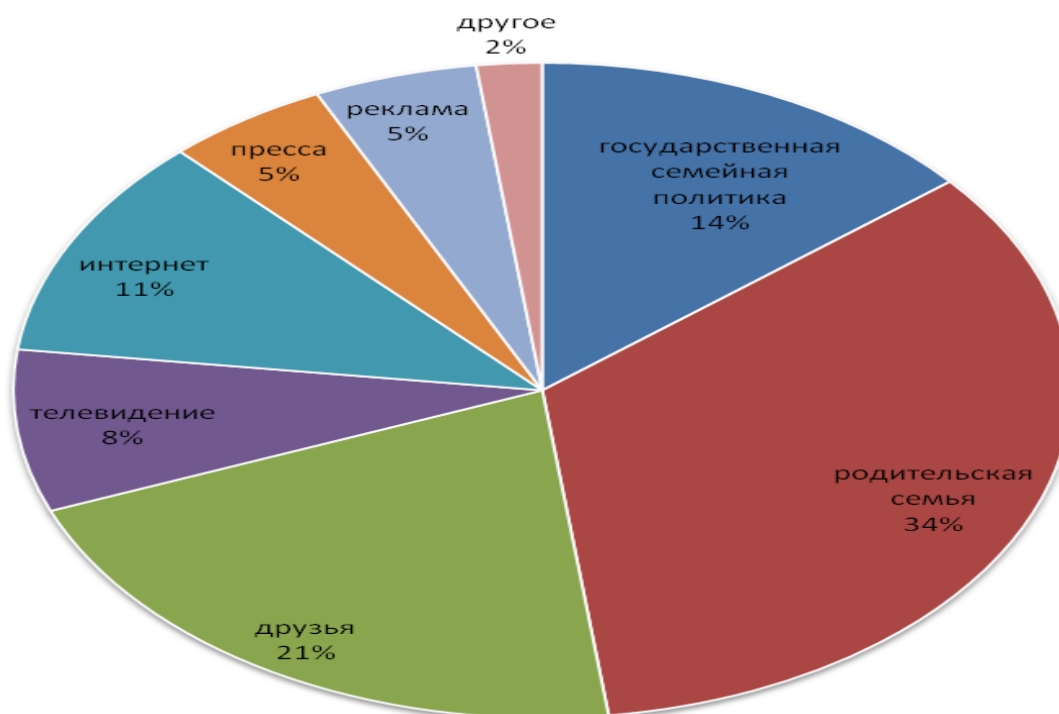

Рис. 2. Рейтинг значимости факторов, влияющих на выбор родительских стратегий
Fig. 2. Rating of significance of factors influencing the choice of parental strategies

Воздействие на формирование родительских стратегий студенческой молодежи на макроуровне, в отличие от микроуровня, предполагает продуманную и целенаправленную деятельность.

В качестве важнейшего из макрофакторов рассматривается государственная семейная политика, которая, по своей сути, призвана предопределять родительское поведение и родительские стратегии индивидов.

Основным механизмом влияния государственной семейной политики на родительские стратегии является материальная и финансовая поддержка семей с детьми и, в первую очередь, материнский капитал, реализация которого способствовала зафиксированному росту рождений вторых и третьих детей после 2008 года. Однако названные меры, ориентированные на группы населения, уже активно вступившие в репродуктивную деятельность, и ограниченные сроком действия, реального влияния на родительские стратегии современной студенческой молодежи оказать не смогут.

В качестве значимого фактора влияния на родительские стратегии студенческой молодежи можно отнести и средства массовой

коммуникации (СМК). Входящие в них печатные издания, телевидение, Интернет и реклама имеют свою специфику и свои возможности, определяющие различные уровни воздействия на родительские стратегии студенческой молодежи.

Влияние печатных изданий на современную молодежь и ее родительские стратегии оценено в целом как незначительное, что объясняется, во-первых, слабой представленностью на их страницах семейной тематики; во-вторых, редким и нерегулярным обращением к ним студентов.

Телевидение, также рассматриваемое в качестве одного из макрофакторов, обладает мощным потенциалом влияния на представления молодежи о жизни и социальной реальности. Однако на современном российском телеэкране практически отсутствуют положительные образы матери и отца, не репрезентируются общественно значимые материнские и отцовские практики, что, с учетом спорадического характера просмотра студентами телевизионных программ, ведет к недостаточному уровню воздействия телевидения на генерирование позитивных родительских стратегий молодежи. Перед современным телевидением стоит проблема выполнения специального социального заказа,

реализация которого возможна как через увеличение количества «семейных» телепроектов, так и через презентацию позитивного образа семьи и представленности на телевизионном экране «обычной», «рядовой» семьи с детьми, построенной на взаимной любви и уважении.

Еще одним макрофактором является Интернет, радикальным образом изменяющий социокультурные условия, в которых формируются жизненные, включая и родительские, стратегии студенческой молодежи. Расширяя познавательные и коммуникационные возможности, знакомя молодых людей с новыми культурными образцами, он включает в себе чрезвычайно высокий потенциал воздействия и на выбор ими моделей родительства [11]. Наиболее значительные возможности влияния на этот процесс имеет коммуникационная составляющая Сети, предоставляющая самую широкую площадку для общения по разным вопросам, среди которых и проблемы родительства. При этом в работе отмечается, что влияние Интернета на формирование родительских стратегий студенческой молодежи нельзя оценивать однозначно. Расширение коммуникационной площадки сопряжено с неоднородностью содержательного контента виртуальной Сети. С одной стороны, в Интернете имеется большое количество материалов, содержащих позитивную оценку родительства; с другой стороны, в нем представлены и активно действуют группы чайлдфри и чайлдхейт (ненавидящие детей), отвергающие саму необходимость родительских стратегий.

Среди средств массовой коммуникации особое место занимает реклама и, прежде всего, реклама на телевидении. В рекламе достаточно широко используется положительный образ семьи с детьми, создающий в целом позитивное отношение к родительству. «Эталонные» образы семьи с детьми, представленные в рекламе, опосредованно влияют на репродуктивные стратегии молодежи; а присутствующие в ней идеальные образы потребителей, женщин и мужчин, сконструированные на основе традиционных гендерных стереотипов, определенным образом отражаются на выборе материнских и отцовских стратегий.

Анализ воздействия макрофакторов на формирование родительских стратегий студенческой молодежи, дает основание утверждать, что, несмотря на имеющиеся позитивные примеры, в целом, этот процесс носит стихийный и спорадический характер.

Таким образом, проведенный анализ родительских стратегий студенческой молодежи

демонстрирует ориентированность студентов на создание собственной семьи. В качестве эталонной для них является семья с двумя детьми, в воспитании которых принимают участие оба родителя. В представлениях о семье отражаются и традиционные гендерные стереотипы. В целом же в родительских стратегиях эксплицируется процесс серьезных трансформаций, которые проходят в семейно-брачном поведении и которые дают картину иногда противоречащих презентацией ролей мужа, жены, отца и матери.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2006. 137 с.
2. Гордиенко И.В. Духовно-нравственные аспекты профессионально-личностного становления студента в образовательной среде ССУЗа. // Сборник «Духовно-нравственное воспитание учащейся молодежи в современных социокультурных условиях». Материалы всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2010. С. 304-308.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
4. Гурко Т.А. Отцовство в молодых семьях и после развода М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 52-72.
5. Давитян М.Г., Ельникова Г.А., Ревенко Н.В. Семья в условиях общества риска и нестабильности // Казанская наука. 2015. №6. С. 293-295.
6. Ельникова Г.А., Алиев Ш.И. Жизненные стратегии молодежи: теоретический и методологический анализ. Белгород: Кооперативное образование, 2008. 245 с.
7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. 768 с.
8. Каменева Т.Н. Семья как антропосоциокультурная система процессуально-институционального типа // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т.11. №3. С. 38-43
9. Каменева Т.Н. Социокультурные риски семейно-брачных отношений в контексте социальной политики региона // Вопросы культурологии. 2013. 310. С. 30-33.
10. Крикун Е.В., Белозерова И.А. Экологическая составляющая в формировании характера россиянина (на примере жителей Белгородской области) // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы международной научно-практической конференции (19-20 ноября 2015 года). Белгород; Воронеж: ООО «ПТ», 2015. Часть 1. С. 232-236.
11. Никулина Н.Н., Шевченко С.В., Давитян М.Г. Основные тенденции формирования духовно-нравственной безопасности современной студенческой

молодежи // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород, Россия, 19-20 ноября 2015 г. Часть 1. С. 564-569.

References

1. Antonov A.I., Medkov V., Arkhangelsky V.N. Demographic processes in Russia in the XXI century. Moscow: Graal, 2006. 137 p. Russian.
2. Gordienko I.V. The spiritual and moral aspects of professional-personal formation of the student in the educational environment of specialized secondary schools. *Collection of «Spiritual and moral education in modern sociocultural conditions of young people in school». Materials of the All-Russia scientific-practical conference.* Kursk, 2010. Pp. 304-308. Russian.
3. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: The Institute of Sociology, The Russian Academy of Sciences, 2010. 592 p. Russian.
4. Gurko T.A. Fatherhood in young families, and after the divorce. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 52-72. Russian.
5. Davityan M.G., Elnikova G.A., Revenko N.V. The family in a society of risk and instability. *Kazan science.* 2015. №6. Pp. 293-295. Russian.
6. Elnikova G.A. Aliyev S.I. Life strategies of the youth: theoretical and methodological analysis. Belgorod: Cooperative Education, 2008. 245 p. Russian.
7. Zdravomyslova E.A., Temkin A.A. 12 lectures on the sociology of gender: a tutorial. SPb. Publisher European University in St. Petersburg. 2015. 768 p. Russian.

8. Kamenev T.N. Family as an antropo-sociocultural procedural system of the processual and institutional type. *Srednerussky Bulletin of Social Sciences.* 2016. Vol. 11. №3. Pp. 38-43. Russian.

9. Kamenev T.N. Social and cultural risks of family relations in the context of the region's social policies. *Questions of Cultural Studies.* 2013. 310. Pp. 30-33. Russian.

10. Barker E.V. Belozerova I.A. The environmental component in shaping the character of the Russians (on the example of the inhabitants of Belgorod region). *Risks in a changing the social reality: the problem of forecasting and management: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (19-20 November 2015).* Belgorod: Voronezh LLC «РТ», 2015. Part 1. Pp. 232-236. Russian.

11. Nikulina N.N., Shevchenko S.V., Davityan M.G. Main trends shaping the spiritual and moral safety of modern students. *Risks in the changing social reality: the problem of prediction and control. Proceedings of the International Scientific-practical Conference.* Belgorod, Russia, 19-20 November 2015. Part 1, Pp. 564-569. Russian.

Ельникова Галина Алексеевна, доктор социологических наук.

Давитян Манушак Галустовна.

Никулина Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук.

Elnikova Galina A., Doctor of Sociological Sciences.

Davitian Manushak G.

Nikulina Natalya N., Candidate of Pedagogical Sciences.

УДК 316.334.56

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-49-57

**Жвирблис Л.В.,
Рудь Д.С.,
Герасименко А.В.**

**ТОПОГРАФИЯ СЧАСТЬЯ: КУРЬЯНОВО.
ОТ ИСКУССТВЕННО СОЗДАННОГО СООБЩЕСТВА
К САМООРГАНИЗОВАННОМУ**

Проектное бюро URBAN St'14 *lejvirblis@gmail.com*

Проектное бюро URBAN St'14,

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, д. 20,

г. Москва, 101000, Россия. *dariazueva@gmail.com*

Проектное бюро URBAN St'14, *ag@urbanstreet14.ru*

Аннотация. В статье описаны некоторые выводы исследования, проведённого в рамках подготовки выставки «Топография счастья: Курьяново», прошедшей в выставочном зале «Печатники» в московском районе Курьяново в марте-апреле 2015 года. На выставке были представлены видеоработы современных художников, фотографии и другие артефакты, посвящённые микрорайону Курьяново, и опирающиеся на одноимённое социологическое исследование. Проект реализован при финансовой поддержке Департамента культуры города Москвы и организационной поддержке ГБУК г. Москвы «Московское агентство по развитию территорий средствами культуры (МосАРТ)».

Курьяново – посёлок, построенный на берегу реки на юго-востоке Москвы в 1950-х гг. для работников станции аэрации (очистки вод), обслуживающей запад города.

«Топография счастья» – художественно-исследовательский проект, рассказывающий о счастье людей, которые живут на территории изучаемых районов. Через глубинные интервью с жителями, их истории, переживания и персонифицированную связь с местом мы находили набор знаковых мест, описывали, как организована повседневная жизнь, разворачивающаяся в среде этих районов. Команда авторов проекта ставила своей целью изучить формы взаимодействия людей и пространства через нарративы жителей Курьяново, влияние определённых мест и свойств окружающего пространства на эмоциональный фон – прежде всего, счастье – жителей.

Одной из интересных тем, выявленной социологами в процессе исследования, оказалась динамика развития локального сообщества Курьяново. Имеются в виду изменения, которые претерпело во времени созданное в советское время практически замкнутое пространство, где для предполагаемого сообщества был создан набор возможностей городской среды: общественные пространства, единое место работы, наличие профсоюза и пр. Однако система, выстроенная сверху, оказалась нежизнеспособной – развалился профсоюз станции и закрыли единственное стабильно собирающее всех вместе общественное пространство (таким являлся местный Дом культуры), соседи практически перестали общаться между собой. Вопрос о том, как функционирует сообщество в наши дни, что оно из себя представляет и как оно заново начинает развиваться, стал одним из самых интересных моментов в исследовании.

Ключевые слова: городские исследования; социология города; сообщества; локальная идентичность; визуальная социология; поздравление; эмоции; счастье.

**L. Zhvirblis
D. Rud
A. Gerasimenko**

**TOPOGRAPHY OF HAPPINESS: KURYANOVO
COMMUNITY: CREATED AND TRANSFORMED**

Project Bureau URBAN St'14, *lejvirblis@gmail.com*

Project Bureau URBAN St'14,

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

dariazueva@gmail.com

Project Bureau URBAN St'14. *ag@urbanstreet14.ru*

Abstract. Kuryanovo is a settlement built on the river bank in the southeast of Moscow in the 1950s. It was built for the workers of the water treatment station serving the west of the city.

The article describes some findings of the research conducted in preparation for the exhibition «Topography of happiness: Kuryanovo», held in the «Pechatniki» exhibition hall in Kuryanovo, Moscow in March-April 2015. Video works of contemporary artists, photographs and other artifacts dedicated to the Kuryanovo microdistrict, and based on sociological research of the same name were presented at the exhibition. The project was implemented with the financial support of the Department of Culture of Moscow and the organizational support of the «Moscow Administration of the Moscow City Agency for the Development of Territories through Culture (MosArt)».

«Topography of happiness» is an artistic and research project telling about the happiness of people who live in the studied area. Through in-depth interviews with residents, their stories, experiences and individual connection with the place, we were able to find a selection of iconic places, describe how the daily life is unfolding within the given environment. The research team aimed to study the forms of interaction between people and space through the residents' narratives, the influence of certain places and properties of the surrounding space on the emotional background – first of all, happiness – of the inhabitants.

The way how local Kuryanovo community developed in the last fifty years became one of the most interesting topics in our research. We mean the changes occurred in the Kuryanovo community since Soviet times. Initially the territory was created as a set of opportunities in urban environment: general workplace for all, public spaces, trade union, etc. However, the top-bottom approach in this case turned out to be unviable – the trade union collapsed, the only public space for community gathering (the local House of Culture) was closed down; neighbors practically stopped communicating with each other. The question of how the community functions today, what it represents and how it starts to develop again, has become one of the most interesting moments in the research.

Keywords: Urban research; sociology of the city; community; local identity; visual sociology; felicitation; emotions; happiness.

1. Введение

Строительство посёлка Курьяново – комплексный градостроительный проект, связанный со спецпредприятием, полностью обеспеченный собственной инфраструктурой: больницами, поликлиниками, школами, детскими садами, местами досуга, где появились также дом культуры и местный творческий ансамбль. Проекты рабочих посёлков продолжали утопическую идею города-сада, предложенную в конце XIX в. Э. Ховардом в Великобритании и имевшую длительную историю развития в Российской империи и СССР [1]. Среди характерных черт города-сада, перешедших затем и в проекты образцовых рабочих поселков, – эстетичность, самодостаточность, относительно низкая плотность населения, поощрение локализованной общественной жизни. Проживание в городе-саде является оптимальным и привлекательным, сочетая спокойствие сельской местности и возможности городской инфраструктуры. Таким образом, цель проектировщиков посёлка Курьяново состояла в направлении повседневной жизни людей в «правильное» русло – к счастью. Район

значительно изменился со временем, но всё равно остаётся обособленным и довольно сильно отличается от остальной Москвы как застройкой, так и сложившимися здесь социальными отношениями.

Для понимания проекта «Топография счастья» необходимо описать его границы и этапы, ведь его нельзя назвать типичным социологическим исследованием. При этом первым этапом проекта «Топография счастья. Курьяново» стало социологическое исследование, реализованное в декабре 2014 года. Параллельно было проведено кабинетное исследование изучаемой территории с помощью геолокационных сервисов для дополнительного поиска нарративов местности. Следующими этапами стало вовлечение в работу группы медиа художников, которые переосмыслили данные, полученные на предыдущем этапе, и подготовили для них свои интерпретации. Также для выставки были созданы интерактивные карты, помогающие вовлечь жителей в жизнь района. Также по итогам первых недель выставки, собранные посредством карт данные помогли исследователям лучше понять ситуацию в районе

и переживания счастья местных жителей в нём. В ходе выставки проекта был также проведён ряд мероприятий по выявлению проблем района и поисков инструментов работы с ними. В качестве экспертов выступали практикующие профессионалы, приглашённые кураторами. Выставка и мероприятия, приуроченные к ней, были проведены в марте-апреле 2015 года.

Наше исследование было сосредоточено на понимании счастья горожанином и влиянии городского пространства на это понимание. Интерес к такого рода исследованиям в мире не утихает, и Россия не исключение, о чём говорят такие исследования как «Индекс счастья российских городов» [2], «Индекс счастья городов России» ВЦИОМ [3] или совместное исследование «Насколько ты счастлив в Столице?» журнала Time Out и ЖК «Сердце Столицы» [4]. Однако их скорее можно назвать формирующими общественное мнение исследованиями, нежели действительно стремящимися ответить на вопросы, которые волнуют многих людей и городских управленцев: что такое счастье? Как его достигнуть? Как городская среда влияет на счастье? Ведь адекватное понимание феномена счастья, могут даже дать правильный вектор развития города и его жителей. Вопросы счастья обсуждаются в медиа, статьи формируют дискурс о счастье [5], на Московском Урбанистическом Форуме 2014 года проходит отдельная секция, посвящённая данной тематике. Существуют и мировые исследования счастья, такие как Happy Index Planet [6] или End of the Year survey [7].

Социологический взгляд на счастье прослеживается в классических работах социологов (Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса и др. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15]), которые рассматривали различные аспекты эмоций, в т.ч. счастья. В их работах счастье рассматривается как состояние, которое может влиять на социальные процессы в обществе. Современные западные исследователи счастья, такие как Э. Диннер [16], И. Боннивелл [17], М. Аргайл [18] понимают и исследуют его как цель и достижимое состояние человеческого существования. Также существуют исследования, посвящённые счастью как благу для общества и счастье в культуре социума.

2. Объект, предмет, цель исследования

Объект: счастье как социальный феномен в отдельно взятом микрорайоне Курьяново города Москвы.

Предмет: понятия жителей микрорайона Курьяново о счастье и поиск препятствий в достижении состояния счастья.

Цель: обнаружение социальных детерминант в представлениях о счастье. Выявление факторов городской среды, косвенно влияющих на счастье жителей.

Однако в данном тексте мы не старались ответить на вопрос, что подразумевается под понятием «счастье», хотя это и было одной из задач исследования. В статье контурно очерчиваются происходящие изменения в сообществе жителей Курьяново. Выявление сообщества и детальное его описание, к сожалению, не являлось одной из задач исследования «Топография счастья», а было сделано по ходу проекта, но ряд выводов может быть интересен городским исследователям и социологам.

3. Методы исследования

При разработке методологии исследования мы начали своё изучение со следующих современных социологических исследований динамики счастья: The Happy Planet Index, индекс счастья городов России, исследование «Индекс счастья» ВЦИОМа [18], которые, однако, оперируют понятием счастья, не предлагая определить его самим респондентам. Поскольку исследовательские задачи, связанные с оценкой эмоциональной связи жителей и специфического топоса Курьяново ставились впервые, а количественное измерение уровня счастья могло бы породить трудности в интерпретации данных, было принято решение сосредоточиться на качественных методах исследования. Предполагалось, что будут собраны неоднородные определения и характеристики (например, межличностное, интроспективное счастье и проч.), которыми оперируют жители, поэтому для работы была выбрана общая рамка «понимающей социологии», позволяющая находить смыслы, переживаемые самим субъектом, и связанные, в том числе, с личным пониманием пространственного выражения счастья и факторов городской среды, косвенно влияющих на эту эмоцию в Курьяново.

В кабинетный этап исследования вошёл анализ геолокационных сервисов, медиасреды, документов, других исследований. Основным источником данных стали глубинные интервью с жителями Курьяново о прошлом и настоящем района, их топографическом и эмоциональном восприятии места. Всего было проведено

двадцать четыре глубинных интервью с респондентами – постоянными жителями и гостями микрорайона – с целью выявления социальных детерминант в представлениях о счастье и обнаружения связей с определённым набором знаковых мест на изучаемой территории.

Задаче построить как можно более полную картину послужил принцип оппозиций: в среде района мы разыскивали потенциальных представителей разных «полюсов». Например, в выборку вошли:

- сотрудники (бывшие сотрудники) предприятий и организаций различной направленности (школы, церкви и др.);
- старожилы территории и недавно приехавшие;
- представители разных эпох;
- пользующиеся разным видом транспорта;
- гости района и краеведы.

Таким образом были собраны высказывания «контрастных» людей о счастье, счастливых временах, положительных эмоциях, которые вызывают какие-то локации в районе и раскрываются в конкретных историях и событиях. Для представления материалов на выставке мы выбирали цитаты и темы, ярче всего передающие настроения и эмоции жителей, «ауру» района.

4. Топография счастья: Курьяново. Выявленные «темы», как результаты исследования

Для удобства художественной презентации социологического исследования было выбрано несколько важных для информантов тематических блоков, в которых концентрируются символические и эмоциональные ресурсы микрорайона Курьяново. Темы – это основные выводы исследования, представленные внешнему зрителю, также дополненные работой кураторов и художников.

Игровая секция, основанная на теме «**Прошлое-настоящее-будущее**» и содержащая медиаработы и карту микрорайона, приглашала посетителя выставки больше узнать о Курьяново, вспомнить, каким он был в прошлом, зафиксировать момент настоящего, увидеть и придумать его будущее.

В качестве топографического и визуального отображения прошлого, настоящего и будущего посёлка выступила Курьяновская станция аэрации, истории развития и работникам которой посвящена отдельная тема «**Люди станции**». Именно для работников станции и по одному с

ней проекту был построен жилой посёлок Курьяново, где сейчас живёт уже третье поколение первых поселенцев – их дети и внуки. Часть потомков пошла по следам родителей и также работает на станции, кто-то выбрал иной путь для карьеры.

Важной составляющей жизни Курьяново в советское время была социальная жизнь, происходящая на бульваре, площади, в Доме культуры, библиотеке и других общественных пространствах и культурные учреждения, отражённые в теме «**Прошлое, настоящее и будущее Курьяново**». Какие трансформации претерпела общественная жизнь с течением времени, был ли жизнеспособен этот проект с самого начала, какие уроки мы можем извлечь из прошлого, во что трансформировалась культурная жизнь сегодня?

Архитектурный проект, где преобладают двухэтажные дома застройки, тишина и зелень, совершенно нетипичные для Москвы, сохраняются только благодаря зоне санитарной охраны станции, в которой есть запрет на новое строительство. Атмосферу посёлка ценят не только местные жители, но и московские краеведы. Курьяново завораживает: живописные улицы, коттеджи, всё утопает в зелени. У жителей есть сарайчики, в которых хранятся велосипеды и продовольственные запасы, они ходят пешком по проезжей части на работу, в школу и детский сад, здороваются на улицах, кто-то держит кур. Сложно поверить, что район находится в одном из крупнейших мегаполисов мира. В прошлом же, напротив, Курьяново было городом среди ближайших деревень: окрестные районы застраивались позже. В теме «**Курьяново – это Москва среди ближайших деревень, а теперь наоборот**» раскрывается эта история.

Однако не все курьяновцы хотят водить детей в единственную школу, оставшуюся в посёлке, многие работают вне микрорайона. Сегодня жителям приходится часто уезжать, в т.ч. из-за закрытия практически всей социальной инфраструктуры, не выдержавшей проверки временем. «**Ритм Курьяново**» изменился: многие ездят на автомобиле, среди пустырей, окружающих посёлок, возникла трасса для мотокросса, рядом с памятником Ленина – в самой центральной точке Курьяново – больше не собираются слушатели местного ансамбля «Ровесники» (их заменили подростки-дрифтеры), люди толпятся на остановках общественного транспорта. При этом, внутри Курьяново по-

прежнему царит тишина и люди ходят спокойным шагом.

Исследование задействовало два подхода к анализу счастья курьяновцев. С одной стороны, были протестированы гипотезы о наличии неких «конвенциональных составляющих» счастья, которые принято связывать с влиянием городской среды – например, спокойствие и тишина, чувство равенства людей, живущих в одинаковых домах, крепкие социальные связи и добрососедство, возможность встретить свою любовь и пр. С другой стороны, исследователи постарались проследить содержание понятия «счастье» в нарративах опрошенных и зафиксировать места, связанные с его переживанием. Оказалось, что на уровень счастья людей влияет не столько город, сколько индивидуальное понимание, которое раскрывается в теме «Лаборатория счастья».

Кроме исследования района и выставки, было проведено несколько встреч жителей: с помощью интерактивных карт, экскурсий по району и по станции аэрации фасилитаторы знакомили друг с другом местных жителей, разбирались в проблемах района и искали пути их решения, привлекая к районным проблемам лиц, принимающих решения.

В данной статье освещаются две «темы», которые лучше всего описывают социальные идеи, заложенные в проекте строительства района, их реализацию, влияние на людей и их трансформацию со временем.

5. Тема: «Курьяново – Москва среди ближайших деревень, а сейчас наоборот»

На территории современного микрорайона Курьяново исторически располагались две деревни: Батюнино и Курьяново. В 1930-е годы жители деревни Курьяново работали в колхозе «Огородный гигант». Позднее здешние места были выбраны для строительства станции аэрации, начавшееся ещё до Второй мировой войны, но с её началом прерванное до 1947 г. Свою работу станция начала в 1950 г.

А. Эль, бывший начальник отдела Курьяновской станции аэрации (КСА), житель района: *«Мы поселились тут в 1954 году, раньше жили в районе Кутузовского проспекта, там стояло три барака и два относилось к Мосочиствод, один к Мосводопровод, т.е. к структуре современного Мосводоканала. Когда построили здесь Курьяновскую станцию, отец был главным инженером, мы приехали сюда. Там мы жили в коммунальной квартире, здесь у нас*

отдельная квартира была. КСА находилась вне городской черты, что соответствовало тем санитарным нормам, существовавшим на тот момент.

Построена станция, при станции был построен посёлок, который был предназначен для работников КСА. До этого на этом месте существовала деревня Курьяново. Отсюда и название КСА и т.д. Для того, чтобы освободить эту землю под строительство, деревня была переселена в Новокурьяново в районе Щербинки. Когда началась война, было не до строительства, земли были отданы работникам треста Мосочиствод под огороды. За счёт этих огородов, собственно, люди и выжили, время-то было очень суровое. Вот у нас тоже здесь был свой огород – я был ребёнком, когда война началась, мне было 4 года, помощи от меня на тот момент не было никакой, – мама с Кутузовки ездила сюда для того, чтобы смотреть и ухаживать за огородом. Вот представляете, надо было на трамвае доехать до Киевского вокзала, там на метро до Курского, затем на электричке и тут от электрички пешком надо было пройти три километра. Ведь это не разовая экскурсия, ведь это надо было регулярно ездить! Ну что делать, такова жизнь была».

В строительстве посёлка примерно до 1954 года участвовали заключённые и пленные немцы, поэтому первые годы большинство жителей посёлка жили в коммунальных квартирах и за колючей проволокой, на входе их обыскивали, необходимы были пропуски.

Л. Лаврёнова, бывшая главная бухгалтерша станции, жительница района: *«Мы через проходную ходили, наши сумки проверяли. Чтоб водку не принесли заключённым, им больше ничего и не надо было».*

В декабре 1950 г. станция вошла в строй, а с ней и практически готовый посёлок по специальному планировочному проекту, автором которого был архитектор Мосгорпроекта, выпускник ВХУТЕИНа И.П. Кычаков. Главной осью посёлка стал каштановый бульвар, ориентированный в сторону села Коломенское ради живописной панорамы.

Застройка посёлка осуществлялась, в основном, 2-этажными домами. В центральной части – двухподъездные дома с четырьмя квартирами, остальная часть – 8 и 12-квартирными домами. При всех домах был спроектирован земельный участок, так, чтобы жители могли разбивать на нём свои сады, т.о.

большая часть посёлка была озеленена, за чем следили сами жители. Постепенно посёлок застраивался по проекту, было возведено 123 жилых дома и отдельных здания: для поселкового Совета, Дома Культуры (Клуба), двух школ, 6 детских садов, бани, больницы, поликлиники, универсама, хозяйственного магазина, гаража, пожарного депо, складов, булочной-хлебопекарни, овощного магазина, рынка, аптеки, парикмахерской, почты совместно с библиотекой, милиции, столовой.

Л. Лаврёнова, б. гл. бух. станции, жительница района: *«Наши посёлок Курьяново был всегда ухоженным, за чистоту отвечал цех озеленения КСА. Все деревья и кустарники всегда были подстрижены, дороги всегда были чистые, никогда в К. не было грязно, снег вовремя убирался, дворники чувствовали свою ответственность. И если кто-то и приезжал в К., то все называли наше К. райским уголком».*

Многие новосёлы переехали в Курьяново из деревень, но не потеряли при этом возможности заниматься садово-огородным хозяйством. На участках рядом с домом жители разбили грядки, цветы посадили, кустарники. При этом работа участкового (во времена СССР), в числе прочего, состояла в контроле за тем, чтобы нормы «хозяйственного освоения» не были превышены, т.е. не возведено самовольных построек. На сегодняшний день, напротив, скорее жителям приходится следить за благополучием территории и растений и ограждать их от влияния городской системы благоустройства.

А. Горбачёв, геодезист, житель района: *«У меня довольно большой палисадник – старый теневой сад с плодовыми деревьями – за ними нужен постоянный уход, практически ежедневный. Также я ухаживаю за деревьями на аллее: провожу обрезку и покраску сам, стараюсь следить, чтобы листья не убирали и реагенты не сыпали рядом с плодовыми. Всё это вредно для растений. В палисадниках жителей дворники не трогают ничего».*

В дальнейшем станция неоднократно расширялась, а в 1978 г. рядом со старой запустили Новокурьяновскую аэрационную станцию, самую крупную в Европе: соответственно, коллектив станции увеличивался и станция строила жильё новым работникам. К неширокой сетке Курьяновских улиц добавили Батюнинскую, на месте бывшей деревни Батюнино. Там выросли дома уже в 4, 5, 9 и 14 этажей. Квартиры в этих домах получали не только работники станции, но и служащие в

строительном батальоне, участвовавшие в постройке.

В 50-е Курьяново воспринималось «анклавом Москвы», окружённое деревнями Печатники, Люблино и Марьино. Курьяновцы считали себя городскими, всячески подчеркивая данный свой статус. Для них в Курьяново *«было всё как в городе»*. В настоящее время Курьяново диаметрально сменило имидж – микрорайон превратился в *«деревню в городе»* как для москвичей, так и для самих курьяновцев.

Городская система расселения, за редкими исключениями, характеризуется статусной сегрегацией: обладатели большего объема ресурсов, в том числе административных, занимают и более привлекательное жилье. В Курьяново же был обнаружен феномен, соответствующий, скорее, цеховой культуре города и демонстрирующий солидарность первых жителей микрорайона, намеренно отказывающихся от насаждаемой социальной стратификации в проектировании посёлка. Первые здания строились в расчёте на три категории работников, в представлениях проектировщиков имеющие чёткую иерархию: руководство, инженеры и остальные работники. Соответствующие каждой категории здания различаются местоположением, этажностью, метражом, количеством комнат и прилегающим земельными участками. Для руководства станции предназначались три жилых одноэтажных дома, разделённых пополам на две квартиры, каждая из которых имела по три комнаты, высокие потолки и большие земельные участки. Руководство станции отказалось жить в этих домах. Информанты объясняют это тем, что руководство станции старалось быть ближе к подчинённым. Дома решено было перекоммутировать в общежития, сейчас в них живут обычные работники станции по одной семье в каждой квартире.

6. Тема: «Прошлое, настоящее и будущее Курьяново»

В общественных местах Курьяново люди развлекались, и отдыхали, там же проходили важные этапы взросления: знакомство вне школы или предприятия празднование свадеб. В Клубе (Дом культуры) кипела основная общественная жизнь: танцы, кино, кружки, хор, выступали местные знаменитости (группа «Ровесники»). В данный момент здание клуба закрыто, а «Ровесники» дают концерты в меньшем по размаху помещении.

Александр, гитарист ВИА «Ровесники», житель района: *«Причина прийти на наши*

творческие вечера у жителей не в нас, а в том, что люди имеют возможность увидеть друг друга, мы являемся катализатором».

Екатерина Полищук, жительница района: *«Раньше, когда я училась в школе, каждое 9 мая и День города рядом с ДК устраивали концерт. У нас есть своя местная группа ВИА «Ровесники», они всегда там выступали, приходил весь район. Мы с подружками собирались перед концертом у кого-нибудь и наводили марафет: выпрямляли волосы, красились. Это был такой Выход. Но вот уже лет пять назад ДК огородили забором, большие таких мероприятий, к сожалению, не проводится. ВИА всё равно выступает, сейчас в клубе здоровья «Семья». Территория очень маленькая и народу уже не так много приходит. Ещё у нас есть спортивный комплекс с бассейном. Там я по три раза в неделю встречаю много народу».*

Сплочению жителей также способствовала обособленность района, отрезанность от Москвы до 1970-х гг.: с двух сторон посёлок огибает река, с третьей стороны проходят ж/д пути (до станции Перерва – 15 минут пешком от центра посёлка), с четвёртой стороны – пустыри, через которые можно было проехать на автобусе и также попасть в город. Этот фактор имеет влияние на общность жителей и по сей день.

Е. Полищук, жительница района: *«Живу больше 20 лет, мы приехали, я ещё маленькая была. Работаю здесь же, в Курьяново, в строительной фирме неподалёку возле дома. Я здесь выросла, училась и работаю, и мужа здесь встретила, он тоже здесь живёт. У нас, в принципе, большинство историй подобных – люди, которые здесь живут, они здесь и создают семьи».*

В нынешнее время Клуб практически не функционирует как общественное пространство. Часть этой функции сейчас взял на себя клуб здоровья «Семья», созданный силами одного из жителей. Также в Курьяново находится популярный физкультурно-оздоровительный комплекс (ФОК), библиотека и галерея. К бару «Чердачок» и кафе «Оазис – потенциальной замене досуговым заведениям прошлого – отношение у жителей различное. Если в баре «Чердачок» иногда проходят мероприятия, которые устраивают сами местные жители, то кафе «Оазис» связано с практиками, описываемыми информантами как маргинальные и недопустимые, не характерные для местного сообщества, организованные «для приезжих приезжими». Также жителей беспокоит то, что

кафе украшено не в общей стилистике посёлка, фасад закрыт яркими плакатами.

А. Эль, б. нач. отд. КСА: *«Весь посёлок был на балансе станции, своевременно проводились капитальный и текущий ремонт. На балансе находилась территория посёлка, благоустройство. Сейчас это передано в городские структуры. И вот посмотрите: ДК стоит, но использование такого огромного здания совершенно не эффективно. Почему там не проводятся никакие киносеансы? Раньше приезжали артисты. Всё поменялось».*

Неизменной моделью проведения досуга остаётся общение с окружающей посёлок природой – например, купание.

Ю. Кондрашова, ведущая районной группы на сайте «ВКонтакте»: *«Представьте, вы в Москве, в 15 км от кремля и весь твой район, все друзья, собираются и идут купаться в этот пруд. И идёшь босиком, в полотенце. До дома пять минут дойти. У нас, я считаю, неповторимый район Курьяново».*

Искусственно созданная дотационная досуговая инфраструктура, где происходили основные встречи местных жителей, концерты, театральные постановки и пр. обычно поддерживаемые и финансируемые со стороны КСА, не выдержала перехода к новым рыночным условиям, развалился и профсоюз станции. По-видимому, в Курьяново не было предусмотрено мер по поддержанию в случае внешних шоков самостоятельно развивающегося устойчивого сообщества, которое могло бы сегодня стать субъектом принятия решений. Лишившись возможности собираться вместе в клубе, потеряв возможность реализовывать свои права через профсоюз, сообщество Курьяново в значительной степени лишилось значимого статуса при обсуждении будущего развития района. Посёлок жители называли раем, но рай оказался контролируемым и потому временным.

Несмотря на полный развал социальной инфраструктуры, Курьяново входит в новую стадию возрождения уже устойчивого сообщества самостоятельно. Это не сообщество, но общность знакомых незнакомцев. Жители узнают друг друга в транспорте/магазине, добродушны на улице. Происходит возрождение сообщества: это проявляется в таких местах как Клуб здоровья «Семья», где теперь выступает местный ансамбль, у некоторых жителей есть идеи и предложения конкретных путей возрождения прошлой активной жизни сообщества через сохранение эстетики посёлка:

А. Горбачёв, житель района, геодезист: *«Надо провести, наверное, реставрацию всех зданий. Например, там были двери входные, которые сейчас все железные. Насколько я понимаю, они все были деревянными со стеклянными полосками. Можно вставить бронированное стекло, чтобы его не разбили ногами. Всё будет в едином стиле. Ещё хотелось бы сохранить розетку и сам барельеф в комнатах. Посёлку нужен статус федерального памятника. Дом Культуры запустить. У него был очень красивый сад, лестницы, огромные залы, там можно фильмы показывать, проводить какие-то мероприятия интересные. Зброшенные здания – аптеки, парикмахерской – вполне можно приспособить под иные нужды. Если это всё будет сделано в соответствии с современными стандартами, то я думаю там всё будет нормально и все будут счастливы».*

7. Заключение

Опыт работы над проектом «Топография счастья. Курьяново» включал анализ документов, полевое исследование, взаимодействие с жителями в рамках мероприятий и проведение одноименной выставки в локальном выставочном зале. Фокус работы – на счастье в повседневном мире Курьяново: такой подход позволяет проследить личностную связь с физическими объектами района, эмоциональную динамику, совмещенную с историческими изменениями.

Сбор данных в рамках проектной работы позволил проследить и представить развитие истории сообщества и пространства в современных репрезентациях, сделать выводы относительно знаковых мест района, факторов и динамики их изменения, зафиксировать эмоциональные состояния, характеризующие важные объекты и периоды истории Курьяново. На выставке собранный материал был распределён в несколько тематических секций, представляющих основные находки исследования: «Лаборатория счастья», «Люди станции», «Ритм Курьяново», «Прошлое, настоящее и будущее Курьяново», «Курьяново – это Москва среди ближайших деревень, а теперь наоборот». Содержание двух последних секций представлено в статье: первая позволяет проследить урбанистическую историю района, начиная с момента застройки; вторая представляет основные изменения, произошедшие в общественных пространствах Курьяново. Выяснилось, что Курьяново, в первые десятилетия своего существования считавшееся

«островком» городской культуры в сельском пространстве, во многом за счёт развитой социальной инфраструктуры, на сегодняшний день трансформировалось. Эмоциональное восприятие Курьяново схоже с восприятием сельской местности, также сохранились социальные практики более присущие для посёлка или малого города, не характерные для мегаполиса. Выявлены проблемы, связанные со сменой функционала общественных мест района, изменениями моделей досуга, вынужденным прекращением ряда досуговых практик. Проникновение культуры мегаполиса в Курьяново отмечается в смене ритма жизни района в пограничных зонах, однако сохраняется тишина и спокойствие в центральных.

Трансформация физической и социальной сред микрорайона Курьяново служит примером хрупкости созданных планомерно производственных поселений советского типа. Такое сообщество нестабильно, на него могут сильно оказывать влияние несущественные внешние факторы. А также показывает, что модных нынче попыток создания единичных в районе площадок для общения жителей (местный коворкинг, комьюнити-центр, тайм-кафе) также может быть недостаточно: для создания сильного независимого сообщества необходимо единение по многим параметрам.

Список литературы

1. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. №1. С. 118-166.
2. Мониторинговое агентство NewsEffector совместно с Фондом региональных исследований «Регионы России». URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927/> (дата обращения: 30.01.2017).
3. «Индекс счастья городов России» ВЦИОМ. URL: <http://tass.ru/obshchestvo/3214302> (дата обращения: 30.01.2017).
4. «Насколько ты счастлив в Столице?» журнала Time Out и ЖК «Сердце Столицы». URL: <http://happymoscow.timeout.ru/> (дата обращения: 30.01.2017).
5. Мурунов Святослав «О городах, в которых люди не могут быть счастливы». The Village, 13.10.2014. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/166717-urbanist-svyatoslav-murunov-o-moskve-i-ostalnoy-rossii> (дата обращения: 30.01.2017).
6. Happy Index Planet. URL: <http://www.happyplanetindex.org> (дата обращения: 30.01.2017).

7. End of the Year survey. URL: http://www.wingia.com/en/services/end_of_year_survey_2014/global_results/8/45/ (дата обращения: 30.01.2017).

8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

9. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.

10. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

11. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

12. Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. М.: Юрист, 1996.

13. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.

14. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Информационный бюллетень ССА. Серия: переводы и рефераты. 1968. Вып. 1. №6.

15. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 680 с.

16. Диннер Э. Поговорим и счастье. М., 2003.

17. Бонивелл И. Ключи к благополучию: Что может позитивная психология. М.: Время, 2009.

18. Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003.

19. «Индекс счастья» ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastyia/ (дата обращения: 30.01.2017).

References

1. Meerovich M.G. The Birth and death of the Soviet garden city: the characters and motives of the murder. *Bulletin of Eurasia*. 2007. No. 1. Pp. 118-166. Russian.

2. Monitoring Agency NewsEffector together with the Foundation of regional studies «Regions of Russia». URL: <http://www.gosrf.ru/news/5927/> (date of access: 30.01.2017). Russian.

3. «Happiness index of Russian cities». *Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)*. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3214302> (date of access: 30.01.2017). Russian.

4. «How happy you are in the Capital?» by Time Out magazine and an «Heart of the Capital». URL: <http://happymoscow.timeout.ru/> (date of access: 30.01.2017). Russian.

5. Murunov Sv. «On cities in which people can't be happy». The Village, 13.10.2014. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/166717-urbanist-svyatoslav-murunov-o-moskve-i-ostalnoy-rossii> (date of access: 30.01.2017). Russian.

6. The Happy Planet Index. URL: <http://www.happyplanetindex.org> (date of access: 30.01.2017).

7. End of the Year survey. URL: http://www.wingia.com/en/services/end_of_year_survey_2014/global_results/8/45/ (date of access: 30.01.2017).

8. Weber M. Selected works. Moscow: Progress, 1990. Russian.

9. Weber M. The Basic sociological concepts. *Western European sociology of XIX century*. Texts. Moscow, 1996. Russian.

10. Durkheim E. Suicide: Sociological etude. Moscow: Thought, 1994. Russian.

11. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow: Kanon, 1995. Russian.

12. Simmel G. Favorites. In 2 T. Moscow: Yurist, 1996. Russian.

13. Parsons T. The Notion of a society: components and relationships. *American sociological thought: Texts*. Moscow, 1996. Russian.

14. Parsons T. The System of coordinates of the action and the General theory of action systems: culture, personality and place of social systems. *The Structurally functional analysis in modern sociology. Newsletter of the SAA. Series: translations and abstracts*. 1968. Vol. 1. No. 6. Russian.

15. Parsons T. About structure of social action. Moscow: Academic project, 2000. 680 p. Russian.

16. Dinner E. Talk and happiness. Moscow, 2003. Russian.

17. Boniwell I. The Keys to prosperity: What can positive psychology. Moscow: Time, 2009. Russian.

18. Argyle M. Psychology of happiness. Saint-Petersburg, 2003. Russian.

19. «Index of happiness». Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastyia/ (date of access: 30.01.2017). Russian.

Жвирблис Лёля Владимировна, социолог, городской исследователь, Master of Arts in Cultural Management, методолог проектного бюро URBAN St'14.

Рудь Дарья Сергеевна, аспирантка, социолог проектного бюро URBAN St'14.

Герасименко Артём Валерьевич, урбанист, куратор, Master of Arts in Urban Studies, основатель проектного бюро URBAN St'14.

Zhvirblis Lelya V., sociologist, urban researcher, Master of Arts in Cultural Management, expert of the Project Bureau URBAN St'14.

Rud Darya S., graduate student, sociologist of the Project Bureau URBAN St'14.

Gerasimenko Artem V., urbanist, curator, Master of Arts in Urban Studies, founder of the Project Bureau URBAN St'14.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 1(304+378.1)

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-58-63

Boychenko M. I.

SOCIAL PROBLEMS CREATION AND SOLVING
IN A KNOWLEDGE SOCIETY

Taras Shevchenko National University of Kyiv, 64/13 Volodymyrska St., Kyiv, 01601, Ukraine.
boychenko_m@mail.univ.net.ua

Abstract. Knowledge society is characterized by such significant development of science and education that we should not speak about the successful solving of the problems that society faces without successful prediction of the social problems, moreover we should talk about the problem-oriented social development and even about the planning and creation of the main future society problems. The strategy of social problem creation – problematization – is based on the orientation of the absorption of small problems by their displacement by the wayside, or transformation into components (or problem-means) of bigger problem as something whole (problem-goal). Thus, if we find a big, core problem, we find the way to create a mechanism for the solution of the majority of small problems. According to Nicklas Luhmann, the systems manage the contradictions, but they use them precisely because they are produced by systems. The communication community is a very specific source of controversy and stress to the system – in the case when the system is functionally protects the value positions of other communicative community.

Keywords: social problem; problematization; knowledge society; communication; tension; communication community.

Бойченко М. И.

СОЗИДАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, ул. Владимирская, 64/13, Киев, 01601, Украина
boychenko_m@mail.univ.net.ua

Аннотация. Общество знаний характеризуется таким значительным развитием науки и образования, что мы не должны говорить об успешном решении проблем, с которыми сталкивается общество, без успешного прогнозирования социальных проблем, более того, мы должны говорить о проблемно-ориентированном социальном развитии и даже о планировании и созидании основных проблем будущего общества. Стратегия создания социальной проблемы – проблематизация – основана на ориентации поглощение мелких проблем путем их перемещения на периферию, или трансформации в компоненты (или проблемы-средства) более серьезной проблемы, как некоего целого (проблемы-цели). Таким образом, если мы находим большую, основную проблему, мы находим способ создать механизм для решения большинства малых проблем. По мнению Никласа Лумана, системы управляют противоречиями, но они используют их именно потому, что они производятся системами. Коммуникативное сообщество является очень специфическим источником противоречий и напряжений в системе – в случае, когда система функционально защищает ценностные позиции другого коммуникативного сообщества.

Ключевые слова: социальная проблема; проблематизация; общество знаний; коммуникация; напряженность; коммуникационные сообщества.

The knowledge society, at least since the time of the Enlightenment, is a certain regulative ideal and, at

the same time, in some aspects can be seen as characteristic of, if not the status quo, then, in any

case, a sustainable society trends – namely, the post-industrial stage of social evolution. At this stage, society is characterized by significant development of science and education that we should not speak about the successful solving of the problems that society faces without successful prediction of the social problems, moreover we should talk about the problem-oriented social development and even about the planning and creation of the main future society problems. We should remember that problem is not a natural fact – it is a state of human affairs produced by humans themselves with big help of their minds. A particularly striking example of such creation and planning can be considered in the sphere of education, the inherited tradition of knowledge transition, complemented and even replaced by the development of the latest scientific discoveries (the last few years – almost in on-line mode). Scientific research becomes now more a part of the open educational process itself, then a particular discovery process isolated in laboratories. Modern education is increasingly characterized not only by technologies of problem-based learning, but also by an artificially created conditions for problematization of the whole educational process, that is, to be successful the learning needs now certain challenges, not only for students but also for professors and even administration.

We can make some paradoxical, but only at first glance, analogy between organization of educational process and holding of sporting events – is not only a sport, but also education and science (as well as virtually all other spheres of public life, according to Hans Ulrich Gumbrecht's elegant comparison [8]) are transformed into an arena of original performances, where it is creating not just visibility of achievements but more about the birth of the genuine new achievements in the face of unlimited (with the help of modern media) audiences. Education always has forte in artistry, and in some sciences traditionally rhetoric contributes to achieving better results [9], but now here comes the moment of truth for many universities and many representatives of the professors: «Hic Rhodus, hic salta». No previous merits and achievements (explicit or imaginary) can replace the requirement to make a performance – to show own competence and ability in front of everyone.

In case of the sport, in preparation for certain large-scale international sport events – like the Olympic Games, World Championships etc. – the host country undertakes the provision of not only the conditions for sport events themselves, but of all the

convenience for all people during the competitions and above – for a large number of tourists, journalists, staff, the official delegations of foreign states and others. All this requires from the host country of a sports event not just to invest significant financial resources, but also to make significant in terms of volume and complexity organizational efforts. Thus the conduct of a particular sport event acquires the character of a rather significant social problem for the host country of the competition. The problem, which, however, has the character of desired, moreover – carefully planned, and even more so – the problem of obtaining of this event by potential country-hosts could be solved with all possible means. A striking example is held in Poland and Ukraine for the European Football Championship in June 2012 or the World Cup 2018 in Russia.

This type of social problems deserves special study, because it changes if not an overall assessment of the phenomenon of social problems, then, in any case, it requires a new, more differentiated approach to its consideration. If we pay attention to what one should assess as current, situational, partial social problems that inevitably arise in a mode of related problems of evolution, so moreover we have to speak of core problems of human evolution, that become the central social problem, which defines main social event itself, which is the highest, the ultimate goal that justifies and determines means of the solution of all of the current problems. If such a central social problem were deliberately planned and extremely useful for the society, the attendant social problems, as a rule, were problems in the conventional, old, traditional sense of the word.

Now is the high time to rethink the scientific approach to understanding of the social problems at the paradigmatic level – it is necessary to pass from the thinking about problems and their solutions in the mode «catch-up» (when they will dominate us) to the anticipatory design of the knowledge about problems. Problems or suddenly grab us, and we have to deal with them in an emergency, as with accidents, or we create for ourselves problematic working conditions – for better stimulation ourselves to achieve our goals in such way. «Catch-up» and advanced deal with problem – there is quite pertinent analogy with different versions of social modernization in the case of two directly opposite social situations for different societies as a result of the use by them diametrically opposed social policies [5; 7].

One strategy is focused on borrowing someone else's positive experience and based on trying to apply it to specific local social circumstances (this

strategy in itself may already be successful only in part – due to differences in the set of circumstances of different societies). This strategy is losing, however, not even because of its lack of efficacy, but because of social cognition attention is diverted from its own foundations, and accordingly – lose their own, inherent trends. As a result of such strategy of «catch-up» the modernization should persistently apply for the new role models – again borrowed, strange, that do not fully meet the domestic needs. This development would proceed in the best case according to a model that resembles Zeno's paradoxes «Achilles and the Tortoise» [6], when the fleet-footed Achilles to overtake the tortoise must pass first half of the way towards her, and during this time the tortoise, albeit slowly, but further it moves away from Achilles. This is endless and futile attempt to catch up certain leaders.

Another strategy is based on the orientation of the absorption of small problems by their displacement by the wayside, or transformation into components (or problem-means) of bigger problem as something whole (problem-goal). Thus, if we find a big, core problem, we find the way to create a mechanism for the solution of the majority of small problems – certainly not all of them and certainly just for the period of solving of this big problem. The difficulty with this strategy is art to make the right choice of the goal that is deserve to be problematized. The term «problematization» is widely used in a science, here scientist constantly chooses what he will do in the near future, what focus he have to do. In a knowledge society the science should not just be the main productive force, it should be also a model of successful social behavior, perhaps even a model of a successful course of action, and moreover, even lifestyle. In this perspective, one can understand the correct meaning of the strategy «to create problems». It does not mean to complicate one's life as much as possible, or look for all sorts of problems «on one's head». On the contrary, the whole point is to provide a selection of social problems according to the mechanism of problematization based on the selection of the «big problem» – such a problem, the solution of which will override all other problems as «smaller», including the expenses of their decision within this big problem. To do this, even at the stage of selection, one should consider how the solving of one problem will help to solve the others. If this is not the only and the main criterion for choosing of such a big problem, than in any case, it is one of the main.

This approach leads us to the systemic approach in social cognition, which probably provides most consistently the identifying and creating of the links between different social phenomena and processes. A systematic approach to social cognition will inevitably explain the social dynamics, because it is in the nature of social processes to be manifested as the interdependence of different, at first glance, autonomous social formations (communities, individuals or societies) as part of the same system at its core reality, and an inverse dependence of the system whole from the way in which interaction of its parts is coordinated – the coordination, which is constantly changing and updated in unstable equilibrium mode. This equilibrium should be explained not so much according to the point of identifying of the specificity of each of these parts as according to the position of the functional importance that each of them becomes as a part of the system of the social wholeness.

The dynamics of social reality acquires the character of a fundamentally multidimensional process, which leads to permanent stress and implicit (as well as explicit) conflicts. Mankind evolution gives for such a complexity of social reality more and more undeniable evidences, that was recorded as by the classics of positivism philosophy so by modern Western scholars, among which perhaps the most consistent position in consideration of the social reality as based on the principle of distinction (which to a certain extent corresponds with the positivism principle of differentiation) we can find in Niklas Luhmann's theory of social systems [10-12].

Luhmann observes that the basis of conflict is precisely the multiplicity of reality. But this multiplicity is not, in principle, known in advance – a reality in the Luhmann's theory is fundamentally open and uncompleted. The reason for this Luhmann's vision is his understanding of the system as existing thanks to the its production of contradictions, and not because of their destruction: «So, here we also adhere to the self-referential, autopoietic concept: the contradiction itself produces something of what it is, what is contrary to, and from materials that themselves can exist without contradiction» [11, p. 495]. Indeed, according to Luhmann the systems manage the contradictions, but they use them precisely because they are produced by systems [12]. This does not mean that other contradictions do not exist, but systems do not «see» them.

This Luhmann's concept of the system reminds Gottfried Wilhelm Leibniz's concept of the monad

[4]. But unlike these monads, systems are able to operate with contradictions. «The contradiction is the uncertainty of the system, rather than individual transactions; but in this case it deprives these operations benefit from certainty they acquired through participation in the system, extracts from basal self-reference as elements of the system» [11, p. 493]. Thus Luhmann destroys the idea of the system as something definite, but by that, in his opinion, the system will receive only benefits. After all the system uncertainty is not absolute, but expresses its readiness for new incarnations, which are deprived of elements of the system, which in themselves are, for Luhmann, self-identity, and a new quality can be obtained only through a new quality of the system in which they can re-enter as constituents parts, but differently than before. Luhmann considers the contradictions as a mechanism of the providing of the existence of systems in time, however, in the specific sense: «Therefore, the contradiction is often considered as promoters of the systemic movement or even as dialectical development drivers. However, their relation to time is laid down deeper – it is always already given, if contradictions will be actualized, and ultimately goes back to temporalization of the complexity by constantly disappearing time elements» [11, p. 502]. This disappearance is also not to be construed as absolute, but it is the disappearance for this state of the system and for a given moment.

Luhmann's drift to the subject of conflict is carried out through the concept of communication. After all, any conflict is a specific communication, and, according to Luhmann, all social systems are communication systems: «Social systems exist as communication systems, so they create contradictions through communication deviations... Only the excessive demand for the unity of communication constitutes a contradiction by choosing what unites fit to this requirement» [11, p. 497-498]. Of course, not all of the communications are equally conflicted – every communication has specially devoted to conflict: «The conflict is operational independence of the contradiction giving through the communication. Thus, there is a conflict only when somebody communicates about expectations and when somebody communicates about the non-acceptance of communication» [11, p. 530]. Such communication should keep the system in suspense – in the sense that the system must constantly be «in the tonus», that is in working condition. Therefore, it is necessary to permanently destroy the first to achieve a reliable unity, and it is through their own efforts: for the static

unity is less reliable than the dynamic unity [10]. Static for Luhmann means stiffness of the structure, rigidity, and therefore, weak flexibility, elasticity, that significantly reduces the adaptive capacity of the system. Only a system, that is constantly in a state of crisis and constantly successfully comes out of it, is really reliable. So, in order to be a reliable strategic, the system has to make itself unreliable tactically: thus it runs in its protective effect (autoimmune) mechanisms. Static system only looks legitimate – their immutability is not only a sign of their weak interaction with the outside world, but also a sign that it does not develop and does not constantly update their protective ability, their ability to regenerate.

Thus, dynamic systems are more sensitive to events not because of their weakness, but because of their power – they aspire to this sensitivity and specifically develop it. In social systems such sensitivity is ensured by communication. Such communication should constantly provoke tension and destabilizing of the system, but it provokes them not chaotically, however without following some external logic, but according to the logic of the system itself. Luhmann describes this tactic on the example of communication focused on the practice of «connections», ie, when the system adds to the justification of its need all possible events with its own, already procured stress scenarios, using the already well-known for the system scenarios from the possible variation of its destabilizing, ie, the system makes an accident in contingency: «Contradictions articulate contingency that underlying systems as double contingency behavior towards accession. Possibilities that are in the field of view, are arranged not in a direction of reality, but of impossibility. This again leads to the fact that the reproduction must deal with the impossibility of reproduction: the system does not respond to one or another of the mutually exclusive opportunities, and to the very adherence behavior» [11, p. 502]. Luhmann strive not the creation of a system of insecurity, but the creation of a registry of known species of insecurity – which of them will happen is unknown, but it could be only one of the known from the prepared set of insecurity. As a result of such a classification the system attaches some new unreliability to the set of the varieties of its unreliability. Moreover, even this set and such classification should not be indisputable – the system must be prepared not only to face new challenges, but also periodically internally structurally readjust to this. Luhmann takes to his explanation the term «immune system» mechanism [11, p. 504], and for an explanation of its knowledge

– the term «social Immunology» [11, p. 509], bringing together as much as possible in this aspect of their functioning the social and organic systems.

So, all the possible unreliability of the social system as challenges are operated out by a kind of selection and are distributed according to the known to the system the species of unreliability for which it has already fulfilled the script of responses. Moreover, the system does not wait passively for some kind of insecurity, but it actively provoke them: «In connection with this contradiction can be seen as special devices for the connection of insecurity; they instill uncertainty, so to speak, purposefully – as in the analysis, specifically targeted at this, so in contradictory communications» [11, p. 502]. We are talking about a certain corridor of possibilities in which the system challenges are already quite strong and unexpected, to destabilize the system, and at the same time not strong enough and unexpected, to destroy it. Such controlled challenges are attracted by the system through the creating of a controversy as an active mode of interaction with their environment.

Because here Luhmann talks about the reliability and standardization of communication, he refers to the system of law as the most appropriate for its function of providing this type of communication. According to this, the problem of social conflicts as a special type of social interaction is seen by him in the field of the right terminology: «The prospect of the conflict emerges from the mass of everyday expectations those that are justified in the case of a conflict. This justificatory perspective associated with normativity of the expectations and subordinated to the scheme «legally/illegally», ie it is included in the complete universe in which there are only two mutually exclusive values. On the basis of this scheme the conflict experience can be summed up in anticipation, and thus reduced to the form in which it comes to conflicts at the interaction level, only as an exception, even if there are expectations, which are themselves highly improbable» [11, p. 510].

Luhmann said that the conflict should be localized and instrumentalized, it should not receive excessive powers – he even compares the ratio of the conflict to the system with the relation of the parasite to the living organism – when the conflict goes out of control: «...for such parasitism typical is not the desire for symbiosis but tendency to absorption of the host system by conflict as long as in conflict involved more attention and resources» [11, p. 533]. Thus, despite the provision of a high role and importance of social conflicts, Luhmann does not create his theory

of social systems as a conflictology – his theory only gives explanations and recommendations to the latter.

The experience of Luhmann's theory of social systems can better serve our understanding of the systemic approach in social cognition-oriented explanation of a method of reproducing of the multiple coexisting communication communities [3]. Each of such community is not an abstract, as it turns out in Luhmann's theory, but a very specific source of controversy and stress to the system – in the case when the system is functionally protects the value positions of other communicative community. Then the nature of these contradictions and tensions occurs basically defined by specific values that are involved in conflict, and the contradiction in the meaning and functional contradiction would be designed on the basis of deep-seated value contradictions.

As a special communicative community can be considered, on the one hand, all those who involved in the functioning of the education sector, on the other hand – all those who are acting as a consumer of services in this sphere. The first community, community of the producers of the education service, according to our division into traditional, modern and postmodern communication communities [3, p. 8-19], obviously, refers to the modernization communicative communities [1], while the community of students as too choppy in its composition and still having a certain and stable common features should be considered as postmodern community [2].

From this standpoint, the main sources of problematization of the functioning of education we should select according not to the criterion of content of education, but more according to criterion of actors with more important for the educational sphere communicative qualities. Such big problems are, firstly, the problems of the functioning of the organization of the educational sphere, so to say, the offer of the educational services, and at the second place there are the problems relating to the behavior of the students themselves, ie the demand for educational services. To stimulate the development of the educational sphere, and through it, to stimulate the society as a whole, can, therefore, by the offer encouraging or by stimulating of the demand for educational services. In any case it is necessary to apply the different strategy of the problematization, because we are talking about different types of communication communities, which will act as the leader for a particular strategy.

If we turn to the content side of the problem, the choice of a «big problem», which we mentioned at

the beginning of this article, will be much wider and diverse. In any case, such an understanding of the social problems on the example of the education sector offers a wide scope for social studies and for the practice of social change.

References

1. Boychenko M. The fate of scientific schools in modern Russian philosophy: in light of the changing generations of philosophy. *Philosophical thought*. 2015. No. 3. Pp. 46-61. Russian.
2. Boychenko M., Miroshnichenko D. Intellectuals and the students: the development of relations from theory to practice. *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, philosophy, sociology and political science*. Chisinau, 2016. No. 2(171). Pp. 152-160. Russian.
3. Boychenko M. Systematic approach to social knowledge: values and functional aspects. Monograph. Kyiv: Publishing House «Ray», 2011. 320 p. Russian.
4. Leibniz G. Monadology. *Works*: In 4 t. T. 1. Moscow: Mysl', 1982. Pp. 413-429. Russian.
5. Sogomonov A. Ethics of catch-up modernization // *Neprikosnovennyi zapas*. 2010. No. 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/so20-pr.html>. (date of access: 12.02.2017). Russian.
6. Fragments of the early Greek philosophers. Edition ed. A. V. Lebedev; resp. ed and ed. introd. article I. D. Rozhansky. Moscow: Nauka, 1989. 576 p. Russian.

7. Eisenstadt S. Revolution and the transformation of societies: a Comparative study of civilizations [transl. from eng.]. Moscow: Aspect Press, 1999. 416 p. Russian.

8. Gumbrecht H.U. In Praise of Athletic Beauty. Cambridge, Mass: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 272 p.

9. Lanham R.A. The Electronic Word: Democracy, Technology, and the Arts. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 2010. 302 p.

10. Luhmann N. Risiko und Gefahr, Aulavorträge 48. St. Gallen: Hochschule für Wirtschafts-, Rechts- und Sozialwissenschaften 1990. 52 p.

11. Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 674 p.

12. Luhmann N., Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie Was leistet die Systemforschung? Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. 406 p.

Boychenko Mykhaylo Ivanovych, Professor of the Department of Theoretic and Practical Philosophy of the Faculty of Philosophy at Taras Shevchenko National University of Kyiv, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Бойченко Михаил Иванович, Профессор кафедры теоретической и практической философии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор философских наук, профессор.

УДК 316.64

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-1-64-71

Поспелова С. В.
Поспелова А. И.

**ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЯКОВ
В ОТДАЛЁННОМ РАЙОНЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Севастопольский филиал, Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
ул. Вакуленчука, д. 29, г. Севастополь, 299053, Россия, *sonia5@ya.ru*
Северо-Восточный государственный университет, ул. Портовая, 13, г. Магадан, 685000, Россия
pospp7@yandex.ru

Аннотация. Исследования этнорелигиозной ситуации в национальных поселениях Северо-Эвенск и Верхний Парень Северо-Эвенского национального района Магаданской области показали, что этническая идентификация большинства жителей не актуализирована, «размыта». Происходит конфликт культур на линии религиозного разлома. Одним из результатов конфликта культур является появление маргинализованной группы лиц, не идентифицирующих себя ни с традиционной, ни с привнесённой культурой, не способных к культурному творчеству ни в том, ни в другом контексте. Традиционный образ жизни, репродукция культуры осуществляется в группах «традиционных верующих» и православного населения отдаленных сел.

Ключевые слова: религиозная и этническая идентичность; локальная идентичность; коряки; эвены; пятидесятники; православные.

S. V. Pospelova
A.I. Pospelova

**LOCAL IDENTITY OF KORYAK PEOPLE
IN THE REMOTE DISTRICT OF MAGADAN REGION**

Sevastopol branch of Plekhanov Russian Academy of Economics, 29 Vakulenchuka St., Sevastopol,
299053, Russia, *sonia5@ya.ru*
Northeastern State University, 13 Portovaya St., Magadan, 685000, Russia, *pospp7@yandex.ru*

Abstract. The studies of the ethno-religious situation in national settlements Severo-Evensk and the Verkhny Paren of the North-Evenki national district, Magadan region, showed that the ethnic identification of the majority of residents is not actualized, «blurred». There is a conflict of cultures on the religious fault line. One result of the clash of cultures is the emergence of a marginalized group of individuals who do not identify either with traditional or with the introduction of the culture, not capable of cultural creativity in the audio or in a different context. The traditional way of life, a reproduction of the cults can be seen in the groups of «traditional believers» and Orthodox population in remote villages.

Keywords: Religious and ethnic identity; local identity; Koryaks; evens; Pentecostal; Orthodox

Прежде чем перейти к проблеме полевого исследования и причинам, побудившим его проведение в отдаленном национальном селе Магаданской области, необходимо предоставить компактный анализ специфики жизнедеятельности автохтонов в национальных поселениях Северо-Эвенск и Верхний Парень Северо-Эвенского национального района Магаданской области (место компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (коряки, эвены, чукчи, ительмены).

Вследствие объективных условий коряки более длительное время, чем представители других северных этносов, находились в изоляции.

Специфические обстоятельства жизнедеятельности привели к выработке ими самобытного опыта жизнеобеспечения и культуры, имевших значительно меньше, чем у других северных народов, инкультурных влияний и их последствий. Толерантное отношение к другому человеку и его культуре стало основой культуры северных субэтносов, первоначально возникших, как результат консорции и конвексии. Наиболее характерными чертами этих культур остаются особое отношение к природе, «неотделение» себя от неё, «экологическая солидарность с миром», ставшие идейной основой формирования субэтносов,

которые можно относить к числу автохтонных [1, с. 298].

Всем народам Севера присуща своеобразная система ценностей, которая служит основой культурного комплекса этноса. Приоритетным в духовном наследии Севера является ценностное отношение к природе, которое обеспечило социум «экологической солидарности», а также трансляцию культурного опыта, что позволяло автохтонам Крайнего Севера тысячелетиями жить в состоянии «замершей цивилизации».

В 1998-2001 гг. были проведены исследования культурных ориентаций и ценностей коренных малочисленных народов Севера, сформировавшихся в условиях социокультурной адаптации [2, с. 75]. Исследование проводилось по репрезентативной региональной многоступенчатой выборке; генеральной совокупностью являлись жители из числа коренных малочисленных народностей Севера. Методами сбора эмпирической информации явился анкетный мониторинговый опрос и метод экспертных оценок. [1, с. 299]. В результате исследования было выделено три типа культурной ориентации:

1. Доминантная ориентация на российские и интернациональные образцы духовной и материальной культуры и интереса к ней (ассимиляционная группа);

2. Ориентация как на национальную, так и на российскую и интернациональную духовную и материальную культуры (интернациональная группа);

3. Преимущественная ориентация на национальное, главным образом, на сугубо доминирующие традиционно-этнические ценности (узконациональная группа) [2, с. 296].

На линии тесного контакта техногенной и традиционной культур существовала тактика навязывания, диктата одной из культур. Одним из результатов конфликта культур является появление маргинализированной группы лиц, не идентифицирующих себя ни с традиционной, ни с привнесённой культурой, не способных к культурному творчеству ни в том, ни в другом контексте.

В 2003-2012 гг. Администрация Магаданской области совместно с Социологической службой Северо-Восточного государственного университета проводили полевые исследования в национальном районе Магаданской области, в том числе и в селе Верхний Парень. В число наших задач входило исследование этической и

религиозной идентичности. Мы исходили из того, что «идентичность» – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, языковым, религиозным группам [3; 4; 5]. Под «этнической идентичностью» – понималась одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу, стране, культурному пространству.

Село расположено на реке Парень, недалеко от впадения в неё реки Кукваам, немногим севернее самого большого озера Магаданской области – Пареньского. До районного центра Северо-Эвенск – 280 км, до Магадана – 1480 км. Никаких дорог к селу не проложено. Летом туда можно добраться по воде, зимой – на вездеходе. Телефона, сотовой связи, телевидения, интернета – нет (у главы района есть спутниковый телефон). Есть радиосвязь и транзисторные радиоприёмники. Ранее (до 90-ых гг. XX в.) раз в месяц в село летал вертолет, на котором привозили продукты и товары и забирали рыбу и пушнину, на вертолете отвозили детей на учебу в интернат села Гижига (200 км от Верхнего Пареня). В 40-50 гг. XX в. в селе построили деревянные дома, открыли торговый пункт, фельдшерскую службу. В 90-ые гг. фактически прекратилась связь с селом и районного центра, а коренные народы были представлены к самовыживанию. Так как, выживать для них было делом традиционным, они продолжали заниматься охотой и рыбалкой, рядом с селом находилась оленеводческая бригада и «водные» люди обменивались с «оленными» продуктами. С 1997 г. стали налаживаться доставка продуктов и товаров, дети опять полетели в интернаты. На 2003 год в селе проживало 185 чел., из которых 166 относились к коренным малочисленным народам². В 2016 году в поселке проживает 144 человека (большинство из них коряки).

Коряки – малочисленный народ в России, автохтонное население Северо-Востока, в Магаданской области проживает всего 900 человек. Коряки являются аборигенными

²Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. 528 с. (Табл. 33. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населённых пунктов, сельских населённых пунктов).

народами и корнями уходят в глубокое прошлое. Наиболее древние археологические находки относятся к верхнему палеолиту (XIII-VI тыс. до н.э.). Освоение территории продолжалось в неолите (V-II тыс. до н.э.), а в VII в. до н.э. начала формироваться токаревская культура (эпоха палеометалла), которую в 1-й пол. I тыс. н.э. сменила древнекорякская культура. Таким образом, пока строился и разрушался Вавилон, шло Великое переселение народов, крепла и разрушалась Римская империя, предки коряков обустроивали свой мир, ловили рыбу, ходили на охоту, танцевали млавтыгын и ололо, приносили жертвы аняпели, вели войны с местными народностями, с XVII в. иногда платили ясак Российскому государству. Влияние российской цивилизации сказывалось на их культуре, верованиях и образе жизни, но качественных изменений не происходило. Отдаленность и фактически недоступность поселений коряков обеспечивали их традиционный образ жизни.

Основой социальной жизни была большая патриархальная семейная община. В конце XIX в. в области производства и распределения сохранялись черты первобытного коллективизма. У паренцев существовали особые коллективы – «байдарные объединения», где на время морского зверобойного промысла объединялись орудия труда и рабочая сила. «Байдарные объединения» организовывались на основе родственного принципа. Они не только выполняли производственные функции, но представляли собой устойчивые социальные структуры, внутренняя жизнь которых регламентировалась нормами обычного права, традициями и обрядами. При распределении добычи промысла не существовало единых правил. Вплоть до XX века у коряков сохранялись обычаи левирата и сорората. Левират – это когда умирал старший брат, а младший должен был жениться на его жене (вдове) и взять на себя заботу о ней и ее детях. А если умирала жена, то вдовец должен был жениться на сестре умершей жены. Это сорорат. Смерть у коряков – нарушение привычной картины мира и ее надо любой ценой «защитить», ликвидировать. И на смену умершему сразу же приходит живой³.

³Обзор сделан на основе статьи «Коряки» в энциклопедии «Народы и религии мира»: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. Редкол.: О.Ю. Артемова, С.А. Арутюнов, А.Н. Кожановский, В.М. Макаревич (зам. гл. ред.), В.А. Попов, П.И. Пучков (зам. гл. ред.), Г.Ю. Ситнянский. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с.

Традиционные верования паренских верований до конца XX в.: шаманизм, промысловые культы и пр. Христианство не оставило в селе Верхний Парень почти никакого следа, кроме некоторых элементов похоронного обряда. Православный похоронно-поминальный обряд переплетался с традиционными обычаями: сожжением умерших. В мир иной умерший коряк уходил через обряд сожжения. Вместе с умершим на костер укладывали вещи покойного, предметы первой необходимости, лук, стрелы, продукты. Вещи были включены в непрерывную цепь ритуалов и жертвоприношений. Сами по себе они представляют ценность разве что в пространстве этнографического музея.

Традиционное мировоззрение связано с анимизмом. Коряки одушевляли весь окружающий мир: горы, камни, растения, море, небесные светила. Вселенная представлялась в виде 5 миров: земли, населенной людьми, 2 миров над ней и 2 подземных. Верхний мир – обиталище Верховного существа, которое отождествлялось с солнцем, рассветом, природой, вселенной. Верхний из подземных миров представлялся населенными злыми духами, а нижний – обителью теней мертвых. Миры, составляющие вселенную, взаимопроницаемы. Существовал профессиональный и семейный шаманизм. Распространено поклонение священным местам – аняпелям (сопкам, мысам, утесам). Практиковались жертвоприношения собак и оленей. Бытуют культовые предметы – аняпели (особые камни для гадания, священные доски в виде антропоморфических фигурок для добывания огня трением, амулеты, символизирующие тотемистических предков, и прочее). В семьях, где рождались близнецы, устраивался особый «волчий праздник», т.к. близнецы считались родственниками волков. На праздниках исполнялись обрядовые пляски, представляющие натуралистичное подражание движениям животных и птиц: тюленей, медведей, оленей, воронов. Традиционный танец млавтыгын сопровождался характерным гортанным хриплым пением. На праздниках устраивались игры и соревнования.

И если в последние десятилетия в Корякском округе (относится к Камчатскому краю) успешно развивается профессиональная культура, главным образом в области хореографии (национальный танцевальный ансамбль «Мэнго») и изобразительного искусства, созданы объединения художников-любителей и литераторов, то в селе Верхний Парень корякская культура фактически исчезла.

Предыстория этнорелигиозного исследования начинается в 2003 г., когда в районном центре Северо-Эвенск была официально зарегистрирована территориально-соседская община (ТСО) малочисленных коренных народов севера «Эммануил»⁴ (24 чел.) Основным видом деятельности являлось разведение оленей. После регистрации ТСО «Эммануил» стала требовать выделение земель. В частности, глава ТСО писал: «Поскольку основу ТСО МНС «Эммануил» составляют коряки (80%), то и территориальные наши требования связаны с расселением коряк в прошлом и в настоящее время. Считаю, что наши территориальные требования в части территории 115142 га на полуострове «Гайгонос», не вызывают никаких сомнений» [7, 79]. В Уставе ТСО было указано, что она является некоммерческим объединением, а один из пунктов содержал положение «привлечение иностранных граждан производственной к деятельности ТСО» [7, 80]. Территории, истребования для «занятиями традиционными видами деятельности» – это тайга и рыбные, нерестовые реки, в недрах есть богатые залежи золота, яшмы, горного хрусталя, агата, берилла, пренита, янтаря и др. «Странности» Устава заключались в том, что ТСО, согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 №82-ФЗ, предусматривается ряд льгот и приоритетов только для коренных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Никакого привлечения иностранцев или наемных работников не предусматривается. Традиционные виды хозяйственной деятельности, согласно Конвенция № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» от 1989 г., должны обеспечить присущую им самобытность, способствовать сохранению языка и культуры.

Выяснилось, что состав ТСО «Эммануил» и списочные состав религиозной организации поселка Северо-Эвенска Миссия «Христианин» Союза Христиан Веры Евангелической Пятидесятников России почти совпадают.

В Северо-Эвенском районе была на 2001 г. зарегистрирована только одна религиозная организация: Местная православная религиозная организация – приход Серафима Саровского. В соответствии с реестром зарегистрированных религиозных организаций Управления юстиции Магаданской области Миссия «Христианин» Союза Христиан Веры Евангелической Пятидесятников России была зарегистрирована в

21.02.2001 г. (место регистрации – г. Магадан) в совсем ином списочном составе. Возник ряд вопросов: почему религиозная организация осуществляет свою деятельность на территории Северо-Эвенского района и почему руководитель религиозной организации принимает такое активное участие в организации ТСО КМНС.

Руководство Северо-Эвенского района попросило разобраться в ситуации и провести этноконфессиональные исследования в Северо-Эвенске, с. Тополовка и с. Верхний Парень.

Исследования мы начали с выяснения этнорелигиозной ситуации в национальном районе. В состав группы входила председатель Магаданской Ассоциации коренных малочисленных народов севера (КМНС) Сибири и Дальнего Востока А.В. Хабарова. Исследование проводилось по мплшной выборке; генеральной совокупностью являлись жители из числа коренных малочисленных народностей Севера. Методами сбора эмпирической информации явился анкетный мониторинговый опрос, метод экспертных оценок, интервью Практика показала, что в ограниченном круге респондентов в малых национальных поселениях качественные методы являются приоритетными, так как обработка анкет не показал реальной картины⁵.

В 2003 г., например, на вопрос: Считаете ли Вы себя верующим человеком, и если да, к какому вероисповеданию можете себя отнести? Большинство из 159 опрошиваемых (сплошная выборка) в селе Верхний Парень ответило – нет. Между тем качественные исследования показали иную картину: 30 опрошиваемых относили себя к пятидесятникам веры евангельской, 35 человек считали себя православными, 55 человек не считали себя верующими. 39 человек отказались отвечать. Интересен тот факт, что отказались отвечать люди старшего поколения. На вопрос: **Стремитесь ли Вы ориентироваться на религиозные ценности в Вашей повседневной жизни (соблюдаете правила и запреты, определенные Вашей религией)?** 60 (из 159 респондентов) ответило – да, остальные не ответили.

Опрос жителей выявил иную картину: из 55 человек, которые позиционировали себе неверующими 50 человек дома имели домашние аняпели (божеств-покровителей рода) и совершали имитационные обряды жертвоприношений (все домашние покровители были измазаны кровью и салом). Дальнейшие

⁴Эммануил на иврите означает «с нами Бог».

⁵В 2005 и 2012 гг. исследования проводились на основе качественного анализа.

беседы с этими «неверующими» показали, что люди находятся в своей традиционной религии, которая является неразрывной частью их образа жизни и традиционных промыслов. Для них «верующий» – это или «православный или «десятник», потому, что там Бог, иконы, «служения», десятина у «десятников» и праздники у православных». Из православных праздников «традиционно-верующие» коряки отмечали: рождество и пасху. Масленица считалась «хорошим» русским праздником, а вот пост считали не нужным и вредным, так как «в тайге без мяса – смерть» [7, с. 85].

На вопрос: **Встречались ли Вы с нарушением прав и свобод граждан по религиозному признаку?** – ответило «да» ровно 55 человек, т.е. все неверующие (по анкетным ответам) [7, с. 85].

По этой позиции были проведены отдельные собеседования, которые показали, что жители поселка, которые «находятся в старой вере предков» чувствуют себе обиженными и ущемленными. Дело в том, что те жители поселка, которые стали исповедовать пятидесятничество стали считать себя «людьми избранными». По социальному статусу они занимали позиции для села престижные: продавцы, торговые представители, распорядители лицензий, владельцы транспорта. Они могли выехать в районный центр на транспорте церкви, что в отдаленном поселке считается верхом социальной значимости. Более того, группа неопитов оскорбляла тех, кто не перешел в их веру и называла «дикарями». Собственно говоря, это мироощущение «избранности» было объяснимо, так как известно, что христиане пятидесятнических деноминаций верят, что Дух Святой даёт дары слова мудрости, слова знания, веры, исцеления, чудотворения, пророчества, различения духов, истолкования языков. Корякские неопиты искренне пытались «стать достаточно хорошими для спасения» в том числе и через активное отрицание веры своих предков [6, с. 59].

Для разъяснения сложившихся обстоятельств в Север-Эвенске состоялись интервью с руководителем религиозной организации, с руководителем ТСО «Эммануил», с рядовыми членами религиозной организации и ТСО. На основе интервью и посещения служб была выявлена следующая картина:

Религиозную деятельность Миссия «Христианин» Союза Христиан Веры

Евангелической Пятидесятников России (№49 от 2102.2001 г. место регистрации – г. Магадан). Дьяконом, руководителем организации «собрание христиан веры евангелической» («пятидесятники» п. Северо-Эвенск) является Дикий Юрий Иванович, уроженец Западной Украины, женат на корячке, имеет четверо детей. Заместитель – Итыкьев Петр Николаевич, уроженец села Тополовка, коряк, являющийся руководителем территориально-соседской общины малочисленных народов Севера «Эммануил». Миссионерская работа ведется с 1998 г., в результате которой возникла община в районном поселке и в отдаленном селе Верхний Парень. Церковная служба («служение»), проходит во вторник, пятницу, воскресенье с 17.00 до 19.00 (детское), 19.00-21.00 (взрослое), практикуются «ночные бдения» с субботы на воскресенье. Служения проходят в традиции пятидесятников ХВЕ: читают псалмы и поют церковные песни во славу Иисуса, затем начинается молебен. После чтения молитв идет разбор Слова Божьего (чтение Нового Завета), читают Слово по очереди дьякон или кто-либо из «братьев», после чтения определенного отрывка из Завета разбираются значения слов и понятий. В завершении служения желающие каются и признаются в «грехах». С каждого взыскивается «десятина» с любой суммы. Пост (воздержание от приема пищи) – пятница. Количественный состав – 35 чел. (корки – 34 чел., украинец – 1 чел.).

Повторные исследования были осуществлены в 2006г. и в 2012 г. Количественный состав верующих соответственно – 42 человека, в 2012 г. 44 чел. т.е. религиозная организация пополняется постоянно. Национальный состав в основном коряки, русских – 2, украинцы – 1. Посещающие «собрание» имеют образование 9, 10, 11, или 5-6 классов.

С 2005 г., начали активно оформляться браки между посещающими «собрание», каждая семья старается завести еще одного-двух детей.

Положительные изменения в жизни членов общины – «собрания» заключались в том, что резко снизилось число верующих коряков, которые злоупотребляли алкоголем. Ранее многие члены общины не работали либо имели статус безработного. К 2005 г. каждый член религиозной организации нашел возможность трудоустроиться.

Отрицательные изменения произошли в сфере семейных отношений: в отношении родственников, не посещающих «собрание», шло

отторжение: дети не присматривают за родителями, даже, живя в одной квартире, не поддерживают родственных отношений; если супруга верует, а муж – нет, то настойчиво советуют ее уйти от мужа. Дети привлекают с малого возраста, распространяют религиозные брошюры среди неверующих детей и взрослых. За медицинской помощью не обращаются, исключение делают для детей [7, с. 110]. Просмотр телепрограмм, чтение периодических изданий запрещается. Многие приобрели видео- и аудиоаппаратуру, кассеты, диски. Слушают песни и смотрят фильмы религиозного характера, в основном «о каре небесной» за «грехи» и отступничество, внушают, что прощения не будет, «грехи» надо искупать [6, с. 41].

По телосложению коренные малочисленные народы коренасты, сухощавы, смуглые. Особую озабоченность вызвал внешний вид: бледность, нездоровый цвет, (впечатление высокой температуры), потеря мышечной массы. Возможно, это являлось следствием воздержания в пище. Отмечалось изменение внешнего поведения (коряки по характеру в большинстве молчаливы, малоразговорчивы, сдержанны), чувствуется уверенность и убежденность в отстаивании религиозных взглядов. При разговоре с кем-либо цитируют Евангелие по вопросам первородности Духа, мироздания и т.д. [6, с. 35].

Религиозная организация ведет большую социальную работу. Для привлечения в свои ряды детям раздают продукты, вещи, взрослым оплачивают проезд и отдых на длительный период. Некоторых членов религиозной организации вывозили в центральные районы страны и за рубеж. В 2005 году переехали в Подмоскowie 10 человек, по национальности коряки и одна эвенка, в том числе и дети. В 2004-2005 гг. незарегистрированная в национальном районе религиозная организация приобрела вездеход, грузовую машину, дом для проведения служения, имеется компьютер, электронная связь. С миссионерскими целями объехали села: Верхний Парень, Гижига, Тополовка, Гарманда. Чаще выезжают в с. Верхний Парень, с. Гарманда. Наибольшее количество членов «собрания» проживает в с. Верхний Парень и поселке Северо-Эвенск.

Миссионерская деятельность в селе Гижига не была успешной. Жители поселка не приняли ни миссионеров, ни социальную помощь. Объяснить данную неудачу вполне успешной

религиозной организации можно тем, что жители села – эвены были крещены в православие еще в XVII в., традиции православия сохранялись устойчиво весь XX в., а в постсоветский период пошло восстановление православия (при отсутствии прихода и храма). На службу жители с. Гижига выезжают по воскресеньям в районный центр Северо-Эвенск (80 км по тундре на вездеходе или на автофургоне «бытовке»). В с. Верхний Парень верующие, позиционирующие себя как православные, скорее относятся к группе колеблющихся между верой и неверием. Они плохо знают религиозные догматы, которые предлагает церковь, у них нет постоянных связей с религиозной группой, они не являются распространителями религиозных взглядов. Но в домах у них иконы, у икон горят лампы, они знают молитвы и читают их утром и вечером.

В результате анализа этнорелигиозной ситуации в отдаленных районах Магаданской области осталось больше вопросов, чем ответов. Религиозная ситуация в организации оказалась неоднозначная: с одной стороны человек имеет право верить, распространять свои убеждения и держать пост, но с другой стороны в религиозной организации не могут обсуждаться вопросы возврата земли на основе «исторической несправедливости».

Социальная работа любой церкви только приветствуется, но зачем коряков, которые родили и выросли в северных районах, адаптировались к ним не только генетически, но и культурно, вывозить за границу?

Служения велись на русском языке, а родной язык в межличностном общении верующих исключался. И, самое главное, зачем и в каких целях разжигается нетерпимость к иным верованиям и к родовым традициям? Собственно говоря, мы столкнулись с нарушением статьи №5 Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [8], в которой: «1. признаются и охраняются указанные социальные, культурные, религиозные и духовные ценности и практика указанных народов и должным образом учитывается характер проблем, с которыми они сталкиваются как группы и как отдельные лица; 2. уважается неприкосновенность ценностей, практики и институтов указанных народов» [8].

Беседы с руководителем религиозной организации о необходимости выполнять нормы законодательства по правам коренных народов, сохранять их язык, обычаи и не допускать

конфликтов на национальной и религиозной почве эффекта не имели. Понять руководителя можно: он осуществлял миссионерскую деятельность и был уверен в своем праве. Руководитель религиозной организации обратился к московским правозащитникам, которые дали обоснованное заключение, что религиозная организация может вести миссионерскую деятельность, так как это не противоречит Конституции РФ и, согласно конституционному праву, каждый человек имеет и распространять свои религиозные убеждения, при этом, даже, не являясь частью какого-либо религиозного объединения. В данном случае миссионерской деятельностью занимались челны религиозной организации, зарегистрированной в Магадане. Таким образом, часть коренных народов отдаленных сел Северо-Эвенского района и власти Магаданской области оказались в ловушке конфликта законов: с одной стороны сохранить традиционную культуру, язык и верования – нельзя, а с другой стороны нельзя противодействовать миссионерской деятельности.

В задачу данной статьи не входит анализ конфликта законов и проблемы сохранения культуры коренных малочисленных народов. Данная проблема требует отдельного исследования. Рассмотрим изменение идентичности группы коряков в отдаленном поселке.

В первую очередь прослеживается изменение некоторых существенных ценностных ориентаций в отдаленном поселке Верхний Парень.

Значительно уменьшилось количество носителей родного языка, так как родители перестали разговаривать с детьми на родном языке, а сами родители стали общаться только на русском языке. Язык является важнейшим интегрирующим элементом культуры. Ответ информаторов на вопрос «Владеете ли Вы родным языком?» говорит не только о реальном языковом поведении, но и о «ценностей ориентации по этому поводу». Среди опрошенных⁶ в возрасте 18-78 лет 159 чел. (2003 г.) и 80 чел. (2012 г.) владели языком. Не общаются на нем 30 чел. (2003 г.) и 66 чел. (2012 г.) 50 чел. респондентов в возрасте 50 лет не желают, чтобы их дети обучались на родном языке, так как они отдают предпочтение русскому, не видя смысл в обучении и общении на родном языке [7, с. 86].

⁶Мы специально не переводили статистику в проценты, так как в непосредственной численности динамика прослеживается более четко.

Этническая идентификация большинства жителей села чаще не актуализирована, «размыта». Одним из способов идентификации личности (этноформа) себя с той или иной социальной группой и в конечном счете с этносом являются знание и соблюдение национальных обычаев, которые передаются из поколения в поколение.

На вопросы о сохранении культуры ответы распределились следующим образом [7, с. 86].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Укажите, что способствуют, на Ваш взгляд, сохранению культуры?»

Table 1

Distribution of answers to the question “In your opinion, what influences the preservation of culture?”

№	ЗНАЧЕНИЯ	2003	2012
		г.	г.
1	Историческое прошлое, общая историческая судьба	55	20
2	Сохранение национальных обычаев и обрядов	42	35
4	Сохранение национальных обычаев и традиций	45	40
5	Религия (традиционные верования)	39	15

Остальные опрошенные идентифицируют себя с тем или иной этногруппой по другим признакам, таким как образование, принадлежность к конфессии (как к православию, так и к пятидесятничеству) семья, политика государства и тому подобное.

Таким образом, на линии тесного контакта западной (пятидесятники) и традиционной культур существует тактика навязывания одной из культур.

Одним из результатов конфликта культур является появление маргинализованной группы лиц, не идентифицирующих себя ни с традиционной, ни с привнесённой культурой, не способных к культурному творчеству ни в том, ни в другом контексте.

Преимущественные ориентации некоторой части жителей отдаленных поселков на национальное, на традиционно-этнические ценности сменились на доминантную ориентацию на интернациональные образцы духовной и материальной культуры и интереса к ней (ассимиляционная группа).

Почти все опрашиваемые распределились между классами, различающимися по оси «Социальная – Индивидуалистическая» ориентация. Верующим пятидесятникам корякам присуща вертикальная социальность,

проявляющаяся в ориентации на авторитеты и прежде всего на религиозную общину. Традиции патерналистских ожиданий доминируют.

За десять лет, разделяющие панели социального исследования, произошел проиндивидуалистический сдвиг: увеличилось количество индивидов с индивидуалистически ориентированными ценностями. Традиционный образ жизни, репродукция культуры осуществляется в группах «традиционных верующих» и православного населения отдаленных сел.

Список литературы

1. Поспелова С.В. Религия и ценностные ориентации жителей магаданской области // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 299.
2. Поспелова С.В. Ценностная диффузия КМНС и инонационального населения // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Шестой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 79.
3. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в междивизиональных контактах // Социологические исследования. 2006. №10. С. 33-40.
4. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Редакционная коллегия: В.С. Магун (отв. ред.), Л.М. Дробизжева, И.М. Кузнецов. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с.
5. Науменко Л.И. Идентичность этническая // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 350-351.
6. ТАОСОРОА МО. Д. 2. Л. 17-58.
7. ТАОСОРОА МО. Д. 3. Л. 80-110.
8. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии.

URL: <http://base.garant.ru/2541271/> (дата обращения: 23.01.2017).

9. Ахмедханова С. М. Формирование национальной идентичности // Молодой ученый. 2015. №14. С. 438-441.

References

1. Pospelova S.V. Religion and value orientation of the inhabitants of Magadan region. *Sociology of religion in Late Modernity (memory Y.Y. Sinelina): proceedings of the Third International scientific conference. BSU, September 13, 2013*. Belgorod: Publishing house «Belgorod», 2013. P. 299. Russian.
2. Pospelova S.V. Axiological diffusion of indigenous and non-indigenous populations. *Sociology of religion in Late Modernity: proceedings of the Sixth International scientific conference*. Belgorod: Publishing house «Belgorod», 2016. P. 79. Russian.
3. Mchedlov M.P. Religious identity. New issues in inter-civilizational contacts. *Sociological researches*. 2006. No. 10. Pp. 33-40. Russian.
4. Civil, ethnic and religious identity in modern Russia. Editorial Board: V.S. Magoon (resp. ed.), L. Drobizheva and I. Kuznetsov. Moscow: Publishing house of Institute of sociology, 2006. 327 p. Russian.
5. Naumenko L.I. Ethnic Identity. *Sociology: encyclopedia*. Minsk: Book House, 2003. Pp. 350-351.
6. ТАОСОРОА МО. Д. 2. Л. 17-58.
7. ТАОСОРОА МО. Д. 3. Л. 80-110.
- Convention on indigenous and tribal peoples lifestyle in independent countries [Convention 169]. Adopted 27 June 1989 by the General conference of the International labour organisation at its seventy-sixth session. URL: <http://base.garant.ru/2541271/> (date of access: 23.01.2017). Russian.
8. Ahmedjanova S.M. The Formation of national identity. *Young scientist*. 2015. No. 14. Pp. 438-441. Russian.

Поспелова София Валентиновна, кандидат философских наук, доцент.

Поспелова Александра Ивановна, доктор философских наук, профессор.

Pospelova Sofia V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Pospelova Aleksandra I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.